

International

Literary

magazine

ГЕНРИХ ЭЛИНСОН КОВЫЛЯ В ТЬМЕ

Генрих
ЭЛИНСОН

КОВЫЛЯ В ТЬМЕ

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Генрих
ЭЛИНСОН

КОВЫЛЯ
ВО ТЬМЕ

роман

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.161.1'06(73)-31

Э 46

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»

Заснована у 2023 році

Элинсон Г.

Э 46 Ковыляя во тьме / Г. Элинсон — Друкарський двір
Олега Федорова 2024 — 208 с.

ISBN 978-617-7955-78-7

«Алексей Петрович проснулся часов в десять утра, облачился в старый рваный халат, и потащился на кухню готовить кофе. В коридоре у телефона стояла Регина в распахнутом халате, демонстрируя все, чем ее в изобилии наградила природа. На кухне Кира заваривала чай. Вместо того чтобы ответить подобающим образом на козликское “доброе утро”, Кира произнесла с отвращением: “Опять голая блядь стоит у телефона!” И без перехода: “Мне нужно с тобой поговорить. Я зайду к тебе через полчаса”».

УДК 821.161.1'06(73)-31

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК) © Элинсон Г., 2024

ISBN 978-617-7955-78-7

© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

От жажды умираю над ручьем.
Смеюсь сквозь слезы и тружусь, играя.
Куда бы ни пошел, везде мой дом.
Чужбина мне — страна моя родная.

*Ф. Вийон. Баллада поэтического
состязания в Блуа¹.*

РИМ. КОНЕЦ ВЕСНЫ. 1973 ГОД

Алексей Петрович Козелков вышел на перрон *Станционе Термини* в полной растерянности и вместе с толпой нагруженных, как верблюды, спутников направился к выходу. Автобус, протащившись по совершенно неинтересным местам, остановился перед обшарпанным зданием с табличкой, на которой было грубо намалевано: «Пансион Ричи». Перед входом в пансион, не обращая ни на кого внимания, сидела жирная крыса. Алексей Петрович, стараясь не смотреть на крысу, пропихнул себя и свой чемодан в узкую дверь. Грязноватый господин выдал новоприбывшему ключ и, ткнув пальцем в сторону лестницы, что-то пробормотал.

В комнате Алексею Петровичу хватило сил только на то, чтобы снять пиджак и ботинки. После чего он залез на высокую кровать и заснул тяжелым сном.

Утром Козелков был разбужен голосами в коридоре. Он спустился на первый этаж, где его ждал завтрак, состоящий из булочки, в которой была только корка, незначительного размера коробочки с джемом и жидкого кофе. «От эдакой еды ноги можно протянуть», — подумал Алексей Петрович. В грязной столовке было шумно. Плохо воспитанные дети кричали, бегали по залу, ползали под столами. Лохматый господин фальцетом громко до-

¹ Перевод И. Эренбурга.

казывал преимущество Филадельфии перед Нью-Йорком. Тип, сидящий напротив лохматого, с жаром объяснял несравненные достоинства оперы «Метрополитен» перед «Ля Скала». Когда булочки были съедены и кофе выпит, евреи разошлись по своим комнатам, но ненадолго. Вскороosti постояльцы пансиона, одетые в тяжелые шерстяные костюмы, и их дамы в крепленовых платьях группами направились в сторону эмигрантской конторы. Козелков первым делом посмотрел на то место, где вчера сидела крыса. Мерзкого грызуна не было. Козелков с облегчением вздохнул и двинулся вслед за народными массами.

Контора располагалась на пятом этаже. Не желая обонять дешевые духи в набитом лифте, Козелков взобрался на пятый этаж по лестнице; тяжело дыша, плюхнулся в кресло и стал ожидать вызова к ведущему. Придя в себя, он принялся рассматривать посетителей. Его взгляд остановился на трех Грациях, сидящих в вольготных позах. Старшей было лет тридцать пять-сорок. Младшей четырнадцать-шестнадцать, а третьей не более двадцати.

Не прошло и десяти минут, как Козелков был вызван к ведущему, где после заполнения необходимых бумаг ему были выданы деньги и строгий совет как можно скорее снять комнату. Где искать комнату и на каком языке это делать, ведущий не объяснил. Первый день на новом месте начинался с трудностей. Алексей Петрович, выходя из конторы, заметил, что Грации как по команде встали и направились к двери. Выйдя на улицу, старшая неожиданно спросила:

«Вам посоветовали снять комнату, не правда ли? У нас есть лишняя. Не знаю, понравится ли она вам».

«Любую комнату. Очень понравится. Где, черт побери, я, с точки зрения конторы, должен искать комнату? Я вам страшно благодарен. Я только не понимаю, почему вы меня выбрали? Почему я удостоен такой чести?»

Алексей Петрович, волнуясь, всегда переходил к высокопарным выражениям. Он еле удержался, чтобы не щелкнуть каблуками, но вовремя вспомнил, что эта мода исчезла давно и, видимо, навсегда. Да к тому же каблуки нынче изготавливались не из щелкающих материалов.

«Позвольте представиться, меня зовут Алексей Петрович Козелков, друзья меня называли Козликом. Еще двенадцать дней назад я жил на канале Грибоедова напротив моста с грифонами».

«А мы — Вера, Надежда...»

«Любовь», — от себя добавил Козлик.

«Вы телепат?» — поинтересовалась младшая Грация.

«Нет, напротив того, в том смысле, что у меня даже нет самой ничтожной интуиции».

«А у нас интуиции хоть отбавляй, мы чувствуем, что вы голодны».

Старшая Грация взяла Козликова под руку и, напевая «Опавшие листья», направила свои стопы в сторону ближайшего кафе.

«Расскажите нам о себе, мы страшно любопытны», — хором попросили Грации, не торопясь прихлебывая капучино.

РАССКАЗ КОЗЛИКА О СЕБЕ

«Я жил в Ленинграде на канале Грибоедова, напротив моста с грифонами. Долго, почти всю жизнь. Когда у меня на душе скребли кошки, я смотрел в окно, и печали исчезали, не всегда, но часто. Я ничего не имею против Москвы и москвичек, а наоборот, особенно, если они привлекательные блондинки».

На этом месте на Козлика нашла немота, он впал в совершеннейшую прострацию и, молча допив кофе, потащился за Грациями, бормоча под нос:

«А где фонтаны, Пантеоны и другие архитектурно-скульптурные увеселения? Где Колизей, Гай Юлий, волчица с этими двумя... Я совершенно забыл, как их звали. Кроме того, тут очень жарко, когда я жил напротив грифонов у меня был вентилятор». Компания подошла к неказистому автомобилю. Козлик с трудом засунул себя на заднее сидение.

Неожиданно внимание Алексея Петровича привлек беломраморный кекс — крендель чрезвычайно больших размеров

«А это, что за античный хлам белеет там?»

«Памятник Виктору-Эммануилу», — экскурсоводческими голосами продекларировали Грации.

После этого сообщения Козлик смежил очи, не желая ничего более лицезреть. Автомобиль резко остановился на светофоре. Алексей Петрович открыл глаза и, не медля ни секунды, выскочил из машины. Грации хором:

«Вы куда?»

«Как куда? Вы разве не видите, что это Испанская лестница? Помните, был такой замечательный фильм «Девушки с площади Испании»? Я должен там посидеть хотя бы две минуты по мемориальным соображениям».

Козлик быстро перебежал улицу и с блаженной улыбкой водрузил свое тело на третьей ступеньке лестницы. В то время как Козлик наслаждался запахом выхлопных газов, три Грации обсуждали неадекватное поведение Алексея Петровича. Надежда настаивала на том, чтобы оставить Козлика сидеть там, где он сидел. Вера зывала к гуманности и здравомыслию:

«Куда он, бедненький, денется; кроме того, нам нужен чичероне. Он еще не пришел в себя. Если его поведение не исправится, мы его выкинем к чертовой матери».

Шестнадцатилетняя Люба: «Он смешной, у него на темечке маленькая лысина».

Алексей Петрович очень довольный тем, что увидел знаменитую лестницу, вернулся в машину и громко запел «Вернись в Сорренто», стараясь по возможности удобнее расположиться на пыточном кресле Фиата.

Машина подкатила к нелепому четырехэтажному дому с совершенно никчемной одинокой колонной в центре фасада. Согнувшись в три погибели, Грации и Козлик влезли в коридор со сводчатыми потолками. Откуда, повозившись с ключами, они через дверь для *недоросков* вошли в квартиру, состоящую из двух комнат, кухни и совмещенного санузла. В комнате, предназначенной для Алексея Петровича, стояла железная койка и стул. Окно было странным образом расположено под самым потолком. Козлик сел на стул и призадумался. Он хотел было немного погулять, но боялся, что не найдет дорогу обратно.

Жалюзи пропускали тусклый, *полосатый* свет. В комнате было прохладно. Козлик вытащил из кармана помятую книжку, по которой он готовил себя к поездке в Италию, зажег свет и начал читать.

Бернард Меламуд, известный американский писатель, провел 1956 год в Италии. В результате чего была написана серия рассказов, главным героем которых был несостоявшийся искусствовед Фидельман, приехавший в Италию писать исследование о Джотто. Фидельман, выйдя с римского вокзала, немедленно узрел развалины терм Диоклетиана. Это зрелище наполнило его разнообразным спектром чувств и мыслей.

Козелков оторвал глаза от почти выученного наизусть рассказа. Свое пребывание в Вечном городе Алексей Петрович мысленно строил на жизни и приключениях недотепы Фидельмана и его антипода и смертельного врага Зускина.

На Фидельмане был новый твидовый костюм, в то время как на Зускине болтались короткие, сильно поношенные штанишки и выдавшая виды рубашка. Оба персонажа признали друг в друге еврея. Зускин попросил подарить ему костюм, который, как он думал, покоился в чемодане приезжего американца, но вместо этого получил несколько долларов и ряд советов. В том числе совет уехать на историческую родину. На что Зускин сообщил, что в Израиле он уже жил и тут, в Италии, ему как-то свободнее.

Эта фраза так основательно засела в голове Козелкова, что даже при упоминании Израиля он начинал махать руками, тем самым, демонстрируя свое совершеннейшее несогласие не только жить на земле обетованной, но даже и слышать упоминания об этом ближневосточном государстве.

В рассказе Меламуда Алексея Петровича удивило, что на ногах американца были красные башмаки. Обувь, с точки зрения новоявленного обитателя свободного мира, должна была быть черного или уж, в крайнем случае, коричневого цвета.

Что же касается рассказа Меламуда, то он кончился, если и не трагично, то очень печально. А именно: зловредный Зускин, не получив костюма, выкрал у Фельдмана портфель с материалами исследования творчества Джотто и спалил эти ученые записки у себя в конуре.

Козелков обозрел свое новое обиталище, вовсе не похожее на конуру, и понял, что ему уже в который раз сильно повезло. Алексей Петрович перевернул страницу и для углубления знаний об Италии принялся читать рассказ «Нагая Натура» того же Меламуда.

Рассказ был явно хуже предыдущего. В нем главный герой, уже не думал ни о каком Джотто. Он, как говорили в старинных романах, сильно поиздержался. От отчаяния

и голода несостоявшийся художник и искусствовед Фидельман залез в карман своего земляка и вытащил кошелек. Техасец почувствовал, что деньги и паспорт уплывают, закричал: «Караул». За неудачливым вором погнались два карабинера, но мелкий мафиози Анджело затащил несчастного американца в подвал гостиницы для проституток, где тот был немедленно поставлен чистить сортиры.

В этот момент рассказ становился странным по причине того, что неудавшемуся художнику поручается сделать копию тициановской Венеры. Мазню Фидельмана мафиози решили, повесить вместо подлинного Тициана. Но Фидельман, влюбленный в свое детище, шарахнул Анджело фонарем по голове, схватил свою сомнительного качества подделку и на лодке по озеру отправился в Швейцарию.

«А не податься ли мне в страну часов с кукушкой?» — подумал Козлик.

Позднее Алексей Петрович прочитал еще два рассказа о Фидельмане, но лучше бы он этого не делал — рассказы были из рук вон плохие.

Козлик записал свой новый адрес, выбрался на улицу, но решил не отходить от своего нового обиталища больше, чем на один квартал. После короткой прогулки Алексей Петрович вернулся в свою комнату, приготовился почитать не относящийся к Риму рассказ Меламуда, но был приглашен на ужин.

«Спагетти, — произнесла Вера торжественно и с гордостью добавила: — с соусом маринара».

«Но это же просто макароны», — с возмущением воскликнул Алексей Петрович, тем не менее, полил их соусом, обильно натряс сыру и стал с аппетитом, издавая трубные звуки, заглатывать спагетти — новое название, но старое содержание.

После обеда Вера и Алексей Петрович выкурили по две сигареты.

«Итак, милейший Козлик», — промолвила старшая Грация, нам следует обсудить некоторые подробности вашего пребывания в этой квартире. Как я понимаю, в своем недалеком прошлом вы занимались фарцовкой и поэтому знакомы с главным правилом коммерции: «Купи дешево, продай дорого».

Козлик поперхнулся желтоватым напитком, который в этом доме называли чаем:

«За каким хреном, простите, ни сном, ни духом, с чего вы это взяли, с какой стати, почему вам пришло это на ум, в жизни не занимался ничем подобным».

Надежда голосом следователя по особо важным делам:

«А вот посмотрите на себя в зеркало, у вас типичное лицо фарцовщика, да вы не бойтесь, карающая рука правоохранительных органов далеко».

Алексею Петровичу никогда в голову не приходило, что у него лицо фарцовщика и как, собственно, должно это *фарцованное* лицо выглядеть, он не имел ни малейшего представления:

«Я не лицо фарцовщика».

«Ну ладно, не хотите, чтобы мы держали вас за фарцовщика и не надо», — заключила Надежда.

«А сами вы кто такие? А за кого мне вас держать прикажете, и где вы раскопали этот одесский глагол «держатель», да еще с предлогом «за»? Вы сами, *не есть ли дворянского происхождения из бояр*. Я же вам все о себе рассказал, а теперь вы о себе. Дни и годы рождения опустим, без надобности они нам на сегодняшний день. На какую тему была писана диссертация? — не унимался разъяренный Козликов. — Радищев и дорожное строительство? Нет. Расписанные коромысла Пермской губернии и их влияние на раннюю живопись Налбандяна? Опять не то. Вы даже и не кандидаты разных наук, а *только на медные*

гроши высшее образование. А блондинки вы крашенные или Бог наградил? Хорошо, приступим к делу. Каковы мои обязанности?»

Вера:

«Ходить по домам эмигрантов и скупать *всячину*: палехские шкатулки, бижутерию, коньяк «Юбилейный», белье постельное льняное, фотоаппараты *просветленные* и пр., пр. А также сопровождать нас на прогулках и экскурсиях по местам древних развалин».

«Согласен, но не сегодня. Иду спать, если кто из вас заскучает, прошу не стесняться. Моя койка — ваша койка, правда, проку от меня сегодня будет ноль».

В спину уходящего Козлика полетел вопрос:

«Вы женаты?»

«Был в году одна тысяча шестьдесят седьмом».

Первые двадцать четыре часа пребывания Алексея Петровича в Риме подходили к концу. Он очень устал и хотел спать.

ЖЕНИТЬБА КОЗЛИКА

Коммунальная квартира на втором этаже, в которой жил Алексей Петрович, была населена тихими людьми, даже сильно пьющий смотритель уборной в гостинице «Европейская», если и издавал шум, то только, когда сваливался со стула или с дивана. Кроме смотрителя, две комнаты с окнами на канал занимала старуха с дочерью двадцати трех лет, Кирой, студенткой технического вуза. В квартире также жила заведующая молочным отделом ближайшего гастронома. Ей было лет двадцать пять. Муж ее почти всегда отсутствовал, поскольку служил механиком на *дальноплавающем* корабле.

Козлик, сколько себя помнил, пытался затащить в кровать смуглую, со следами татаро-монгольского ига на

лице Киру. Затеи такого рода обычно оканчивались увесистой оплеухой. С молочницей по имени Регина во времена отсутствия мужа все было много проще. Услугами пышнотелой красавицы пользовались все кому не лень, в том числе и Козлик.

Алексей Петрович проснулся часов в десять утра, облачился в старый, рваный халат, и потащился на кухню готовить кофе. В коридоре у телефона стояла Регина в распахнутом халате, демонстрируя все, чем ее в изобилии наградила природа. На кухне Кира заваривала чай. Вместо того, чтобы ответить подобающим образом на козликовое «доброе утро», Кира произнесла с отворачиванием:

«Опять голая блядь стоит у телефона!» И без всякого перехода: «Мне нужно с тобой поговорить. Я зайду к тебе через полчаса».

Кира зашла не через полчаса, а минут через десять. Было видно, что она нервничает:

«Меня после защиты дипломной работы отправят в какую-нибудь Тмутаракань. Ты не можешь на мне фиктивно жениться?»

Кира хорошо знала, что отказа не последует. И так же хорошо знала, брак будет только наполовину фиктивным.

«Хорошо. Раздевайся в качестве задатка».

Задаток продолжался минут эдак сорок с короткими перерывами.

Что думал во время процесса Козлик?

«Не хуже, чем с другими».

Что думала Кира?

«Не лучше, чем с прочими».

В более или менее аналогичной ситуации А.С. Пушкин сделал заметку в своем дневнике касательно Анны Павловны Керн? Боялся, что забудет? Маловероятно.

Предположение:

Чудное мгновенье, возможно, эмоционально требовало двух способов описания: глагол «ебать» для дневника и стихотворение для потомства. Ко времени написания / *как гений чистой красоты* / А. П. К. уже была общенародным достоянием, и причин гордиться этой победой, в сущности, не было.

Вопрос:

Это Пушкин с корабля современности?

Ответ:

Нет, это не Пушкин с корабля современности.

КОЗЛИК ПОКУПАЕТ ДЖИНСЫ

Алексей Петрович проснулся часов в восемь утра. С трудом сообразил, где он находится. Хотел было надеть халат, но вспомнил, что халат в чемодане, а чемодан в пансионе. Выйдя на кухню, он увидел, что три Грации, не торопясь, попивают кофе.

«И мне тоже налейте, голова раскалывается».

«Руки сначала помойте», — строго приказала Вера.

«И фарцовочную физиономию тоже, — добавила Люба. — Мы вам вместо матери будем. И зубы, зубы почистить не забудьте!»

Кофе был крепкий и булочка, *имя* которой было бриошь, оказалась замечательно вкусной.

Вера:

«Сегодня день не рабочий. Вы с Любой отправитесь к Когану, у которого в мастерской шьют джинсы «Ливайс Страус». Ваши черные брюки сохраните на случай чьих-нибудь похорон».

Мастерская Когана находилась в гетто на улице Порттика. И не зря с римских времен порттик одиноко и грустно торчал сам по себе, не имея за собой никакого строения.

В мастерской стрекотали швейные машинки. Коган, в полном несоответствии со своей фамилии, оказался блондином с арийскими чертами лица. Кроме этого он сносно говорил по-русски. Не вынимая толстой сигары изо рта, Коган торжественно обмерил Козлика. Достал из шкафа джинсы и отправил покупателя в набитую всяким хламом комнату для примерки. Люба попросила примерить джинсовую рубашку того же фальшивого «Леви Страуса» и, к удивлению Алексея Петровича, отправилась вслед за ним.

Козлик:

«Люба, а вы не можете подождать меня на улице или в мастерской?»

«Вы хотите, чтобы я примеряла рубашку на улице? То есть вам желательно, чтобы я станцевала стриптиз посреди гетто. Чтобы меня закидали камнями, как у них это принято. Если вам не хочется смотреть на меня *полуобнаженную*, уткнитесь носом в стену, но лучше я вас буду приучать к великолепию моей фигуры. Я сначала покажу вам одну грудь, а потом вторую. Вы уж извините, третьей нет».

Девушка с тремя грудями мелькнула однажды на страницах романа Владимира Набокова «Лолита». Но литературным изобретателем *многогрудья* был Э.М. Ремарк. Хороший писатель, которому случилось написать совершенно бессмысленный роман «Тени в раю», где фигурировало создание с тремя грудями спереди, а другой, одинокой, сзади.

Алексей Петрович разинул рот и обомлел. Люба не обманула: ее фигуре могла позавидовать Венера, из волн морских выходящая.

«Интересно, — подумал Козлик, — сколько лет в Италии дают за растление несовершеннолетних?»

Люба с улыбкой:

«Вы, наконец, снимете штаны? Может быть, у вас в Ленинграде принято ходить в тридцатиградусную жару

в шерстяных брюках? Или вы боитесь, что я увижу то, что в моем незрелом возрасте видеть не рекомендуется? Местное население тоже любит ходить в жару в черных костюмах. А как уж приходится монахам. Что вы стоите как идиот в трусах. Хорошо, что не в кальсонах. Натяните, наконец, на себя джинсы, повернитесь. Нельзя сказать, что вы выглядите как Гарри Купер *супер дупер*».

Алексей Петрович не имел ни малейшего представления ни о каком Купере, но понял, что его непохожесть на Гарри является серьезным недостатком.

Козлик пригласил Любу в ближайшее кафе. Девушка предложила своему спутнику выпить за удачную покупку по стопке граппы. Совершенно не выносящий алкоголя Козлик вылакал ужасающий напиток и потребовал двойной кофе. Кофеин и алкоголь отправились морочить и без того сильно затуманенную голову Козлика. Он с трудом передвигал ноги, совершенно не обращая внимания на окружающие строения. Люба что-то говорила, но смысл ее слов растворялся в римском воздухе. Вдруг Козлик остановился перед мраморной колонной и тут же вспомнил Александрийский столп. Сравнение было со всех сторон некорректным: между одной и другой колонной прошло около двух тысячелетий.

Девушка как-то незаметно перешла в разговоре с Алексеем Петровичем на «ты». Козлик, не любивший амикошонства, чуть было не воспользовался стандартной фразой: «Ты мне не тыч, я тебе не Иван Кузьмич», — но, к счастью, удержался и вместо этого пробормотал: *«У нас, то есть в данный момент у них там, в Северной Пальмире, колонна никак ни хуже»*. Чем основательно погрешил против истины

Козелков решил про себя, что лучше быть Зускиным в Риме и жить в конуре, чем нормальным эмигрантом в Мельбурне и нежиться в бунгало; впрочем, что такое

бунгало, и с чем его едят и на какие деньги его покупают, Алексей Петрович никакого понятия не имел. Домой Люба и обладатель поддельной торговой марки «Леви Страус» вернулись к обеду. Вера внимательно осмотрела Козлика в новых джинсах:

«Не Аполлон, но сойдет. Готовить вы, по всей видимости, не умеете, посему на вас возлагается ответственная и почетная задача мыть посуду и убирать общественные места. После обеда у всех жителей этой страны сиеста, или то, что у нас в пионерском лагере называлось мертвый час».

Козлик выполнил свои обязанности без удовольствия, но старательно. Он вернулся в свою комнату, где еще раз прочитал рассказ Меламуда, особое внимание, обращая на тяжелую жизнь Зускина и его железобетонное нежелание покинуть Рим. Козлика разбудил стук в дверь, он проснулся с тяжелой головой. «После чая мы отправимся на прогулку», — неприятным голосом сообщила Надежда, вы должны внимательно наблюдать, чтобы к нам не приставали. Туземцы всех нас блондинок считают блядами. *А мы нет*». После этой странно построенной фразы Надежда захлопнула дверь.

Прогулка проходила в основном по Виа дель Корсо. Козелков отпугивал табунки блудливых любителей блондинок, пользуясь для этой цели русским матом. Чувствовал он себя при этом Одиссеем, разгоняющим женихов. Никаких памятников архитектуры Алексей Петрович во время прогулки не заметил.

По возвращении домой, во время ужина Вера подробно объяснила, что и за какие деньги следует покупать. На охоту гешефтмаеры отправятся парами: Козлик с Любой, а Вера с Надеждой.

Вера:

«Сегодня вновь прибывшие походили по магазинам, присмотрели себе замшу, джинсы, туфли и поняли,

что денег на все эти капиталистические прелести у них нет. Завтра они с наслаждением отдадут свои цацки за копейки».

Алексей Петрович отправился спать с камнем на сердце: он был сыном своего бывшего отечества и ко всякой коммерческой деятельности, кроме экспроприации книг из библиотек, относился резко отрицательно. Но с волками жить, по-волчьи выть. Козелков проснулся, услышав чьи-то тихие шаги. Полная луна и подпотолочное окно, как камера обскура, вырисовывали чью-то тень на стене. Тень исчезла, но зато:

«Козлик подвинься, это я, Люба».

Козлик лежал ни живой ни мертвый: растение малолетних, *секир башка*, святая инквизиция. Люба быстрым и легким движением коснулась Козлика и продолжила:

«Так ты готов, почему ты лежишь, как бревно?»

Козлику стало уж совсем невтерпез, и он принялся за дело.

Утром, проснувшись, Козелков попытался пристроить себя в шкуру набоковского Гумберта Гумберта, но из этой затеи ничего не получилось:

«Во-первых, Люба не нимфетка, во-вторых, я не он. К тому же у меня нет бархатного пиджака или, того хуже, бежевого жилета. И поэтому я совершенно точно не виконт. Владимир Владимирович, видимо, читал и перечитывал Дюма-отца, и виконт де Бражелон навечно застрял у него в подсознании».

У Набокова:

«Мужчины поглядывали на ее хрупкого, зябкого, миниатюрного, старосветского, моложавого, но болезненного отца в бархатном пиджаке и бежевом жилете, может быть, виконт».

На следующее утро корпорация «Вера — Надежда — Любовь» и примкнувший к ним Козелков погрузили себя в тесный «Фиат» и отправились скупать стандартные эмигрантские бебехи. Роль Алексея Петровича в этой операции была весьма незначительна: он складывал покупки в рюкзак и заводил светские разговоры с обладателями матрешек. Козлик выяснил, что вновь прибывшие в основном были любимыми учениками Пудовкина, известными в узких кругах художниками, непризнанными поэтами и диссидентами. Один из учеников Пудовкина, а может, Эйзенштейна сообщил, что его с нетерпением ждут в Голливуде. Алексея Петровича никто нигде не ждал, и от этого у него на душе заскребли кошки.

Люба в это время отчаянно торговалась и чувствовала себя, как рыба в воде. Козлик знал, что в мире существуют матрешки, и видел их в магазинах, но такое количество этого *народного промысла* он лицезрел впервые.

Вера:

«Итак, дорогой Алексей Петрович, вы славно поработали, раскладывая на столе эмигрантский товар. Сегодня у нас гость — князь «Р». Мы втроем будем готовить ужин, а вы можете делать, что хотите».

Козлик загорелся желанием побродить, наконец, по городу. Он пересек реку по мосту с мраморными фигурами и оказался лицом к лицу перед внушительным зданием из красного кирпича с бронзовым ангелом на крыше. Козелков обошел замечательное здание со всех сторон, пришел в восторг и продолжил свой путь неизвестно куда вдоль мелководного Тибра, но, пройдя километра два, свернул с набережной:

«Слишком много служителей культа на один квадратный метр», — подумал Козлик. Он посмотрел на карту и отправился в сторону площади Испании.

К лестнице через каждые пятнадцать минут подплывали туристские автобусы, из которых вываливались толпы американцев в клетчатых брюках, с фотоаппаратами и американок в *пластиковых* платьях.

Козлик вспомнил фразу, якобы сказанную Дж. Джойсом:

«Рим напоминает мне человека, который живет на то, что показывает туристам труп своей бабушки».

С точки зрения Козлика, труп бабушки благоухал розами.

Алексей Петрович вернулся домой усталый, но довольный. Стол был накрыт. Грации привели себя в идеальный порядок. Козелкову было приказано принять душ и надеть черный похоронный костюм и галстук, поскольку Грации ожидали важного титулованного посетителя.

Гость не заставил себя ждать. От роду ему было никак не меньше шестидесяти. Князь имел изрядную плешь а вместо лица печеное яблоко. Дамам князь слюняво облобызал руки, при этом он шаркал ножкой и как-то странно пританцовывал:

«А с вами, молодой человек, я как будто не знаком, не так ли-с?»

Алексей Петрович пожал потную руку гостя:

«Меня зовут Козелков Алексей Петрович».

Князь расплылся в улыбке:

«В нашем полку прибыло. А то все какие-то иноверцы, а русскому человеку и эмигрировать не позволяют. Я не жидоед, но скажите мне, почему им все разрешено, а нам нет?»

На что Козлик, улыбаясь:

«Я тоже не жидоед и даже на одну четверть из них, но никак не могу объяснить, почему все эти безобразия происходят».

«А не ждет ли народ возвращения Помазанника Божьего?»

Тут князь как-то споткнулся и вставил бляющие звуки «э, э» ни к одному языку не подходящие.

«Народ с нетерпением ждет возвращения — в тон князю заблеял Козликов. — Бе, Бе, Его Августейшего Величества».

«И долго ли, с вашей точки (ме, ме) зрения, Совдепия продержится?»

Козлик посмотрел на потолок:

«Лет двадцать, никак не более».

«Значит, вы увидите светлое будущее, а мне не дожить, стар я».

После чего Козлик сделал нижеследующее заявление:

«Я уже видел одно светлое будущее, с меня хватит, мне нужно светлое настоящее и немедленно».

Старшая Грация с ужасом смотрела на распоясавшегося Козлика и, чтобы прекратить это бесчинство, предложила выпить за здоровье светлейшего «Р». Козлик отпил малую толику, сознавая, что ему это делать не следует. Даже незначительное количество алкоголя действовало на него плохо и непредсказуемо.

«Козелков, Козликов, — в раздумье прошамкал сиятельство. Не из дворян ли будете?»

«Разумеется, из столбовых», — не моргнув глазом, соврал Козлик.

Старый хрен расплылся в улыбке.

Лицо Любы выражало полное и бесконечное удовольствие. Надежда, видимо, думала о чем-то своем. Вера была разгневана необычайно.

Козлик почувствовал усталость и замолчал. Разговор пошел о каком-то *ориенте*. Обсуждались также цены на бензин.

(Козлик не мог знать наперед, что эта увлекательная тема будет преследовать его на протяжении всей будущей жизни.)

Почему-то заговорили о белых медведях. Повяло холодом. Козлик, чтобы согреться, выпил полрюмки водки. Князь повернул физиономию в сторону Алексея Петровича:

«Какой у вас дивный кроват».

Козелков выпучил глаза от удивления:

«Что вы имеете в виду?»

Князь ткнул корявым перстом в галстук Алексея Петровича. Козлик начал паясничать:

«Это не кроват — это гаврилка. Вы что, по-нашему ни бум-бум? *Твоя моя не понимай.* А гаврилка что надо, из лучших сортов шелка. Подарок некой Василисы. Мы с ней жили во грехе некоторое время».

После этой фразы Козлик глупо захихикал:

«Глядя на нее, мужчины с одной стороны размякали, а с другой окостеневали».

Неожиданно Козлик перешел со всеми на «ты»:

«Ты, старик, кумекаешь, о чем я говорю? У тебя, твое благородие, т.е. сиятельство, окостеневают или нет? Без обиняков, ответствуй немедля. Как на духу».

Старый хрен очень развеселился речениями Козлика. Он так смеялся, что из мутных его глаз текли слезы. Насмеявшись вдоволь, князь вытер платочком глаза:

«В субботу прошу всех пожаловать ко мне в гости, часов эдак в семь. Давно я так не смеялся. Вы, господин Козелков, большой шутник».

Козелков перемыл груду посуды и пошел спать. Из своей комнаты он слышал *«Всенепрременно, сочту за честь, позвольте ручку, как прикажете, сударыня»* и далее в том же духе.

Когда шум приутих, в комнату без стука вошла Вера, села на край кровати и голосом, не предвещавшим ничего хорошего:

«Князь остался вами очень доволен, не знаю почему. Но я заметила, что вы смотрите на меня и моих дочерей как будто вы хотите переебать нас по одиночке. Я этого не допущу».

«Вера, вы несете совершеннейшую околесицу. У меня и в мыслях ничего подобного нет. Да к тому же я импотент. Со справкой от врача».

Козлик схватил руку Веры и затянул ее под свои трусы. Вера пообещала, что она будет громко кричать, но обещания своего не выполнила. Вместо этого она прошептала:

«Завтра утром Надежда и Люба идут на Виллу Боргезе. Тогда ладно».

У Альберта Моравиа Вилла Боргезе была упомянута в занудном рассказе «Жизнь это танец».

Любитель танцевать твист и его партнерша ехали на римском автобусе. Девушка, которую звали Джулия, в какой-то момент от избытка эмоций решила поцеловать танцора. Пассажиры автобуса пришли в законное негодование: «Отправляйтесь в кусты на Виллу Боргезе, там вам самое место».

Как выяснилось, кроме *злачных кустов*, на Вилле Боргезе находится музей с очень хорошей коллекцией.

Утро следующего дня прошло так, как оно и должно было пройти. После утомительной, но приятной гимнастики с Верой, Козлик решил прогуляться по городу. Он опять пошел куда глаза глядят и вышел на то же самое место: к красивому краснокирпичному зданию. Затем он пустился вдоль реки и, выйдя на площадь перед собором, решил заглянуть туда. На площади толпились туристы и

паломники. Алексей Петрович знал, что почта Ватикана работает лучше, чем итальянская. Он решил написать открытку своему злейшему врагу, который во время оно увел со двора любимую девушку.

Текст письма:

«Дорогой друг!

Я в Риме. За короткое время мне удалось увидеть две пары необычайно красивых *персей*, чего и тебе желаю. Кормлюсь я тут в хороших кабаках. Скоро пошлю тебе вызов от твоей тети в государство Израиль. Сам же я намылился в Австралию, но, может, и поменяю свои планы. Тобой и твоей работой интересуются определенные люди, сам понимаешь *какие*.

Твой Козелков Алексей Петрович».

Написав донос на совершенно безвредного человека, Козлик пришел в неописуемый восторг от своей мстительной находчивости, и с легкой душой отправился осматривать интерьер собора, где был удивлен отсутствием маятника Фуко. На внутреннее убранство Козелков не обратил никакого внимания, но заметил ряд будок, на которых были надписи на разных языках, в том числе и на русском. «Ага, — подумал Алексей Петрович — Я знаю, что это такое, — это исповедальни».

Он немедленно залез в одну из будок.

«Грешен?» — раздался голос за перегородкой.

«Грешен. Ваше...»

И тут малообразованный Козлик запнулся, но так и не вспомнил, как следует обращаться к лицам духовного звания.

«Грешен, грешен, кто без греха. Взглядом, мыслями и телесными движениями. Совсем недавно согрешил, черт попутал, оприходовал маму и дочку. Короче говоря, имел внебрачные половые связи».

«Ты католик?» — спросил поп.

«Нет, инославный, православный».

«Почему ты не пошел в русскую церковь?»

«Ваша попалась первая. У меня только один вопрос: если я выкрещусь, т.е. приму католичество, разрешат ли мне остаться на веки веков в Риме?»

«Ты знаешь, сколько на свете католиков? Если все тут соберутся, плюнуть будет некуда».

«При чем тут все? Я за всех не прошу, я только за себя».

Его преподобие с явным раздражением:

«Ты не Винкельман, принявший католичество только для того, чтобы жить и работать в Риме. Ты просто аферист, а может быть, и того хуже — еврей».

Козлик почувствовал какое-то движение около будки. И его вегетативная нервная система подсказала ему, что настало время уносить ноги.

Он закричал: «А почему нынче индульгенции?» И выскочил из будки.

«Так, католик из меня не получился», — не без элегической грусти подумал Козлик.

ЗНАКОМСТВО С ВАСИЛИСЕЙ

Козлик задолго до истечения срока контракта прекратил сексуально-брачные отношения с Кирой, к радости обеих высокодоговаривающихся сторон. По этой причине Алексей Петрович начал активно посещать вечеринки в поисках дамы сердца. На суаре непьющий Козлик ничего кроме скуки не испытывал. Дамы приходили с кавалерами. Козлик несколько раз пытался увести со двора какую-нибудь бабешку, но из этих затей ничего не получалось. Алексей Петрович был близок к отчаянию и

дошел до совершеннейшего падения, а именно, согласился навестить свою коллегу княжну «У». Интересно, что в княжне все было одинаково безобразно. Не на что было положить глаз. Было такое впечатление, что ее сварганили на прокатном стане. За чаем княжна вытащила траченные временем бумаги со всякими доказательствами своего аристократического происхождения. Хотя Алексей Петрович и пытался себя убедить, что не с лица воду пить и ночью все кошки серы, производительность труда оказалась на очень низком уровне, а тут как назло дальноплавающий муж Регины плотно осел на суше.

К счастью, Козлик повстречал на каком-то дне рождения невысокую девицу по имени Василиса, которую знакомые звали Васей. Козлик сидел на диване и все ближе и ближе подвигался в сторону девушки, развлекая ее тем, что нес какую-то импровизированную ахинею на темы сексуально озабоченного доктора Фрейда. Василиса слушала с интересом. Во время пересказа научных трудов нахального психоаналитика Алексей Петрович запустил руку под кофточку Василисы в надежде расстегнуть лифчик, но к удивлению своему этого нательного предмета белья не обнаружил.

Девица повернула лицо в сторону непонимающего Козлика:

«Этот предмет одежды я не ношу, перестаньте шарить по моей спине. Если вам уж так припекло, пошарьте лучше на том же уровне с другой стороны».

Козлик не заставил себя долго ждать.

«Нашли, что искали, как вам это понравилось?»

«Очень», — с восторгом и от волнения прерывающимся голосом, продолжая держать то, что в руку попало, ответил любовник молодой.

«Давайте найдем другое место и время для всего этого», — вполне резонно предложила Василиса.

Козелков готовился к визиту Василисы со всей возможной серьезностью: он убрал комнату, приготовил обед и даже принял душ, что всегда делал крайне неохотно. Василиса явилась в каком-то необычайно красивом одеянии явно иноземного происхождения. Девица уселась в единственно удобное кресло.

Трепещущий от ожидания Ромео разместился на диване. Гостья достала из сумочки предмет, похожий на тюбик губной помады, потом опять порылась в сумочке и откуда извлекла плоские спички:

«Это вам в подарок. Из Италии».

Помадный тюбик оказался газовой зажигалкой, а спички спичками с рекламой миланских ресторанов. Козелков слегка опешил, ему никто и никогда не дарил спичек, пусть даже и итальянских. Как бы в объяснение странного подарка Василиса сообщила, что в Италии множество людей собирают коллекции спичек:

«В том числе и мой муж», — добавила она.

Как выяснилось в дальнейшем, муж со скрипичной фамилией Гварнери не только занимался сборианием спичек, но также был президентом маленькой компании, которая изготовляла какие-то детали для телефона.

Алексей Петрович пригласил даму к столу.

«Ну, поесть мы всегда успеем», — торопливо раздеваясь и хихикая, сообщила Василиса.

После получения удовольствия номер один Козлик и синьора Гварнери закурили.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ВАСИЛИСА ПЕТРОВА СТАЛА ГРАЖДАНКОЙ ИТАЛИИ

«Во-первых, я жила с папой и мамой в одной комнате, и мне надоело слушать их еженедельные оргазмы. Во-вторых, моей зарплаты хватало только на мелкие расхо-

ды. Зимы холодные, сами знаете. То ли дело жизнь в Италии. И тут подвернулся на конференции этот Гварнери. Я этот шанс не упустила. Теперь зимой я живу в Италии, а летом в Ленинграде».

Тут Василиса ввела в обращение новую валюту: все покупки шли в пересчете на курицу:

«К примеру, за цену трех куриц я могу купить колготки».

У Василисы был *сокурник* на Голосе Америке, некий господин Французов, который тоже все цены пересчитывал на куриц:

«За недельную зарплату в двести долларов вы можете купить полтонны первоклассной парной курицы, а если вы захотите сэкономить, тогда вам следует покупать куриные крылышки, очень ценимые китайской кухней».

Любовники приостановили обсуждение финансовых вопросов до следующего перерыва, но во время очередной улады Козликову пришла в голову блестящая идея:

«Послушай, Василиса, а ты не можешь найти мне невесту в Милане, какую-нибудь старую лахудру: носатую, кривоногую со смолисто-черными волосами, или того лучше, хромую с горбом?»

На что Василиса, севшая в этот момент в позу лотоса:

«А шестнадцатилетней девушки, вроде боттичеллевской Венеры, с замечательными, золотистыми волосами, тебе не нужно? К твоему сведению, я не сваха баба Баба-риха. В тот момент, когда я удовлетворяю твои сексуальные желания, ты позволяешь себе думать о какой-то другой женщине. Ничего не получится, даже если я по доброте душевной и найду на помойке тебе какую-нибудь уродину. Тебя на Запад не выпустят. А эта предполагаемая горбунья навечно поселится в твоей комнате, и будет доминать тебя своими нежностями».

После этой тирады женщина Вася согласилась поужинать:

«Ты знаешь, у меня после этих телодвижений возникает волчий аппетит. Ты не очень огорчайся, я буду приезжать в Ленинград каждое лето и привозить тебе спички из лучших итальянских ресторанов, а если ты хорошо попросишь, я привезу тебе нечто более существенное, скажем, джемпер или туфли».

Нужно сказать, что Василиса выполнила свое обещание. Козлик постепенно приоделся, и у него собрался годовой запас газовых зажигалок. Спичек он просил не привозить. Вопрос с итальянской невестой отпал, как засохший осенний лист.

ВИЗИТ К КНЯЗЮ

Солнце палило неумолимо. В центре Капитолийской площади восседал на бронзовом коне Марк Аврелий, если это был Марк Аврелий. Вдали виднелась Капитолийская волчица. Площадь была безукоризненна, несмотря на то, а может быть и потому, что здания были построены в разном стиле. Козлик застыл, превратившись в машину с выборочным зрением. Он не замечал и не слышал ни шумной группы подростков, ни противных толстопузых баварцев в дурацких замшевых штанишках. Алексей Петрович застыл соляным столбом, как жена Лота.

В редкие счастливые минуты своей жизни Козлик всегда насвистывал песенку Курта Вайля «Мак зе найф». На сей раз Козлик ее громко пропел. И кончив последнюю строчку, пропел еще раз. В который уже раз он захотел превратиться в нищего Зускина, найти себе каморку и продавать безобразных гипсовых мадонн на площади Св. Петра, но внутренний голос говорил ему, что это только *мечты и звуки* и что в конце концов нужно будет отправиться в Мельбурн или в какой-нибудь Сиэтл. Образ моста с грифонами в сознании Козлика слегка потускнел.

Нельзя сказать, чтобы Алексей Петрович позволил себе забыть знаменитых питерских лошадей, но в сердце у него нашлось место и для маленькой лошадки, на которой восседал римский император — философ Марк Аврелий. Посмотрев на часы, Козлик понял, что он проторчал на Капитолийском холме больше полутора часов и что он опаздывает на прием к князю.

Козлик с трудом вскарабкался на высокий пятый этаж. Постучал в дверь уж очень изысканным молотком в виде дракона. Дверь открыла пожилая женщина с белой наколкой на противной башке.

«Прошу пане».

Пан вытащил из головы давно засевшее иностранное приветствие:

«Бон суар», — и проследовал в сильно захламленную комнату с лепниной на потолке.

«А, милейший Козелков. Очень рад, входите, как вам нравится моя новая гаврилка?»

Князь продемонстрировал способность к усвоению фени, чем был чрезвычайно доволен.

Алексей Петрович познакомился с какими-то старыми гримзами и сопровождающими их лицами мужского пола. Некоторые из полупкойников и полупокойниц говорили на пиджен рашен. Другие болтали друг с другом на вавилонском смешении.

Козелков сел рядом с Верой.

Была подана дыня с ветчиной. Вслед за этим последовали куриные ножки. И в заключение каждому гостю была выдана одна картофелина в мундире с каким-то соусом, хотя ежу ясно, что картошку в мундире надобно есть со сметаной. К кофе подали птифуры.

Вера шепотом обратила внимание Козлика на карлицу, сидевшую в конце стола:

«Диана Маскини, наследница молочного короля. Хорошо тому живется, кто с молочницей живет».

«Я не пью молока», — и в тот же момент Козликов разразился непристойно громким хохотом, вспомнив, как пять лет назад просил Василису привезти ему какую-нибудь уродину из Милана.

«Я сам теперь иностранец», — ни к кому не обращаясь, проорал Козелков.

На что Вера почти шепотом:

«Козлик, вы пока еще сомнительный иностранец и к тому же законченный идиот. При чем тут молоко и почему вы так громко смеетесь и кричите? В приличном обществе джентльмены не ржут, как лошади. Если вы ее склеите, у вас будет царская жизнь — вилла в Риме, квартира в Нью-Йорке. Бентли, Феррари».

«А как она достает до педалей своих Бентли?»

«Очень просто, при помощи шоферов».

Козлик наклонился к самому уху Веры:

«У меня на нее не встанет».

Алексей Петрович, воспользовавшись тем, что гости были заняты прощальными взаимными *целованиями*, смахнул замечательную статуэтку из слоновой кости с книжной полки в карман пиджака. Статуэтка изображала китаянку, возлежащую на каком-то странном диване. Идучи вниз по лестнице, Козлик услышал истошный крик князя:

«Где мадам Баттерфляй? Отдайте мне мою крошку».

«А я думал, что Мадам Баттерфляй это опера», — с невинным видом, зажигая сигарету, сказал очень довольный собой Козелков». — Ишь, чего захотел, мадам Баттерфляй ему подавай после ужина».

ГДЕ МАДАМ БАТТЕРФЛЯЙ?

Не прошло и полчаса после званного обеда, как в квартиру Граций ворвался совершенно взбешенный князь «Р»:

«Кто из вас украл, или как говорят в Совдепии, слямзил мою мадам Баттерфляй?»

Разъяренный такими в высшей степени непристойными обвинениями Козлик с суровым лицом и металлом в голосе:

«Мы тут не для того, чтобы похищать оперных героинь. Если вы не заткнете немедленно свой поганый княжеский рот, мне придется перейти к рукоприкладству. Я сделаю из вас отбивную котлету. Поезжайте к карлице. Я видел, как она крутилась вокруг вашей Чио-Чио-сан. Прошу вас немедленно покинуть помещение».

Грации молча наблюдали за этой безобразной сценой.

«В сенат подам и... Государю».

Козлик продолжал демонстрировать всеми возможными способами свое благородное негодование и в конце концов вынужден был схватить князя за шиворот и выставить его за дверь.

«Надо бы выпить чайку, — сказал взволнованный Козлик. — У вас совершенно сумасшедшие друзья. Если вы хотите, — продолжал Алексей Петрович, — мы хоть завтра можем отправить ему по почте эту мелкую вещь».

«Так это вы украли статуэтку», — хором воскликнули Грации.

«Не украл, а экспроприировал. Сегодня князь потащится к карлице, будет выставлен за дверь и в придачу, возможно, схлопочет по физии, а завтра придет извиняться. Хотите посмотреть на изделие?»

Козелков вытащил статуэтку из бачка.

«Это вам подарок. Один на троих не обессудьте, в кармане больше не помещалось».

Было видно, что Грации не знали, как реагировать на такого рода речения. Вера нарушила тягостное молчание:

«Так вы — мелкий воришка. Вы сейчас скажете, что у своих не воруете и что вы современный Робин Гуд. А мы, выходит, ваши сообщники».

Тут Грации рассмеялись и стали внимательно рассматривать изделие из слоновой кости.

«А что если он вызовет шерифа?»

«Это вам не дикий запад. Тут шерифов не водится. Он может вызвать карабинеров, но, скорее всего, он это не сделает. А пока давайте положим М.Баттерфляй в туалетный бачок, пусть себе поплавает».

Не прошло и часа, как кто-то тихонько постучал в дверь. Постаревший за последние два часа князь с понурой головой вошел на кухню:

«Мерзкая карлица... Вы уж меня простите, если можете. Повинную голову меч не берет. Она украла. Когда пришел, она меня и в дом пускать не хотела, а потом сказала, что с возу упало, то пропало».

Князь достал шелковый цветастый платок и вытер слезу.

«Как я без Мадам Баттерфляй жить буду?»

«А матрешку вместо этой мадам не хотите, может, она вас утешит?» — спросила Люба.

Князь вежливо отклонил Любино предложение, еще раз извинился и, церемонно раскланявшись, покинул помещение.

Козелков в раздражении:

«На кой черт вам сдался этот князь, а, может, даже и не князь вовсе. Старый, противный, плаксивый. Лицо одно чего стоит. Страшный мудака, простите мой французский».

«Мама за него хочет замуж выйти», — наябедничала Люба.

Козлик пришел в страшное негодование:

«За этого-то болвана. Он же типичный извращенец. Он влюблен в Баттерфляиху. Ничего подобного в жизни не встречал. Не в какого-то нормального мазохиста или в голубого, а в слоновую кость. Наплюйте на него, найдите себе что-нибудь получше. В этой стране блондинка может сыскать себе хоть принца королевских кровей, а Чио-сан можно загнать и на эти башли, т.е. деньги, отправиться в Венецию».

Грации вняли речениям Козелкова.

Надежда:

«Мы ей сто раз говорили, что нам не нужен такой отчим».

«Да, действительно, — согласилась Вера, — найду себе что-нибудь попристойней. Время есть».

И без перехода:

«А кому мы продадим Баттерфляиху?»

На следующий день статуэтка была отнесена антиквару. За нее было получено триста долларов — огромная сумма по тем временам и обстоятельствам. На эти деньги было решено отправиться в Венецию.

ВЕНЕЦИЯ

Поезд тащился медленно. И почти на каждой остановке Алексей Петрович хотел выскочить и остаться там навеки: Флоренция, Болонья, Падуя. Итальянцы в вагоне второго и последнего класса все время что-то ели и о чем-то спорили, или, может, не спорили, а просто говорили очень громко. Половину дороги Козлик играл с Любой в дурачка. Наконец поезд добрал до Венеции.

Выйдя с вокзала, путешественники увидели Гранд канал. Алексей Петрович немедленно вспомнил канал Грибоедова и подумал, что ленинградский канал не хуже, а может быть, и лучше венецианского.

В гостинице Козелков со спутницами получил четырехкроватьный номер. После этого, как и все нормальные туристы, Козлик и Грации отправились искать собор Св. Марка, но заблудились и вышли на небольшую площадь, с конным памятником кондотьеру, лицо которого можно было показывать в фильмах ужасов. Козлик, пытаясь, пытался найти оптимальную точку обзора и неожиданно для себя погрузился в канализационные венецианские воды до подбородка. Какие-то сердобольные итальянцы протянули Алексею Петровичу руки и с трудом вытащили потерявшего человеческий облик Козлика из скверно пахнущего канала.

Грации закричали, размахивали руками:

«Что же мы будем делать? Он смердит. Нам нужно срочно вернуться в гостиницу».

По дороге Грации затащили Козлика в дешевый магазин, где ему был куплен новый набор одежды. Прибыв в гостиницу, Козлик залез под душ. Он и вообще был человеком мнительным, а уж после купания в нечистотах, начал испытывать симптомы всех имеющихся на белом свете болезней. Утопленник отослал дам гулять по Венеции, а сам лег помирать.

К вечеру мнимые болезни исчезли, и Грации в сопровождении Алексея Петрович отправились сначала в дешевый ресторан, а потом посмотреть собор св. Марка при лунном свете. Вся площадь перед собором была, в сущности, большим кафе. Алексей Петрович заказал капучино на всю компанию. Официант с лицом, выражающим полное и вековечное презрение, небрежно распахал на столе заказанные напитки и удалился, шепча под нос что-то явно не комплиментарное.

«Мы допустили какую-то ошибку в этикете, кельнер нас не возлюбил», — пожаловалась Вера.

Козлик, будучи изрядным психопатом, не мог перенести такое неуважительное обхождение. Он встал из-за стола и направился в сторону официанта, подпиравшего стену. Алексей Петрович в некотором смысле считал себя полиглотом, т.е. он знал нецензурные выражения на четырех языках. Подойдя к официанту, он сообщил ему, что он (официант) *шайзе, пис оф шит, мердэ и факин асхол* после чего перешел на родную мову.

Официант молчал, прижимаясь к стене. Истратив весь запас русских и иностранных идиом, Козлик отправился на место. Скрипач пиликал что-то из раздела легкой музыки.

«А на гондоле, с романтическими песнями?» — спросила Люба.

«Гондолы, собачьи упряжки и верблюды не для меня», — пробурчал с раздражением Козлик и пошел спать. Он спал крепко и не услышал, когда Грации вернулись в гостиницу. Назавтра последовала поездка на острова Бурано и Мурано. Ничего интересного на этих островах Козлик не обнаружил.

На следующий день в пять утра Алексей Петрович, оставив Граций в гостинице досыпать, отправился на прогулку по городу. Он исходил все, что можно было исходить, посмотрел все, что можно было посмотреть, и где-то в середине дня начал тяготиться этим маленьким городом, когда-то бывшим столицей империи. Козлику захотелось вернуться в Рим.

В поезде Вера читала Агату Кристи. Надежда углубилась в изучение карманного русско-итальянского словаря. Люба что-то рисовала в своем альбоме, а Алексей Петрович помирал от скуки. От невозможности развлечь себя Козлик засунул нос в Любин рисунок. Крепкой рукой, с серьезным пониманием дела, Люба рисовала собор Св. Марка, но не просто собор, а собор с гарниром. На пе-

реднем плане красовалась физиономия Козлика, до противности похожая на оригинал. Было трудно понять, как на маленьком листе блокнота все это помещалось.

«Я не знал, что ты так хорошо рисуешь», — восхитился Козлик.

«Она училась в художественной школе», — не отрываясь от словаря, промямлила Надежда.

Козлик впал в задумчивость, в его голове стали роиться финансовые мысли. Он вспомнил, что на пьяде Навона какие-то лохматые при беретах рисовали дрянь и успешно продавали плоды своих трудов. Козлик хорошо понимал, что кто-то контролирует этот маленький бизнес.

По приезде в Рим Алексей Петрович почти насильно потащил Любу на пьяду Навона. Был найден нужный человек, у которого Козлик при посредстве рук, ног и незначительных клочков итальянского получил за малый бакшиш разрешение продавать Любины рисунки на площади. Кроме разрешения, босс по имени Джим на смеси немецкого и других индоевропейских языков посоветовал рисовать пастелью на приличной бумаге, купить маленький недорогой мольберт и назначил цену, какую следует запрашивать за рисунки, а Козлику порекомендовал не оставлять Любу одну и выполнять функцию кассира и сторожевой собаки.

Корпорация Вера, Надежда, Любовь + Козлик разделилась на две автономные части: Вера — Надежда продолжала заниматься прежним промыслом. Козлик неожиданно для себя стал маршаном. Люба рисовала. Козлик вел художественно-финансовые переговоры на воляпюке собственного изготовления. Все как будто были довольны. Люба продолжала иногда навещать Козлика по ночам. Вера отсылала по субботам дочерей купаться и загорать в Остию и проводила время в козликовой постели.

НОВЫЙ БИЗНЕС

Рисунки Любы продавались бойко. В один особенно неприятно сырой и душный день к Любе подошел джентльмен, по случаю жары одетый в черный шерстяной костюм, при галстукe, в фетровой шляпе. Кроме приветствия «чао», спросил, на каком языке Люба и сопровождающий ее Козликов говорят:

«Инглиш, франсе, дойч?» Выяснив, что Люба и Алексей Петрович говорят по-русски, Обладатель шляпы пришел в неопишваемое возбуждение.

«Рюские», — с восторгом воскликнул он. После чего долго жал руку Любы и Козлика попеременно. Незнакомец показал на циферблате своих часов цифру шесть. Засим, хлопнул Козлика с изрядной силой по плечу и сказал абсолютно некстати:

«Хотите чаю, товарищ?» — после чего восторженный туземец раскланялся. Козлик и Люба поняли, что обладатель шляпы хочет их видеть завтра в шесть часов вечера.

Как известно, римляне не отличаются излишней пунктуальностью. Козлик и Люба тоже не были педантами. Шесть часов не обязательно значило шесть. Когда два ясных солнышка появились на пьяде Навона где-то около семи, вчерашний незнакомец уже был на месте. Рядом с ним сидел некто кудлатый, небрежно одетый, с красным шарфиком на шее. Когда Люба и Козлик приблизились к двум не совместимым ни одеждой, ни прической синьорам, оба вскочили со скамейки и лохматый без сучка и задоринки по-русски представил вчерашнего отутюженного джентльмена:

«Синьор Луиджи Маннели».

После чего последовали многочисленные пожатия рук, имели также место поклоны и улыбки. Обладатель

красного шарфика сообщил, что его, к сожалению, зовут Бенито Грасси, но что можно поделаться, если родители дали ему такое скверное имя. Синьор Грасси тяжело вздохнул и сказал, что он будет выполнять функцию переводчика.

«Синьор Маннели приглашает нас в ресторан, в хороший ресторан», — добавил Бенито.

«Вы русский?» — поинтересовалась Люба.

«Как же я могу быть русским, если я итальянец? Я не русский, я коммунист и поэтому умею неплохо читать и говорить по-русски, а синьор Маннели социалист и поэтому русский ни в зуб ногой. Мы с ним часто дискутируем основные марксистские предположения. А пока проследуем в автомобиль для поездки в ресторан. Вы там, несомненно, будете получать большое удовольствие от национальной итальянской кухни. Там подают фетучини с морскими животными».

«С тюленями, — с восторгом прокричала Люба. — Но лично я предпочитаю морских львов под шоколадным соусом».

«Вы шутите как-то странно, там будут маленькие животные, забыл, как их по-русски... а, вспомнил, *клеветки*».

Машина господина Маннели оказалась много комфортабельнее Вериной тачки с мотором. Ресторан был украшен косами из чеснока и майоликой, изображающей бараньи морды. Маннели посоветался с официантом. На столе появилась закуска под странным названием антипаста т.е. антимакароны: оливки, колбаса и ветчина с ломтиками дыни. На лице Козлика появилось выражение глубокого страдания. Он вспомнил заливную осетрину в «Астории». И когда официант принес подлые макароны с клеветками-креветками, Алексей Петрович сказал, в сущности, ни к кому не обращаясь:

«А солянка рыбная в «Метрополе», а шашлыки в «Кавказском», не говоря уже об эскалопах в «Европейской».

Козлик, как всегда в горестные минуты, крепко сжал руки. В какой-то момент Алексей Петрович заметил, как Луиджи пытается погладить Любину руку. Козлик, повернувшись к носителю фашистского имени:

«Скажите вашему другу, чтобы он перестал строить куры моей девушке».

На что лохматый:

«А “куры” это множественное число от слова кура?»

Козлик было открыл рот, чтобы прочитать лекцию о французском происхождении идиомы, как Люба в совершеннейшем гневе закричала:

«Козлик скажи, чтобы этот мудака отъебался от меня: он чистит свои дурацкие штиблеты о мои ноги».

Алексей Петрович начал привставать с твердым намерением вклеить тарелку с недоеденными макаронами в рожу Маннели.

Бенито понял, что назревает скандал:

«Все в дальнейшем будет тихо-мирно, гладко, без приставаний со стороны господина Маннели. Он будет сидеть, как скульптура на пьедестале и не распускать свои ноги».

Мир был установлен, но господин Маннели все меньше и меньше нравился Козлику. После макарон был подан баклажан, усыпанный сыром. Ни Люба, ни Козлик этот овощ есть не стали.

Маннели расплатился, и замечательная машина «Ситроен-Мазерати» по кличке «Лягушка» бесшумно повезла всю честную разношерстную компанию в резиденцию синьора Маннели на предмет рассматривания Любиных рисунков. Лифт, работающий только за мзду в две лиры, поднялся на четвертый этаж.

Квартира господина Маннели была просторна и красива. На террасе росли экзотические растения. На стене висела работа Дега, если это был Дега, а не фальшак, и десяток игривых рисунков какого-то Калбини. Луиджи скрылся, и через минуту появился с подносом, на котором стояли четыре чашечки кофе. После кофепития Люба разложила свои рисунки на столе, а Козлик при помощи лохматого строго посоветовал синьору Маннели не подходить к Любе ближе, чем на метр. Луиджи беспрекословно выполнил указание. В то время, как хозяин квартиры с лупой в руках рассматривал Любины творения, Бенито и Козлик вели политические разговоры. Бенито поинтересовался, не является ли Алексей Петрович случайно антисоветчиком.

«Нет, случайно не являюсь, а неслучайно имею быть, вперемешку с матерью беспорядка с черными флагами и другими политико-экономическими структурами, вольной птицей с человеческим лицом. Я не контррельеф. Чтобы являться анти, нужно хотя бы немного знать про. Короче говоря, бандьера роса и черные флаги, взвейтесь над нами. Я явился в ваши края на людей посмотреть и себя показать. Капито?»

«Нет, не capito. Я не понимаю, о чем вы сказали. Там много слов, не ругательские ли они?»

«Ни в коем случае. Мы же оба интеллигентные люди, не правда ли, профессор?».

«Я не профессор, я журналист в важной газете, а вы кто есть и были?»

«Я десятая спица в колеснице. А был тоже немного лучше того».

Козлик сжал руки:

«Я жил на канале Грибоедова», — начал петь свою стародавнюю песню Алексей Петрович, но вскорости понял, что он отвечает не по делу:

«Мне случилось быть там, среди фолиантов, старшим библиотекарем в Сан Ленинбургском, императорском, государственном, ордена Ленина университете имени Жданова».

Алексей Петрович сделал небольшую паузу:

«Я работал там в секции обмена, где постоянно уворовывал государственное имущество, то есть доверенные мне книги. Это приносило хорошие парноссе, если вы понимаете, о чем я говорю».

«Значит вы уворовщик», — Бенито от волнения начал сочинять новые русские слова. «Вы похитительник социалистического имущества».

КОПЕРНИК

Алексей Петрович сидел на рабочем месте и от нечего делать вытаскивал приглядевшиеся ему книги в старинных переплетах. Книги в основном были на немецком и поэтому, с точки зрения Козелкова, никакой коммерческой ценности не представляли. Алексей Петрович с нетерпением ждал обеденного перерыва, и все время нервно поглядывал на часы. Он было уже встал, чтобы направить свои стопы в кофейню, но тут его привлекла ветхая книжка в кожаном переплете. Алексей Петрович открыл ее. На титульном листе значилось: Николай Коперник и заголовок на неизвестном Козелкову языке.

Старший библиотекарь, не сходя с места, протянул руку и вытащил с полки четвертый том Малой Советской Энциклопедии. Выяснил, что единственный труд астронома был напечатан в 1543 году, незадолго до его смерти. После этого Козлик засунул книгу за пояс под рубаху, тщательно застегнул пиджак, зашел к начальнику и сказал, что он опоздает с обеда на час-другой. Придя домой, Козлик позвонил чернокнижнику Глебу Всеволодовичу, кото-

рому он сбывал украденные в библиотеке книги, и попросил разрешения посетить его в удобное для него время. В восемь часов он нажал на один из семи звонков. Глеб Всеволодович открыл двери. Зайдя в комнату, Козликов, дрожа от нетерпения, достал из портфеля книгу и протянул ее хозяину комнаты. Глеб Всеволодович надел очки, положил книгу на стол и начал нервно перелистывать страницы.

«Книга очень дорогая, слов нет. Стоит многие тысячи, но кому ее можно пристроить?» — пробормотал книжный маклак. Потом, продолжая перелистывать хрупкие страницы:

«Очень дорогая книга, не знаю, кому бы можно ее пристроить, а то так напристраиваешься, что сам пристроишься на прокладку газопровода в холодном климате. Ее бы надо за кордон. Не знаю, дорогой Алексей Петрович, книга бесценная. Могу дать три куска, хотя стоит она во много раз больше. Согласны? Деньги занесу завтра вечером».

Через много лет, а именно в 2004 году, Алексей Петрович сидел перед телевизором и слушал лекцию о книге польского астронома под названием «Об обращении небесных сфер». К концу лекции профессор сообщил, что на последнем аукционе книга Коперника была продана за миллион шестьсот тысяч долларов.

БИЗНЕС НАБИРАЕТ СИЛУ

Синьор Маннели с раздражением прервал разговор на неведомом ему языке. Бенито начал переводить:

«Синьор Маннели хотел бы, во-первых, прикупить рисунки вашей девушки; он готов выложить за маленькие по двадцать долларов, а за крупноформатные — тридцать». Это было много больше, чем средние цены на пьесе Навона.

Козлик с сознанием своей маршанской роли взял быка за рога:

«Передайте вашему Луидже, что мы не в мелочной лавке. А также скажите ему, что цену назначаю я и не собираюсь торговаться — большие, маленькие и средние рисунки идут по сто долларов за штуку. Если этот пижон хочет купить все, я скину десять процентов».

Маннели и Грасси что-то залопотали по-итальянски. Бенито, продолжая махать руками:

«Синьор Маннели хочет попросить Любу сделать карандашом импровизацию на тему Пикассо».

Луиджи сбегал в другую комнату и с ликующим лицом притащил книжку с игривыми рисунками Пикассо, а также лист бумаги и карандаш. Любе понадобилось десять минут, чтобы закончить рисунок, на котором кентавр бесстыдно занимался любовью с полногрудой красавицей.

«*Се манефик*», — с восторгом прокричал Луиджи. И еще что-то непонятное.

Бенито перевел:

«Синьор Маннели будет платить по восемьдесят дол. за *фальшивость*. Так говорят по-русски?»

«Нет, русские не так *парляре-воляре*. В могучем и великом такого рода петрушка с кентаврами называется фальшак, если, конечно, рисунок подписан, да что я говорю, вы же сами все это знаете лучше меня».

В результате всех дел Маннели купил семь рисунков за 490 долларов, и заказал десять фальшаков по 80 долларов за штуку.

«А кто будет подписывать работы вместо новоявленного Пикассо?» — с мыслью прицепиться к бизнесу поинтересовался Алексей Петрович.

«А это уж не ваше дело», — с некоторым раздражением проскрипел Бенито. На что Алексей Петрович:

«Это мое дело, поелику я сотворил множество подписей к бесчисленным справкам, дипломам, зачетным книжкам и так далее».

Козлик подошел к столу, на котором лежал Любин рисунок, и лихо в правом углу листа поставил «Пикассо». Маннели долго рассматривал подпись с лупой и без оной. Сбежал в другую комнату, принес толстый фолиант с репродукциями картин Матисса, всунул в руку Козлика карандаш. Алексей Петрович потратил на разглядывание подписи художника не более минуты и лихо на листе чистой бумаги подмахнул: «Матисс».

«У каждого человека есть свой талант, — назидательно и с чувством собственного достоинства сообщил Козлик. Вот у меня был близкий друг — карманник, тот мог незаметно...»

Бенито слегка изменился в лице:

«Вы знаете, я лучше не буду переводить сказанное вами в последние минуты. Господин Маннели очень щепетильный человек, *он не помыслит одобрить о вашем уголовном друге*».

Козлик выторговал себе десятку за каждую подпись.

Через много лет, будучи проездом в Нью-Йорке Алексей Петрович заглянул в одну из лучших коммерческих галерей города, где с восторгом обнаружил рисунок Любы-Модильяни в хорошей раме, продававшийся за цену средней руки автомобиля.

За короткое время Люба и Козлик общими усилиями наваляли сотню рисунков Пикассо и Матисса.

Бизнес двух корпораций, «Вера-Надежда» и «Козлик-Люба», шел прекрасно. Все как будто складывалось как нельзя лучше, но иногда Алексея Петровича посещали грустные мысли: в скором времени ему придется из прекрасной Италии отправиться на вечное поселение в страну Кенгуру, где дикие аборигены швыряют друг в друга бумеранги.

НЕПРИЯТНОСТИ

Алексей Петрович проснулся в дурном состоянии духа — ночью ему снилась какая-то неприятная белиберда. Он часто просыпался. Было десять утра. Козлик вышел на кухню. За кухонным столом сидела, держа в руке пустую чашку, Надежда:

«Мама и Люба вернутся часа в три, может быть, немного позже».

Козлик обратил внимание на то, что фраза была произнесена с какой-то странной интонацией.

Козлик сделал себе и Надежде кофе, сел за стол и увидел, что по щекам Нади текут слезы:

«Что случилось?» — с неприязнью спросил Козлик, не выносивший женских, а заодно и мужских слез. Надежда вытерла глаза:

«Пока ничего».

«А что, назревают какие-нибудь неприятности?»

«Назревают».

Надежда поднесла к глазам платок и беззвучно заплакала:

«Меня продают».

«Во-первых, за сколько, а во-вторых, кто же счастливый покупатель — тунисский бей, магараджа?»

«Вы все шутите. Сделайте одолжение, не смейтесь надо мной, если можете. Я хочу попросить вас об одолжении. Судя по всему, вам совсем нетрудно будет исполнить мою просьбу. Я еще пока девушка. Мне хотелось бы перестать быть ею, хотя я не люблю мужчин, но лучше вы первый, чем толстый голландец».

Разговор все меньше и меньше нравился Козлику, эта болтовня со слезами мешала пить кофе. С другой стороны Алексей Петрович неожиданно для себя, может быть, первый раз в жизни начал испытывать сочувствие

к другому человеку. Обычно Козлик бегал по лужку в поисках удовольствия и менее всего заботился о прочих других. Надежда была исключительно красивой и умной девушкой. Козлик хорошо понимал, как трудно ей было просить о таком необычном одолжении:

«Надежда, скажите толком, какой голландец?»

«Богатый. Мама решила, что это будет лучшим выходом для нас всех. Мы уезжаем в Амстердам через две недели. Все бумаги уже готовы».

И тут Козлик понял, что начинаются тяжелые времена: надо искать комнату, забыть о приятных ни к чему не обязывающих отношениях с Верой и Любой. Ему стало невероятно жалко самого себя. Надежда встала из-за стола:

«Я буду ждать вас в своей комнате».

ОСТИЯ

Во время прощального ужина Козлик выпил рюмку водки и со слезами на глазах обещал при первой же возможности прикатить в гости к Грациям.

На следующее утро Вера отвезла Козлика в курортный городок на берегу моря под названием Остия, где Алексея Петровича поджидала комната. Главным квартиросъемщиком был пухленький господин с маленькими ручками.

«Меня зовут Геннадий Трифионович Соков. Я народный артист небольшой южной советской республики, лауреат премии Ленинского Комсомола. Три года тому назад я был удостоен ордена Красного Знамени. Трудового Красного Знамени», — подумав, добавил он.

Козлик решил, что его завезли в тихое отделение сумасшедшего дома:

«Продолжайте, все, что вы говорите, для меня лично представляет огромный интерес, но *пardon меня*, я бы хотел в свою очередь сообщить, что меня зовут Алексей Петрович Козелков, барон Козелков. В Совдепии я служил профессором в институте Культурных Развлечений, так что мы с вами почти коллеги».

Пухленький расплылся в улыбке:

«Хотите, я вам спою какую-нибудь арию, например, «Тореадор, смелее в бой».

«Ну конечно, я не сомневаюсь, что ваш “Тореадор” доставит мне огромное удовольствие».

«Но без аккомпанемента, сами понимаете, не тот коленкор».

Геннадий Трифонович отставил ножку и запел.

Козлик считал, что оперное пение равнозначно визгам мартовских котов. По этой причине он впал в уныние, и у него стал дергаться глаз. После исполнения еще нескольких арий Геннадий Трифонович сообщил Алексею Петровичу, что он человек возрожденческих потенций и посему он хочет показать Козлику свои акварели. Козлику не оставалось ничего другого, как прийти в бурный восторг от разноцветных клякс на паршивой бумаге. Закончив артистические демонстрации, Пухленький без смены декораций перешел к финансовым вопросам. С психастенической скрупулезностью, с точностью до самой ничтожной лиры, он объяснил, сколько и за что Козлик должен будет платить.

«Я готов пожертвовать собой и своим временем на изготовление обедов для нас двоих, — прокудахтал Геннадий Трифонович. Завтра на моем лимузине мы отправимся на “Круглый рынок” и закупим там куриные потроха, из которых я приготовлю обед на три дня».

Козлик находился в состоянии близком к обмороку.

(Круглый рынок в Риме был величиной с футбольное поле и по количеству мух на квадратный метр занимал по праву первое место в Европе.)

«К величайшему сожалению, я не смогу отправиться с вами на этот чертов рынок по той причине, что я не переношу запах гнилой рыбы. Кроме этого, у меня аллергия на потроха, куриные *или нет*. Я сижу на строжайшей диете: салями, сыр “горганзола”, суп черепаховый консервированный, а также артишоки и спаржа. Должен довести до вашего сведения, что в нашей семье с четырнадцатого века укоренилась традиция не прикасаться к непроверенным санитарной инспекцией *мясо-птичьим* продуктам. В данный момент я отправляюсь в свою комнату, где продолжу создавать эпическую поэму “Ночь на Лысой горе”. Чао».

Перед тем как отправиться «писать поэму», т.е. спать, Козлик спросил у Геннадия Трифоновича, какую страну он собирается осчастливить своим присутствием.

«Австралию, конечно Австралию».

На следующий же день Алексей Петрович съездил в контору и переписался на Америку.

После захода солнца около почты в Остии собирались эмигранты. Козлик решил, что настало время вести более светскую жизнь, и отправился на *толковище*. Орденосный соловей Геннадий Трифонович познакомил Козлика со сливками общества, среди которых оказалось несколько любимых учеников Пудовкина и Эйзенштейна, четыре доктора наук и редактор какого-то диссидентского журнала, о котором Алексей Петрович слыхом не слыхивал.

Небольшого роста человечек в берете взял Козлика под руку и отвел его в сторону:

«Я художник, подпольный. Мои работы в лучших музеях Америки. Я работаю пастелью на замше в фигу-

ративно-абстрактном стиле. Мне видится, что вы отличаетесь от этой жуткой толпы мелкобуржуазного толка. Ни один из них ничего не понимает в искусстве; *короче, бараны на новые ворота*. Я приглашаю вас завтра вечером на чашку чая».

Из всего сказанного Козелкова поразило совершенно варварская порча замши. Из замши надлежало шить пиджаки, а не изгаляться абстрактно-фигуративным образом. От приглашения на чашку чая Козлик отказался, сославшись на все ту же поэму «Ночь на Лысой горе», которую он должен закончить в самое что ни на есть короткое время.

После художника Козлика подхватил некто носатый. Не говоря ни слова, он сунул в руку Алексея Петровича карточку, на которой было напечатано красивым шрифтом: Zahar Kjen Ph. D. Доктор наук перешел немедленно к делу:

«Будучи биологом, без лишней скромности, видным биологом, я создал общую теорию соматических и ментальных заболеваний. Могу сказать вам по секрету, что все заболевания возникают из-за инфекций, но, что самое главное, я нашел путь точной локализации очага инфекции и способ лечения. — Во время этой короткой лекции профессор страшно потел. — В Штатах, — продолжал он, — я запатентую всю эту петрушку и заработаю громадные деньги».

«А вы?» — поинтересовался доктор наук.

«Я, а что я? На почту служить ямщиком. Или дворником, не скрою, люблю подметать».

На лице профессора возникла гримаса бесконечной брезгливости:

«А мне показалось, что вы интеллигентный человек, а вы, оказывается, пролетарий».

Козлик взгрустнул: у всех были значительные планы на будущее. Профессора вкуче с художниками подсчитывали будущие миллионы, а он — в дворники, если есть нужда в таковых.

Через три недели после вселения Алексея Петровича в новую квартиру он был вызван в особо важное учреждение.

«Меня зовут Герберт Смит. Я хотел бы задать вам несколько вопросов. Во-первых, мне бы хотелось знать, по какой причине вы решили покинуть вашу страну».

На что Алексей Петрович выпалил приготовленную фразу:

«Я был с ними не согласен».

После чего из головы Козелкова выскочила подготовленная речь, и он понес ахиною:

«Это строительство мне надоело».

Смит в недоумении:

«Какое строительство?»

«Ну как какое? Коммунизма строительство. Оно сильно затянулось. И эти собрания. Зимой в трамвае ужасный холод. Свобода печати отсутствовала. Не было свободы слова. Денег не хватало».

«На что не хватало?»

«Ну, на машину, к примеру».

«А как насчет преследования вас как еврея?»

Козлик как-то растерялся.

«Ну как же, систематически — в аспирантуру не пустили. В синагогу боялся ходить — могли застукать и тогда, сами понимаете, дали бы по шапке, т.е. с работы могли выгнать».

«А где вы работали?» — поинтересовался Смит.

«Я уже говорил, что работал библиотекарем в университете».

Смит протянул листок бумаги:

«Нарисуйте мне план библиотеки».

«А это еще зачем?» — в недоумении и сильно нервничая, спросил Козликов, но, тем не менее, решил не вступать в пререкания:

«Начну с коридора. Знаете, такой огромный коридор с портретами маститых покойничков, конечно, прогрессивного толка. С правой стороны коридора и окажется библиотека».

«Скажите мне, господин Козелков, не состояли ли вы в коммунистических организациях».

«А как же, вполне естественно, я был октябренок, пионером и в придачу комсомольцем».

«А зачем вы вступали в эти тоталитарно-марксистские организации?»

«Как, то есть, зачем? Я не вступал, меня вступали. Когда я оканчивал седьмой класс, всем ученикам выдали комсомольский билет, за что мы должны были еще и деньги заплатить, а так же значок БГТО».

На лице вопрошающего появилось выражение полного недоумения:

«А что такое БГТО?»

«А вот что это такое: «Будь готов к труду и обороне».

«И вы, конечно, с радостью принялись готовиться к обороне. От кого?»

«От американских империалистов, сионистов и палача югославского народа Иосипа Броз Тито».

«Сколько вам было лет тогда?»

«Четырнадцать».

«И вы во все это верили?»

«Я на все это плевать хотел с высокой колокольни, мне было не до труда и обороны, нужно было деньги на кино раздобывать. Деньги на сигареты тоже с неба не валялись».

«Вы состояли членом компартии?»

«Нет, такой okazji не имело места, короче говоря, я в партии не состоял».

«Ну ладно, не состояли, так не состояли. Если начнется война, на чей стороне вы будете?»

Козелкову совершенно не хотелось отвечать на этот дурацкий вопрос:

«Мы все будем на одной стороне, т.е. превратимся в космическую пыль. Ну, если будет надо я готов защищать правое дело». Подумал и добавил: «С ружьем в руках».

Правым делом Алексей Петрович считал исключительно защиту своей собственной персоны с ружьем в руках или без.

«Ну ладно, у меня на столе лежит журнал “Коммунист”. Вы когда-нибудь читали этот журнал или подобные ему издания как то: газету “Правда”, “Блокнот агитатора” или журнал “Октябрь»?»

«Журнал “Коммунист” и прочую подобную ерунду я в руки не брал, а “Октябрь” читал иногда — очень смешной журнал».

На этом интервью закончилось, и, выйдя на улицу, Козлик громко к удивлению прохожих заблеял:

«Это я и есть Монтигемо Ястребиный Коготь, а не какой-то чеховский сопляк с сотоварищем. Меня ждет Клондайк, россыпи драгоценных металлов и камней. Не говоря уже о свободе спать под мостом».

Проорав всю эту бессмыслицу, Козлик вспомнил ядовитый Обводный канал, который обычно являлся антидотом ностальгии, но никакого облегчения, увы, не почувствовал.

ПРЕСТУПНЫЙ ПЛАН

Пухленький Соков продолжал петь свои паршивые арии, доведившие Козелкова до иступления. По вечерам у *невунчика* собиралась компания творческой интелли-

генции. Через тонкую стенку до Козлика доносились обрывки *культурных речений*. Поминался среди прочих ненавистный Козлику Сартр с супругой, ну и, конечно, Кафка с Джойсом. Иногда по утрам к Сокову забегали какие-то подозрительные личности, и тогда Алексей Петрович, вовсе не желая того, был вынужден слушать о мировых ценах на ювелирные *предметы*. Особенно часто упоминался Карл Иванович Фаберже. В один ничем не примечательный день, когда Геннадий Трифонович отправился за покупкой куриной требухи в Рим, Козликов с легкостью открыл при помощи кухонного ножа дверь в комнату Сокова, и там, не торопясь, провел тщательный обыск. В шкафу висел среди прочего синий клубный пиджак, во внутреннем кармане которого лежало хрустальное яйцо на золотой подставке. Яйцо было украшено различными финтифлюшками. Козелков положил ювелирное изделие на место, и решил в нужный момент прибрать его к рукам.

ВЕЧЕР ПЕРЕД ОТЛЕТОМ

Зная любовь Геннадия Трифоновича к бесплатной жратве и выпивке, Козелков озаботился купить две бутылки газированного вина, могущего сойти за шампанское, ветчину и фрукты. Как и было условленно, Соков явился точно в восемь часов, неся в руках три незавидных яблочка. Геннадий Трифонович с жадностью набросился на ветчину и паршивенькое винцо. Козелков поставил на стол еще одну бутылку шипучей бормотухи, которую тенор выхлестал с необычайной быстротой. Не прошло и десяти минут, как Среднеазиатский Соловей совершенно окосел и заплетающимся языком попросил Козлика проводить его в свою комнату. Не раздеваясь, Соков упал на кровать и тут же мерзко, с присвистом за-

храпел. Алексей Петрович пристроил Фаберже в купленную специально для этой цели сумочку, которую эмигранты по неизвестной причине окрестили педерасточкой. После чего с чувством исполненного долга Козелков отправился почивать.

РЕЙС РИМ — НЬЮ-ЙОРК

Соседкой в самолете оказалась черноволосая дама неопределенного возраста с ребенком.

«А не уступите ли вы место у окна моей доченьке?»

Алексей Петрович послушно уступил место. Доченька села на кресло по-турецки. И когда самолет как-то неловко пошел на взлет, начала блевать. Мама достала какие-то тряпочки и попыталась устранить следы полупереваренной еды. Козлик начал шарить глазами по самолету с надеждой увидеть свободное место, но такового не оказалось. Мерзкая доченька начала крутиться на кресле, после чего попросилась в уборную, но не рассчитала давление в мочевом пузыре, и пописала в проходе. Козелков мысленно посылал проклятия во все четыре стороны. Доченька вернулась на место и попросила маму дать ей шоколадку. Гадкая девчонка размазала конфету по рожу. Алексей Петрович готов был заплакать, закричать, задушить малолетнюю нарушительницу правил социалистического общежития.

По проходу бегали безобразные дети. Алексей Петрович отправился в уборную немного отдохнуть от всего этого, но сынки и доченьки и там сделали свое темное дело — сортир был загажен: на полу валялись мокрые салфетки, куски мыла, какая-то художественная натура размотала туалетную бумагу на полу в виде ромашки.

По прошествии двух часов жизнь в самолете успокоилась. Детки заснули. Козелков стал, было рассматри-

вать *закононое* пространство, но однообразно проплывающие облака ему быстро надоели. Алексея Петровича потянуло пощупать украденную драгоценность, что он и сделал. Путем отрицательного самовнушения Козлик представил себе нижеследующую картину:

Геннадий Сладкопевец уже проснулся и пытается найти яйцо, но тщетно — он понимает, что изделие Карла Ивановича Фаберже летит в Америку. Соков звонит в римскую контору. Контора звонит в Н.Й. и поднимает на ноги всю нью-йоркскую полицию.

Надо было искать выход из положения. Козелков повернулся в сторону черноволосой:

«У вас очаровательная дочка. Как ее зовут?»

«Теша, — сообщила маманя, — а меня Оксана».

Козелков тоже представился и отвесил пару нелепых комплиментов, вроде того, что Оксана и Венера Таврическая похожи, как сестры-близнецы. После чего пропел: «Очи черные, очи ясные», — бездарно имитируя любимого им Сачмо.

Самолету следовало лететь еще часа четыре. За это время Козелкову предстояло выслушать среди прочего характеристики молодых многообещающих писателей и поэтов, подающих большие надежды и намеки на близкие отношения со многими из них. К тому же Оксана сообщила, что основная причина перемены места жительства связана с тем, что она желает жить неподалеку от Владимира Владимировича Набокова (который к тому времени, предчувствуя такую оказию, свалил в Швейцарию).

Наконец самолет, подсакивая с одного колеса на другое, приземлился. Пассажиры заплодировали, будто слышали редкую по тонкости исполнения импровизацию Майлса Девиса.

«Помогите мне снять сумку», — попросила чернявая. Сумка была необычайно большого размера и весила не менее трех пудов.

«Вы не беспокойтесь: я понесу вашу сумку, а вы возьмите мою пидорасточку, она ничего не весит», — предложил галантный кавалер и беззвучно пропел — мне не страшен серый волк», а потом мысленно похвалил себя за ум и находчивость.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Вместо отряда вооруженной до зубов полиции по зданию TWA бродили уборщики со швабрами на перевес. Прибывших посадили на автобусы. Городской пейзаж напоминал поле боя. На обеих сторонах улицы торчали обгоревшие с выбитыми стеклами пятиэтажные кирпичные здания. Наконец автобус подкатил к неприметному сооружению, на котором неоновой вывеской мелькала вывеска «Отель Принц». Около здания толпились люди в рванье. Козлик посмотрел на название улицы: Бродвей. Из-под земли доносилось грохотание. По всей видимости, там шла линия метро. Чемоданы были выгружены. Алексей Петрович взялся отнести чемодан и сумку черноволосой в ее номер и попросил ее, не отрываясь следить за его бебегами. Кряхтя и стона, Козлик довел чемодан и сумку до лифта, затащил с трудом багаж в номер своей новой знакомой, забежал в уборную, засунул фаберже в бачок, спустился в вестибюль, схватил сильно пострадавший в дороге, чемодан и отправился в свой номер. В комнате стояла кровать с сомнительной чистоты покрывалом, корявый стол, два стула и телевизор. Козлик сильно устал и уже начал раздеваться, как кто-то постучался в дверь:

«Это я, Оксана, вот вам бутерброд с сыром».

Алексей Петрович забрался на кровать с несвежими простынями, не замечая вкуса, съел бутерброд и заснул мертвым сном. Козлику сначала приснился канал Грибоедова, а затем замок святого Ангела.

На следующее утро Алексей Петрович почувствовал сильное желание выпить чашку кофе. Он спустился в вестибюль отеля и при помощи рук, ног и других частей тела спросил у стоявшего за стойкой черного парня, где он может раздобыть чашку кофе. Порттье ткнул пальцем на стоявший в углу автомат. Видя абсолютную беспомощность Козелкова, доброжелательный негр вышел из-за стойки и помог Алексею Петровичу разобраться с проклятой машиной. Автомат выкинул пенопластовый стакан и набрызгал в нее сомнительного цвета бурду. Козлик сделал глоток и чуть не заплакал, вспомнив замечательное римское капучино, но делать было нечего, и он, прихлебывая мерзкий напиток, залез в лифт. Около двери номера торчали два человека.

«Мы из конторы», — на почти безукоризненном русском в один голос сообщили пришельцы. Алексей Петрович пропустил незваных гостей в комнату и закрыл за собой дверь на ключ.

«А вы почему заперли комнату?» — испуганно промямлил тот, который повыше.

«Гостиница набита какими-то монстрами, того и гляди зарежут, — почему-то шепотом сообщил Алексей Петрович. — Страшные рожи, неужели нельзя было найти какую-нибудь гостиницу попримичней?»

«Попримичней или не попримичней, это к нам не имеет никакого отношения, давайте перейдем к делу».

Алексей Петрович не испытывал ни малейшего желания переходить ни к какому делу. Узнав, что эти два персонажа не из полиции, Козелков совершенно успокоился.

«Мы оба политические эмигранты из Чехословакии, меня зовут Джери Массарик, а моего коллегу Вильям Бенеш, но мы, черт побери, не имеем никакого отношения к покойным чехословацким президентам, мы сами по себе, а они сами по себе», — гневно, подсакивая как мячик, сообщил Массарик.

На что Козелков:

«А что вы так разволновались? Я знать не знаю ваших президентов. Успокойтесь ради Бога».

Алексей Петрович решил, что у него появилась хорошая возможность слегка повеселиться.

«Я вспомнил: это у вас, кажется, был Ян Гус и еще какой-то Жижка. В девятом, кажись, классе нас на уроках истории кормили этой ерундой».

Массарик задрогал ножками, а Бенеш хлопнул кулаком по телевизору:

«Перестаньте нести околесицу. Немедленно прекратите это безобразие. Контора получила сообщение из Рима, что вы похитили у вашего соседа, Геннадия Трифоновича Сокова, принадлежащее ему яйцо Фаберже. Мы не хотим вмешивать в это дело американскую полицию, и для нас всех будет лучше, если вы отдадите это проклятое яйцо владельцу, тогда мы все вам простим».

«Мне совершенно не нужны дополнительные яйца, мне вполне хватает своих, — с негодованием, почти срываясь на фальцет, прокричал Козелков. — У отца моего приятеля немцы во время войны отстрелили один генитальный предмет. Сколько мне известно, он спокойно справлялся с тем, что у него осталось. Правда, кончил он плохо: его арестовали за спекуляцию, сейчас не помню чем. Со слов следователя, отец моего друга сиганул с пятого этажа и разбился, но ходили слухи, что он подрался со следователем, и тот скинул его в пролет лестницы».

Красный, как рак, Жижка № 1:

«Мы в последний раз предупреждаем вас, что вы ходите по острию ножа, и нам все-таки придется связаться с полицией. Яйцо Карла Ивановича Фаберже стоит несметных денег. Но осложнений можно избежать, если вы позволите нам провести неофициальный, но тщательный обыск вашей комнаты».

Козелков, чеканя каждое слово:

«Если у вас чешутся руки, можете проводить явно противозаконный обыск».

Козелков начал было открывать чемодан, как в дверь постучались. В комнату ввалилась толстая тетка, а за ней тип с огромной камерой, а двое других тащили софиты.

«Здоровеньки булы, — зычно проорала толстуха. — Я Ирина Вшевольска. Эти со мной, — она ткнула толстым пальцем в сторону киносъемочной группы. — Чуешь, мы ту жебе сработать фильм для телевидения о вашем убраню то есть шмоткес. Ю но вот ай мин? Ведаете, цо то ест телевидизия? То ест така штука, ктура показуе фильмы. Слышалишь мы, же вы живече як зверье намаче клотинга, т.е. убранства. Мы сробим тебе гранд паблисити. Американе забачут, же не маче ниц одежки на себе».

После длинной речи лицо толстухи покрылось крупными каплями пота. Повернувшись в сторону телевизионной дамы, Козлик проблеял:

«А за мое участие в кино вам придется поплачивать пеньензами. В ваших денежных знаках двести долларов».

Во время этого диалога Жижки стояли по стойке смирно и, видимо, не знали, что в данном деликатном случае следует делать. Толстуха вызвала членов своей команды в коридор и там провела короткое совещание с коллегами. Вернувшись, она сказал, что более ста пятидесяти долларов они собрать не смогли. Козелков мило-стиво согласился принять названную сумму. Он открыл чемодан, осветители настроили свои прожектора.

Пани Вшевольска рассыпалась в неумеренных благодарностях и сказала, что только что снятый эпизод будет идти по каналу «Б» в пять часов. Чехи спросили, попали ли они в кадр. И узнав, что попали, захлопали от восторга в ладоши. После чего пани Вшевольска с командой покинула помещение.

«Ну, гуситы, что будем делать дальше?»

«А ничего. Мы думаем, что вас безобразно оклеветали. А на тенора Геннадия Трофимовича мы найдем управу, мы ему покажем кузькину мать. Вы понимаете, как важно, первый день в Америке и вас уже показывают по телевизору».

Козелков, естественно, вспомнил знаменитый рассказ Антона Павловича Чехова и по причине ассоциативного склада мышления спросил:

«Читали Чехова? Не читали, какая жалость. На вашем чешском кроме Гашека и читать нечего. Вы что, и Толстого не читали? Ну ладно, не смущайтесь, Толстого я тоже не читал».

Чехи пригласили Козелкова выпить с ними кофе и съесть замечательную булочку под названием *инглиш маффинс*. Забегаловка не блистала чистотой, кофе было ведерное, булочка обладала мякинным вкусом.

Чехи, получившие возможность засветиться по телевизору и заработать десятисекундную славу (во много раз меньше, чем предрекал главный вредитель искусства Ворхол) были на воздухах.

От избытка позитивных чувств Бенеш пригласил Алексея Петровича посмотреть телевизор у него в конторе, но Козелков вежливо отклонил это предложение. Чехи ему сильно надоели, к тому же настало время вытащить из бачка яйцо и, наконец, прогуляться по столице мира. Вернувшись в гостиницу, Козлик первым делом забежал к Оксане. У черноволосой сидел какой-то молодой человек с серьезными залысинами на голове.

«Познакомьтесь, — профессор Рубинштейн, он уже год как работает в Милфордском университете. Знаменитый индоевропеист, у него вагон публикаций».

Рубинштейн развел руками:

«Полноте, Оксана, все это ерунда, не я же изобрел электричество».

Козелков тут же продемонстрировал свои энциклопедические познания:

«Электричество изобрел Эдисон».

Профессор как-то потускнел, посмотрел на часы и, повернувшись к Оксане:

«Хочу дать вам три совета. Первый — избегайте по возможности метро. У туземцев комплекс подземелья. Ешьте в китайских ресторанах: вкусно и недорого. Не подходите на пушечный выстрел к Центральному парку. Там идут перманентные боевые действия».

Профессор стремительно вскочил, торопливо попрощался и пулей вылетел из комнаты.

Козелков отправился в туалет, пустил сильным потоком воду в раковине, открыл бачок, достал яйцо, засунул его в карман, пошел в свой номер и вместо того, чтобы прогуляться, наконец, по столице мира, не раздеваясь, забрался под одеяло и немедленно заснул.

На следующее утро Алексей Петрович сбежал в вестибюль, купил себе на завтрак кофе и шоколадку и только сел за стол и с отвращением отхлебнул скверный напиток, как в номер кто-то постучался. С перепугу Козелков перед тем, как открыть дверь засунул яйцо в бачок. В дверях стоял небольшого роста человечек в одной руке державший фарфоровую будуарную лампу с пейзажной сценой, а в другой руке черный пластиковый мешок. Не говоря ни слова, пришелец поставил лампу на стол, положил мешок на стул и молча удалился. Козелков совершенно не понял, что на самом деле происходит. Открыв мешок, Алексей Петрович обнаружил ворох одежды. Среди прочего, мешок содержал сильно поношенный смокинг, бриджи, несколько рубашек и штук тридцать несвежих галстуков. Козликов немедленно решил из всего этого создать ассамбляж. Он разложил на полу веером галстуки, в центр этого безобразия поставил стул с одетым на спинку смокингом, засунул в бриджи рубахи.

И посадил это чучело на стол. Искусство, как известно, нуждается в зрителях. Козлик позвонил Оксане и попросил ее забежать на минутку. Оксана явилась с Тошей. Доченька немедленно принялась по-своему раскладывать галстуки. На лице Оксаны было написано удивление:

«Что вы со всем этим будете делать?»

«Выкину, естественно».

«И лампу? Лампа мне очень нравится».

«Сделайте одолжение. Лампа ваша».

Оксана нежно обхватила лампу в стиле позднего ба-рокко и отправилась восвояси.

Козелков сбегал в вестибюль за кофе и сигаретами. Вернувшись, он с наслаждением затянулся и отхлебнул бурду. Раздался стук в дверь, но на сей раз Алексей Петрович не побежал прятать яйцо, поскольку понял, что прибыли очередные лампы и шмотки.

«Кам ин», — испытывая восторг от своего умения говорить по-английски, проорал Козлик.

Вслед за хорошо скроенной, но не очень молодой дамой, пыхтя и отдуваясь, вошел негр в какой то странной форме с кожаным чемоданом в руке. Гостя села на корявый гостиничный стул:

«Меня зовут Маргарита фон Шталъ, баронесса фон Шталъ с твердым знаком. *Раньше меня звали совершенно по-другому.* Я русская и поэтому, естественно, прекрасно говорю по-русски, я также знаю несколько других европейских языков. Вчера по телевизору показывали *плаксивую* передачу о бедных русских эмигрантах, которые, как я понимаю, евреи. У них, видите ли вы, нет самых примитивных носильных вещей. Много лет назад, я тоже ходила в каких-то отрепьях, и никаких рыданий это ни у кого не вызывало. Впрочем, тогда была война, все ходили Бог знает в чем».

Фон Шталъ сделала паузу:

«А вы что делали во время войны?»

«Ходил в школу».

«Сколько же вам лет?»

«Тридцать семь».

«Я плохо разобрала ваше имя, когда смотрела телевизор, что-то козловое, по-моему».

«Меня зовут Козелков Алексей Петрович».

«Жил-был у бабушки серенький козлик, — пропела фон Шталь. — Я хорошо помню русские народные песни: “Синее или, может, славное море, священный Байкал, омулевая бочка”. Там, помнится, был еще какой то баргузин. Я в этой песне не понимаю ни слова, но она мне очень нравится».

«А кто этот черномазый?»

«Это мой шофер. Не следует ли нам, наконец, перейти к делу?»

Тут Маргарита повернулась к негру и что-то быстро протараторила. Шофер открыл чемодан.

«Мой третий муж умер после поездки в Лондон месяц назад. Он ездил туда покупать одежду. Тут в чемодане множество разнообразных *одежд*: пиджак, пальто и всякий другой гардероб. Попробуйте померить пиджак, ну-ка повернитесь, замечательно, лучше, чем на этом болване — остзейском бароне, моем третьем муже, впрочем, два первых тоже были не ахти что. Пойдите в ванную, померьте брюки. Как влитые. Он не успел и дня поносить все это барахло».

Козлик окинул быстрым взглядом посетительницу:

Генри Миллер. «Тропик рака». Глава восьмая. Беззвучно шевеля губами, почти в трансе Козлик начал продуцировать куски романа:

«Если она была бы на десять лет моложе. Она высохла. Грудь еще туда-сюда, но руки! Молодой женщине

прощается все. С такой бабой каждый год идет за десять. Но пойми, ебать такую бабу при дневном свете, это просто катастрофа».

Козлик вышел из транса, который продолжался не более одной-двух минут.

Баронесса, поглаживая себя по колену:

«Вы согласны?»

«С кем? На что?»

«Разве вы не слышали? Сколько раз можно повторять? Я приглашаю вас на обед в самый лучший *стейкхауз* в городе. И какого черта вы устали на мои руки!»

«Потому что они у вас исключительной красоты».

И про себя добавил:

«С коричневыми старческими пятнами».

«А стейкхауз это дом бифштексов? Неужели нельзя было придумать другое название? Например, бифштексная. Но это неважно, мне страшно хочется есть».

Козлик сжал руки и вспомнил Верунадеждалюбовь, у которых на руках никакой старческой пигментации не было.

«Скажите, баронесса, а вы знаете, почему лучше быть соловейчиком на Воробьевых горах, чем воробейчиком в Соловках? Не знаете, я вам постепенно объясню суть этой загадки, гораздо более интересной, чем загадка сфинкса. Вы, кажется, пригласили меня на обед. Не следует ли нам отправиться в указанное *едальное* учреждение?»

Лимузин был безобразен и длинен.

«А почему бы вам, баронесса, не купить себе приличную тачку? Бентли или того лучше Феррари?»

«Если вам не по вкусу мой лимузин, можете в любой момент выкатиться из него».

«Маргарита, вы Иван Сусанин, куда вы меня завезли? Я решительно не желаю вылезать из вашего слоновоза и не выйду до тех пор, пока не увижу вышеупомянутую забегаловку».

Официант притащил меню толщиной в «Войну и мир». Козлик на вопрос, что он будет есть, коротко и с энтузиазмом сообщил:

«Мясо. Или по-американски *мит*», — довольный своим словарным запасом изрек Алексей Петрович.

«Что будем пить?» — спросил *подавальщик*.

Маргарита заказала виски, а Козлик отказался пить что бы то ни было, кроме воды.

«А мне казалось, что в России все хлещут водку, а вы нет», — удивилась баронесса.

«Такого понятия, как все, в природе не существует, — пробурчал Козлик. — И потом, я не все, а сам по себе. К тому же я страдаю редким заболеванием, которое называется «патологическое опьянение». Например, выпив рюмку водки, я могу плюнуть в тарелку вон тому лысому с моржовыми усами».

Усач, по всей видимости, обладал хорошим слухом:

«Ты мне плюнешь в тарелку, а я сверну тебе шею», — проорал владелец моржовых усов.

Алексей Петрович пришел в необычайное волнение. Он начал озираться по сторонам:

«Что, тут все говорят по-русски?»

Лысый отодвинул пустую тарелку, встал и направился к столу, за которым сидел Алексей Петрович. Козлик съежился.

Тип с моржовыми усами полыхал здоровьем и весил не менее двухсот килограмм.

«Шер мадам, — опершись значительным животом о стол, проговорил плешивый. — Никак не ожидал увидеть такую красавицу с мелкокалиберным шибздиком. Позвольте мне прервать ваш тет-а-тет и доесть ланч в вашей компании. Мы как-никак земляки».

Довольный тем, что толстопузый не имеет агрессивных намерений, Козелков слегка дрожащим от волнения голосом:

«Сделайте одолжение».

«А тебя, шибздик, никто не спрашивал».

Козлик начал заводиться:

«Если еще раз из ваших уст вылетит это слово, то...»

«То, что будет?»

«А то, что вы понесете серьезные потери в живой силе и технике».

«Шибздик, я тебя страшно испугался».

Козлик схватил увесистую вилку и со всей силой присобачил пиджак брюхатого к стулу. Вторую вилку приставил к гульфику.

«Еще один шибздик, и я всажу вилку в твой детородный орган, если у тебя таковой наличествует».

«Я позову полицию...»

«По мне хоть всю Запорожскую сечь. Заплати за жратву и не забудь дать хорошие чаевые. Надеюсь вскорости погулять на твоих похоронах, презерватив надутый!»

Козлик и Маргарита, довольные собой, до неприличия громко смеясь, покинули кабак. В лимузине Маргарита достала из бара бутылку коньяка и два пластмассовых стаканчика.

«Козлик вы ловко наплели про это ваше патологическое опьянение. Такого на свете не бывает. Давайте выпьем на брудер-систершафт. Теперь мы на “ты”. Завтра я позвоню тебе часа в три. Вот тебе моя визитная карточка, позвони, если что-нибудь срочно понадобится».

Козлик вышел из лимузина в боевом настроении. Зайдя в гостиницу, выцедил из машины поганый кофе, залез в лифт, без всякой провокации обругал нехорошими русскими словами незнакомую сильно размалеванную даму, которая, к счастью, ничего не поняла, с трудом

открыл дверь своего номера, лег на кровать, вспомнил Канал и заплакал. Поплакав в свое удовольствие минут десять, Козлик заснул тяжелым сном.

Проснулся экс-библиотекарь через два часа. Трещала голова, и он понял, что без аспирина ему не обойтись. Пометавшись по комнате, Алексей Петрович залез в слюварь и к своей радости обнаружил, что «аспирин» есть на английском все тот же «аспирин». Козлик поспешил в ближайшую аптеку. Паскудный аптекарь не желал понимать английский Козлика.

Измученный головной болью, Алексей Петрович хотел было учинить драку, но силы совершенно оставили его, и он не солоно хлебавши отправился в гостиницу.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ПРЕБЫВАНИЯ

Метро, именуемое в этом городе сабвеем, являло собой наспех прорытые траншеи, по которым со страшным визгом проезжали чугунные поезда. Разноцветные пассажиры читали газеты на всех возможных языках мира. Козлик вспомнил метро, хотя и ордена Ленина, имени Ленина, но чистое. По старой привычке он сжал руки. Выходя из метро, он узрел взвод крыс в тоннеле. И проворчал: «Буржуазная свобода прыгать крысам там где, они пожелают».

В Конторе Алексею Петровичу выдали деньги и порекомендовали как можно быстрее снять квартиру.

«А где и на каком языке искать эту вашу квартиру? Кто же знал, что в этом вонючем, Богом проклятом железном Миргороде почти все говорят по-английски?»

Переводчица, выслушав стенания Козлика, явно прониклась сочувствием к вновь прибывшему идиоту. Она достала карту метро, написала имя и отчество некоего Исаака Марковича. Отметила красными чернилами нужную остановку. На карте же написала очень раз-

борчиво адрес и название учреждения, в котором этот таинственный Исаак Маркович работал, и, пожелав Козлику всего хорошего, сказала, что аудиенция закончена. Алексей Петрович вышел в предбанник и начал оглядываться по сторонам в надежде увидеть что-нибудь похожее на Верунадеждулюбовь, но старания его были напрасны.

Покинув контору, Козлик поплутал минут сорок в поисках чертова метро. С трудом нашел вход в катакомбы, сел в полупустой вагон, но через две остановки понял, что едет в другую сторону. С обреченным видом, какими-то сложными путями Колумб *сабвея* нашел нужную платформу и сел в нужный поезд. В вагоне народу было немного. Напротив Козлика сидел могучий детина черного цвета. После того как поезд тронулся, здоровяк достал из кармана нечто. Нечто при помощи нажатия кнопки превратилось в изрядный нож. Негр стал чистить им ногти.

«Сейчас он кончит свой маникюр и возьмется потрошить пассажиров», — похолодев от ужаса, подумал Алексей Петрович.

Козлик со страхом ждал, что будет дальше. Негр сложил нож, сел рядом с Козликом. И произнес длинную речь, в которой главным *ингредиентом* было слово *фак* и производные от него.

«Факен сабвей, факен сити, вер ар ю гоинг?» Козлик сжался.

«Ай донт спик англиш».

«Эх, но англиш, но факен спаниш, ай хейт дем, ту би анест ай хейт эврибади».

Козлик не понял ровным счетом ничего.

«*Но англезе, но франчезе, но факен айриш*».

И ткнув огромным указательным пальцем в голову Алексея Петровича:

«*Памкин дазнт ворк, райт?*»

Козлик решил, что пришло время принять участие в беседе, и, ткнув себя указательным пальцем в грудь, прокричал:

«Рашен!»

«Комми? Ю ар кейджеби. Дей донт хев мани ту сенд сам бади ху ду спикс ингиш. Ду ю хев мани, мани, мани?»

Козлик предусмотрительно держал в портмоне только двадцать долларов.

Негр с интересом рассмотрел содержание бумажника Алексея Петровича достал свой туго набитый кошелек, вытащил из него сотенную и вложил ее в кошелек Алексея Петровича.

Каким-то чудом ошарашенный Козлик своей остановки не проехал. Из подземелья Алексей Петрович вылез с трудом. Оббегал нескончаемые лестницы и проехался по нескольким эскалаторам. Когда Алексей Петрович выбрался на белый свет, он обнаружил, что к небольшой площади сходятся шесть заплеванных углов. Он вспомнил пять чистых углов в родном Ленинграде и завыл от ужаса нового существования. Козлик стал шарить глазами по всем шести углам, но вывески «Рил эстейт» не увидел.

На одном из шести углов стоял пестро одетый чернокожий. Козлик обратился к нему за помощью, а именно, подсунул негру под самый нос бумажку с адресом:

«Но инглиш, но испанский, но франчези, я рашен. Ищу Исаака Марковича»

Было видно, что вся эта белиберда сильно развлекла негра, он почти без всякого акцента повторил за Козликом:

«Исаака Марковича».

«Ай эм Джо», — представился негр и всунул в руку Козлика маленький бумажный пакетик, затем взял Козлика под руку и втолкнул ошалевшего нового американца в дверь учреждения по продаже недвижимости и протрубил басом:

«Ху из Исаака Марковича?»

«Ай эм», — ответил человек лет шестидесяти, куривший сигару.

«Вы говорите по-русски?» — осипшим от волнения голосом проскрипел Алексей Петрович.

«Я говорю по-русски, на идише и по-английски, что вам угодно? Присаживайтесь. Да, да, Вероника мне часа полтора тому звонила, что придет симпатичный молодой человек. Вы и есть симпатичный молодой человек? А этот *шварце*, откуда он знает мое имя, да еще в родительном падеже?»

«Произошла некоторая путаница».

Агент по продаже недвижимости продолжал бубнить:

«Исаака Марковича, видите ли, ему понадобилось. А вы сами вновь явившийся? Так? Что вы держите в кулаке? Откройте пакетик. Это марихуана, могут быть серьезные цоресы и кадохесы. Вплоть до тюрьмы».

В этот момент лицо Исаака Марковича как-то изменилось, он побледнел, закрыл глаза. Было совершенно очевидно, что связь с окружающим миром агент по продаже недвижимости утратил. Гробовым голосом он начал декламировать:

«Строго запрещено. Вход только по пропускам. Круглое катать. Скинемся на полбанки. Широка страна моя родная. Полей и рек. Своего куска не отдадим. По газонам не ходить. Враг подслушивает. Но дело его живет. Наш бронепоезд стоит...»

А потом запел нехорошим голосом:

«Сердце, тебе не хочется покоя.
Сердце как хорошо на свете жить».

«Извините, я задумался, — выйдя из транса, уже нормальным голосом оповестил Исаак Маркович. — Вам нужна квартира? Я правильно понимаю? Какая квартира? У вас семья? Там за линией метро живут латиняне».

«Какие латиняне?»

«С ушами, глазами, хорошо вооруженные. Квартиры там стоят копейки. Там от точки «А» до точки «Б» лучше всего передвигаться на танке. Поле боя. Вам это не подойдет. Так? Я поведу вас на Тридцать четвертую. Евреи. Немцы. Просто белые американцы. Там дальше в собственных домах живу кубинцы. Хоть и латиняне, но всякое беспокойство о возможной утраты жизни минимально. Неужели непонятно, что латиняне есть лица Южной Америки, состоящие в бандах головорезов? У меня для вас на примете есть довольно большая студия».

«Я не художник, мне не нужна студия, мне нужна квартира».

«Вы что, с луны ковырнулись? Студия и есть квартира, состоящая из одной комнаты, туалета и кухни».

«А ванная?»

«Я же вам сказал уборная, в которой есть ванная. Впрочем, наверное, наоборот. В этом государстве прибавочной стоимости нельзя сдавать квартиры без сортира и ванной».

Квартира оказалась вполне пригодной для проживания.

«Нам необходимо подписать контракт. Тут вам не социализм», — то ли с сожалением, то ли с радостью проворкотал Исаак Маркович.

Козлик спустился в подвал, где познакомился с управдомом.

«Контракт есть соглашение двух или более сторон о взятии на себя определенных обязательств», — монотонно проямлил Исаак Маркович.

«Какие еще тут обязательства?» — со страхом спросил Козлик.

«А вот какие: вы должны прожить в этом доме два года».

«А если я не проживу два года в этом красно-каменном строении и удеру на Клондайк или туда, где лиловый негр кому-то подает мантию в городе Сан-Франциско? А что тогда будет? Объявят всеамериканский розыск с немецкими овчарками и пинкертонами?»

Исаак Маркович засмеялся:

«Мы вас из потонувшего Титаника достанем».

Козлик без всякой охоты подмахнул какие-то бумаги, после чего был отведен в соседнюю подвальную комнату, где стоял всякий хлам. Выбрал себе относительно приличный диван-кровать весом не менее тонны, стол и три стула. Заплатил за мебель двадцатку и обещал завтра заплатить за квартиру. Исаак Маркович опять стал бормотать что-то не очень понятное, разбавляя шизоанглийскую прозу какими-то отрывками русских стихов:

«Я достаю из широких штанин
дубликатом бесценного груза...»

Чтобы вывести полусумасшедшего Исаака из трансa, Козлик громко и отчетливо произнес: «Шизо муза».

Короткое заявление Алексея Петровича повлияло положительно на неустойчивую психику агента по продаже даже недвижимости. Он вернулся на грешную землю, громко зевнул и почему-то шепотом:

«Пойдемте пошамаем, я что-то проголодался».

«Пошамаем, — с неприязнью повторил Алексей Петрович. — Где вы подцепили это низкопробное слово скобарей и некультурных школьников младших классов?»

«Этот глагол я подцепил в одна тысяча девятьсот тридцать третьем году в нехорошем городе Челябинске, обучаясь там в средней школе № 3, каковую школу я и закончил с отличием. Кроме этого, я изучал ваш язык в Новоанглийском университете, где и получил название доктора философии».

«Проколотся, “название”, видите ли», — с ядовитостью подумал Козлик, а вслух спросил:

«Почему философии, а не филологии, вы же изучали русский язык, а не марксаэнгельса?».

«Постепенно, не все сразу, много будете знать, скоро состаритесь».

Когда два гуманитария уселись за столик неказистого ресторана, Исаак исполнил очередную порцию своего бредового монолога:

«Партия — наш кормчий; во глубине сибирских руд был небольшой красивый пруд; во поле березонька стояла».

Бредил Исаак Маркович большей частью по-русски. Когда к столу подкатила официантка, доктор философии вернулся из параллельной вселенной и заказал печенку с пюре.

«Как вам нравятся наши эмпиреи свинцовых мерзостей капитализма? Все-таки получше Челябинска, не правда ли?»

Козлик, у которого от всей этой катавасии с метро и квартирой сильно болела голова:

«А за каким чертом вас потянуло в Челябинск? Я там никогда не был, но могу представить, какой необычайной красоты этот ваш Челябинск, вы бы еще в Магнитогорск потащились. В России жить можно только в Ленинграде или на худой случай в Москве, все остальное — Кривой Рог, очень Кривой Рог с копытами».

Исаак Маркович пришел в необычайное волнение, и у него почему-то появился легкий идишский акцент:

«Это я, что, ли выбирал местожительство? Это мой папаша выбирал местожительство; это моя матушка сбегала в Калифорнию; это мой батюшка решил построить вам социализм, а я был ребенком, а что мне оставалось делать? Самого себя отправить в сиротский дом? Вот мы

и потащились в это гад дем Челябинск, а потом еле ноги унесли, но я почтительно люблю русский народ. Казахов нет, а русских да».

«А что вам казахи сделали?»

«Стиль одежды: ватные халаты, треухи. К тому же у них у всех косые глаза. Никогда не знаешь, на кого этот треух смотрит, а я этого не люблю. Собеседнику, следует смотреть в глаза».

После этого Исаак отправился в короткое космическое путешествие, исполнив, не перевирая ни одной ноты, «Интернационал».

Исаак Маркович пригласил Алексея Петровича на чашку кофе, предварительно сообщив, что у него стоит итальянская машина, которая делает кофе не хуже, чем делают в кафе «Бобони» в самом центре Рима.

Квартира Исаака Марковича оказалась почти полным подобием нового жилья Алексея Петровича, за тем исключением, что одну стену украшали книжные полки из хорошего дерева, забитые книгами на четырех языках, в том числе и на русском. В глаза Козлику бросилась давно читаная книга Селинджера «Над пропастью во ржи».

«Исаак Маркович, не одолжите ли Селинджера на короткий отрезок времени?» (Нужно сказать, что Козлик по принципиальным соображениям одолженных книг никогда не возвращал. «Что с возу упало, то навсегда пропало», — говаривал он.)

На свободных от полок стенах висели гравюры Пиранези с видами Рима. «Вы любите Италию?» — поинтересовался Козлик и чуть не заплакал, вспомнив Любу и Замок Святого Ангела. Перебивая друг друга, хозяин квартиры и его гость стали вспоминать Рим, но не забыли Верону, Падую и другие замечательные итальянские города.

В какой-то момент Козлику все эти разговоры надоели:

«Исаак, вы бедный человек, не правда ли?»

«Не бедный, не богатый, скорее состоятельный. Но, дорогой мистер Козелков, такого рода вопросы в нашей стране считаются неприличными».

«Плевать я хотел на приличия с высокой колокольни или с любого другого поднебесья. Если у вас есть деньги, зачем вам и мне жить в месте, где нет памятника Марку Аврелию, Испанской лестницы и других замечательных архитектурных и скульптурных изделий? Вы мотаете головой. Если Вячеслав Иванов, человек безукоризненного вкуса, был вполне рад жить в Риме, то почему бы нам с вами не отправиться в Вечный Город на вечное поселение?»

Исаак замял разговор.

Козлик почувствовал непреодолимое желание сойти с рельс.

«Довезите меня до ближайшего магазина, где можно купить водку».

Исаак Маркович спросил, какую водку предпочитает Козлик. На что Козлик с раздражением: «Водка есть водка».

Машина остановилась у винно-водочной лавки. Справившись с покупкой, Исаак выдал Козлику бутылку «Столичной» с винтом.

Открыв тяжелую дверь гостиницы, Алексей Петрович проскочил мимо портъе, выщедил из машины треклятое кофе и по дороге к лифту начал беседовать с самим собой:

«Черт знает, куда я попал: на улице колдобины, какие-то безобразные бомжи, куда ни кинь взгляд. В середине улицы труба, из трубы дым, видимо, какая-то связь с потусторонностью. Мне нужна тройчатка и прочие ингредиенты, иначе я рассыплюсь на атомы».

Ввалившись в свой номер, Козлик после судорожных поисков нашел коробочку с таблетками.

«В первую очередь люминал для сна, затем кофе для возбуждения и два глотка “Столичной” для легкости мозга. Мне надо сойти с рельс, а потом вернуться обратно. Это почище ваших буржуазных ЛСД и кокаинов».

Козлик принял этот убийственный коктейль, собираясь тут же заснуть, но не тут-то было, сон не шел.

«Это безобразие от изменения широт и долгот», — подумал Козликов, но, хлебнув еще один глоток водки, погрузился в состояние между жизнью и смертью.

Два человека во фраках стояли, повернувшись спиной к миру. Это позорный плагиат из Фриша, рассказец или повесть, или роман с кисточкой. Фраки беседовали о чем-то высоком по недостижимости простому мозгу лежащего, хотя речь плыла на родном. Кроме этого, имел место цилиндр. Не оборачиваясь, один повыше, хрюкнув или посмеявшись на манер морского животного, зайдя куда — сюда не видно. «В тебе, жидостранник, нет покоя и благодати. Как насчет одиннадцатой заповеди? Наносил ли на бумагу, папирус, кору березы доносы, кляузы, клеветы, как о ближних так и дальних? Кайся, кайся, мертвому припарка, тебе был мозг даден для бенгальского огня пустопорожности, или нет, не пиши как еврейская скрипка Ойстраха и прочих».

Фраки исчезли. На их месте возникла какая-то ублю- дочная физиономия и торжественным тоном:

«Ищи и обрящешь». Что именно следовало искать, рожа не сообщила и, помолчав, добавила:

«Терпенье и труд все перетрут».

«Имел я ваш труд», — громко закричал Козлик, тем самым, разбудив самого себя.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ ПРЕБЫВАНИЯ

Нечего и говорить — Алексей Петрович проснулся с болью во всем теле. Голова раскалывалась на части, во рту было что-то невообразимое. Он с отвращением

вспомнил, что ему привиделось ночью, и постарался всю эту гадость выгнать из памяти. Но от «ищи обрящешь» избавиться при всем старании никак не мог.

«Где ищи? Что обрящешь? Зачем обрящешь? Что это все значит? С кем имел честь? Какие будут дальнейшие указания?»

В конце концов Козлику удалось расшифровать загадочную фразу:

«Сообщение принято», — возопил Козлик.

Сначала мозговитый Алексей Петрович осмотрел подозрительные штепселя, у которых вместо законных двух дырок было почему-то три. Козлик достал купленный в Италии перочинный ножик, в котором было все вплоть до компаса. Действовал параноик с исключительной быстротой. Штепселей в номере было числом десять. На пятом Алексей Петрович решил произвести короткое замыкание, что он с легкостью и проделал и, таким образом, лишил микрофоны электрической подкормки. От этого настроение Козлика значительно улучшилось и он спел:

«Любо, любо, любо, братцы, жить,
с нашим атаманом не приходится тужить».

Покончив с проклятыми штепселями, Козликов обратил внимание на четыре *бездельно* стоящие лампы. Куроча лампы, Алексей Петрович получал двоякое удовольствие: он исполнял святую обязанность показать всему белому свету кукиш и, во-вторых, путем уничтожения ламп избавлял человечество от предельно безвкусных предметов народного потребления.

После тотального истребления настольных ламп бывший библиотекарь ощутил моментальное исчезновение всяких параноидальных мыслей.

В комнате был совершеннейший бардак, что ни в коей степени Козлика не заботило, поскольку жить ему

в этой комнате оставалось не более суток. Вспомнив, что в кармане у него покоится пакетик с марихуаной, Козлик выдрал лист из одолженной «Над пропастью во ржи», не очень умело скрутил козью ножку и закурил. Выкурив травки, Алексей Петрович почувствовал благодать на душе, зевнул и отправился почивать, несмотря на то, что было десять часов утра. Во сне ему привиделись нимфы. Козлик окончательно продрал глаза где-то около двенадцати. Настало время в конце концов прогуляться по Манхеттену, а также надобно было перед прогулкой что-нибудь съесть.

Напротив гостиницы торчал во всей неопишуемой красе «Мак Дональд». При помощи разнообразных телесных движений Козлик заказал себе два гамбургера с картошкой и, разумеется, кофе. Картошка была хороша, гамбургеры же обладали нижнесредними достоинствами.

Погода стояла хреновая — шел мелкий дождь, и Алексей Петрович решил, что время для прогулок еще не пришло.

Вернувшись в гостиницу, Козелков лег на неубранную кровать. Прежде чем открыть первую страницу Селлинджера, Козлик принялся вспоминать то, что осталось в его голове от прочитанной в 1965 году «Над пропастью во ржи». Осталось немного:

Какой-то пруд, с утками, школа-интернат, не совсем понятная история с чемоданами. Он также припомнил, что в романе, кроме постоянного срывания всех и всяческих масок, главный герой Холден. Каулфильд постоянно ныл, выкидывал разнообразные коленца и швырялся деньгами.

Книга не оставила в душе Козликова ничего, кроме скуки. Но, тем не менее, Козлик открыл роман и начал читать предисловие, а затем и сам роман, надеясь выудить для себя полезную информацию о жизни в Новом Свете.

Роман был переведен на русский язык Ритой Райт-Ковалевой. Она же написала предисловие.

«[в Америке], где продается все, даже девочка с худыми плечами... фальшь и обман... где за деньги предлагают наладить не только внешнюю, но и внутреннюю жизнь... Сэлинджер ненавидит всякую вульгаризацию искусства и науки».

По предисловию бродили разнообразные бяки — ханжи, лицемеры. Затем автор предисловия переходит с читателем на «ты»:

«Читай спокойно, автор ничего не разжевывает и не кладет тебе в рот».

И так далее на том же «нюю спике».

Абсолютно ничего выжать из «Над пропастью» Козлик не смог. По всей видимости, роман следовало читать в шестнадцатилетнем возрасте. Как и при первом чтении в далекие времена, Козлик никак не мог взять в толк, что за шум и почему *консервативные силы крупной буржуазии так надули губы*, что некоторым школьным библиотекам пришлось выкинуть ни в чем, кроме бесконечной скуки, не повинный роман.

Какой же этот Холден олух. И какой заковыристый вопрос он задал: что случается с утками зимой, когда замерзают пруды в Центральном парке?

Алексей Петрович в сердцах отшвырнул «Над пропастью» и понял, что ему совершенно не хочется осматривать город, который не приглянулся с первого взгляда. Козлик было уже собрался в «Макдональдс» на предмет *поедания* очередных гамбургеров, как в дверь кто-то постучался.

«Опять лампы, входите, только вас мне тут не хватало».

В дверях первой появилась девушка лет двадцати пяти, за ней гуськом проследовало три джентльмена, бо-родатых, в черных костюмах, при пейсах.

«Меня зовут Ривка, а это мистер Соломон, мистер Климович и мистер Розов. Они не очень сильны в иностранных языках».

«Я тоже ни в зуб ногой *по иностранным языкам*».

«Через меня вы все постигнете», — пообещала девушка Ривка.

Козлик вежливо пожал руки пришедшим:

«Чем могу быть полезным?»

Гости с очевидным интересом рассматривали груды раскуроченных настольных ламп и черные пластиковые мешки, набитые каким-то тряпьем.

«*Зитцен зи зих бите*», — совершенно неожиданно вывалился из речедвигательных органов Козлика давно забытый шмат немецко-фашистского языка.

«*Шпрехен зи дойч?*» — поинтересовалась симпатичная девица.

«А на кой дьявол он мне нужен? По-русски, по-русски. Никаких других не *бачу*».

Девушка почесала лоб:

«А вы джокер».

«Я нет, ни при каких обстоятельствах. Джокер — это который в колоде карт, а я в противной реальной действительности».

«Они хотят задать вам некоторые вопросы. Вы должны положить руку на сердце на них ответить».

«А если я навру с три короба, что тогда будет, я вас спрашиваю, а? Давайте валяйте, задавайте вопросы, буду отвечать, как на духу, зачем мне врать. Я честный офицер и джентльмен. Валяйте, я вас заклинаю, давайте, давайте. Каков буде первый *вопросец?*»

«Мистер Соломон спрашивает, *айд* ли вы, или *гой* вы».

«На этот вопрос я ответить никак не могу, поскольку я ни шиша не понял. Что такое айд? Я такого слова что-то не припомню».

«Если говорить по-русски, это значит еврей, а по-польски жид».

«Я не потерплю, чтобы в моем помещении и прямо мне в глаза кидали слово “жид”, да еще в свободной стране великого американского народа, но, тем не менее, болтайте дальше».

«Прошу меня извинить душевно, он хотел спросить, не еврей ли вы».

Козлик пустился заправлять арапа:

«Это зависит от обстоятельств жизни: в иных случаях я да, а в других нет. К примеру, в данный, быстро протекающий момент я, бесспорно, еврей, но это не значит, что завтра я не сбегаю в какую-нибудь близлежащую церквуху и не выкрещусь там в баптиста, особенно если они найдут для меня непыльную работу, но вам этого не *постигнуть*».

Девушка Ривка перевела, как могла, всю эту галиматью. Климович встал и встрял в разговор на неизвестном Козлику языке. Пейсатый размахивал руками, изображая из себя ветряную мельницу. Потом, видимо, утомившись, в изнеможении грохнулся на стул. Ривка принялась переводить:

«Господин Климович хочет узнать истоки и составные части вашего еврейства».

«Диалектически говоря, бабка со стороны матери — чистой воды еврейка. Хорошая была старуха, но это, как я понимаю, никакого отношения к данному допросу не имеет. Все остальные предки, как говаривала все та же еврейская бабушка, были *фони хропы*. Значение этого словосочетания для меня является загадкой сфинкса».

Пейсатая ячейка перешла к обсуждению Козликовой абракадабры, на каком-то иностранном языке, возможно на идише.

Явно уставшая Ривка:

«Они говорят, что вас надо будет очистить».

«В каком же это смысле? Сдать в химчистку для удаления родимых пятен социализма?»

Ривка как-то погрузтелла:

«*Вы меня шутите*, а мне шутки на русском языке не всегда понятны, я, может быть, неправильно выразилась. Они говорят, что вам придется пройти ритуальное очищение».

«Ривка, вы не можете им сказать, как-нибудь помягче, чтобы они отправились к ебени матери, а мы с вами пойдем перекусить в «Макдональдс». Он в двух шагах отсюда. А после этого ходим в кино. А потом, как получится».

Ривка пришла в необычайное возбуждение:

«Вы дурак, вы все дураки и нахалы, вы ничего не понимаете», — и что-то быстро протараторила пейсатым.

Пейсатые и Ривка стремительно выскочили из комнаты. Ни здрасте вам, ни до свидания. Видимо, упоминание некошерного «Макдональдса» доконало их. Алексей Петрович вылетел вслед за ними и закричал истошно: «Ривка, евреи, возьмите меня в *уборщики*, я люблю подметать!».

Компания хасидов поторопилась *погрузить себя* в лифт, и Алексей Петрович ответа от них не дождался. Первая попытка устроиться на работу и склеить американскую девушку оказалась неудачной.

Через два дня должен был состояться переезд Алексея Петровича. Он позвонил баронессе Марго и попросил предоставить ему на час-другой шофера и слоновоз. Баронесса обещала, что заедет за Козликом часов в пять.

Хотя гамбургеры стояли поперек Козликова горла, он, тем не менее, отправился в «Макдональдс».

На улице перед гостиницей, по всей видимости, было собрание бездомных. Клошары расселись в скверике напротив отеля и что-то бурно обсуждали.

«Чертова столица мира, — подумал Алексей Петрович. — Куда я попал? Как бы отсюда исчезнуть? Может быть, на Таити, где жил-поживал достойный всяческих похвал негр Пити-Мити».

Козлик с омерзением сжевал паршивую котлетку, выпил без всякого удовольствия липкую кока-колу и отправился восвояси. Травки оставалось еще на одну козью ножку. Козлик сел, чтобы спокойно покурить, но только успел вырвать из «Над пропастью» страничку для изготовления козьей ножки, как в дверь постучались. В комнату вошли три человека, судя по носам явно еврейского происхождения.

Алексею Петровича обрыдло слушать «Нью-Йорк рашен». По причине таковой он решил не давать никому вставить слова:

«Садитесь вон там на кровать или на стул, если хотите, я должен со всей правдивостью сказать, что я не Адам Козлевич из всеобщеизвестного когда-то, при царе Горохе, романа. Меня вам не охмурить. Я сам кого угодно охмурю. И прошу не вешать мне вермишель на уши. Я устал лицезреть ваших бездомных и летающие по улицам газеты. Взяли в толк? Как можно было построить такой безобразный город? Ну, Сыктывкар, положим, не лучше, но он же не претендует быть столицей капитализма. И к тому же я не при зубах нынче». Козлик в доказательство этого печального факта оттянул указательным пальцем левую часть губы и там где-то вдали мелькнула черная пустота. Один из гостей попытался вставить слово, но был беспардонно прерван:

«Тут до вас являлись какие-то специалисты по обмыванию. Если вы тоже пришли по баннным делам, то можете отправиться туда, откуда прибыли».

И тут же без минимального перерыва:

«Не хотите ли пропустить стаканчик, впрочем, стаканов у меня нет, так что придется из горла. Это не какое-нибудь дурацкое виски, это “Столичная”, первоклассная русская водка».

После длинной речи Алексей Петрович почувствовал некоторую усталость. Воспользовавшись паузой, один из вновь явившихся, сильно картавя:

«Мы знаем, что вы недавно приехали из безбожной России, где за нанесение визита в синагогу у вас могли быть *цоресы*. И, конечно, по этой причине вы не имели *нормальности* в вашей еврейской жизни. Мы по всему городу ищем сырых и голодных евреев и думаем, что вы не откажетесь прибыть к нам в синагогу, а потом на сейдер».

«Сейдер — это когда едят фаршированную рыбу и куриный бульон с клецками? — поинтересовался Козлик. — А сколько мне за это заплатят?»

Ошарашенные незваные гости что-то *проблеяли* друг другу. Единственный в группе *златоуст русского языка* пришел в необычайное волнение, и, путая и коверкая, все, что в великом и могучем можно было перевернуть с ног на голову, сделал нижеследующее заявление:

«Мы порешили дать вам мани, мани, мани, хотя это есть странный нонсенс, не по причине как Шейлок, а как принцип. Но это только однажды. Нельзя знать, когда и по какой ситуации вы призовете от нас контрибуцию в следующий раз. Мы рады, если вам удалось понять наше говорение. Добавка: вы должны по синагоге передвигаться тапочками, а не бутсами».

«В белых тапочках?» — с раздражением спросил Козлик.

«Колорит не значителен. Мы сделаем закупку тапочек в обувной лавке. Прошу сопутствовать за нами гуськом».

В обувном магазине была закуплена пара паскудных синих тапочек. После чего Козлик был отпущен побегать по травке до вечера.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ ПРЕБЫВАНИЯ

При входе в синагогу на Козлика напялили ермолку. Его познакомили со множеством народа. Кому-то, слава Богу, пришло в голову позвать переводчика, что сильно упростило общение с *нерусскоговорящими*. Алексей Петрович узнал от переводчика, что началась война Израиля с арабами. Он сильно встревожился и, как всегда в такие моменты стал стопроцентным сионистом. Козлик пожалел, что не эмигрировал в Израиль, хотя прекрасно понимал, что толку от него там был бы ноль.

Знакомая троица, возглавляемая Златоустом, повела Козлика на *сейдер*. Настроение у сотрапезников из-за войны на ближнем Востоке было аховое. Они до поры до времени забыли о существовании Алексея Петровича, но, съевши некоторое количество клецек, Златоуст начал подавать признаки жизни:

«Сказывайте нам, мистер *Козелкофф*, как отреагирует «Красная площадь» на *последние ситуации*».

«Давайте лучше общаться через переводчика, а то от вашего «сказывайте» у меня начинает побаливать мозжечок. А что касается Кремля, Лубянки, Старой площади и лично товарища Брежнева, то расклад ясен: если евреи начнут наступать на арабов, советский народ в один голос осудит империалистическую агрессию сионистских сил. Красная площадь начнет требовать немедленного перемирия и так далее по нотам».

Алексей Петрович решил отправиться в прихожую, дабы выкурить там гаванскую сигару, противозаконно привезенную в США.

Козлик тихо-мирно, никого не трогая, *вытихнулся* из-за стола, деликатно приоткрыл дверь на лестничную площадку, вопреки всем правилам *курения* глубоко затянулся замечательной кубинской сигарой, но тешил себя

весьма непродолжительное время. Какая-то чрезвычайно безобразная дама, по всей видимости, собралась посетить туалет, но, увидев курящего Козлика, сменила направление и, подскочив вплотную к Алексею Петровичу, вырвала из его рта сигару. Козлик завернул уродине руку за спину, перехватил падающую сигару, вернул ее в рот, высосал из сигары большое количество дыма и *отпаровозил* этот дым прямо в физиономию *страхолюдины*. Дама, омерзительная во всех отношениях, начала истошно орать на непонятном Козлику языке. Из столовой выскочило несколько мужчин и, освободив визжащее существо женского пола, стали наносить удары по козликовой физиономии. Алексей Петрович пытался обороняться, но силы противника были настолько превосходящими, что бедному Козлику ничего не оставалось, как ретироваться с большой скоростью в сторону моря:

«За битого двух небитых дают, — заорал Козлик, и, скатываясь с лестницы, — *хазейрем киш мир ин тохес!*»

По дороге в гостиницу Козлик придумывал дополнения к египетским казням и измыслил таковых уйма. Проходя мимо затуманенного зеркала в холле отеля, потерпевший заметил, что под левым глазом созревает фонарь.

Козелков никак не мог взять в толк, почему эта сука пыталась вырвать сигару изо рта. В голову лезли разнообразные дикие мысли, как то: купить пистолет (неизвестно где), вернуться и перестрелять всю честную компанию или пробраться незаметно в квартиру и засунуть визгливую гадину мордой в унитаз.

Из своего номера Козелков позвонил Исааку Марковичу и поведал, что с ним произошло на сейдере.

«За битого, и так далее, а также со свиным рылом нечего лазить в религиозный огород. *Тейк ит изи*. Это боевое крещение. В конце концов ты остался жив и

здоров. А то, что во время сейдеров нельзя курить, ты узнал самым запоминающимся образом. Завтра вечером свидимся».

Козлик спал скверно. Все тело ломило.

«Хорошо они меня отделали, — просыпаясь через каждые пятнадцать минут от боли, думал Алексей Петрович. — Я им еще покажу!»

Что именно и кому он собирался показать, битому Козелкову было совершенно не ясно.

ШЕСТОЙ ДЕНЬ ПРЕБЫВАНИЯ

Алексей Петрович проснулся поздно. Вспомнив вчерашний *сейдер*, он чуть не задохнулся от горечи и негодования:

«Курить, видите ли, нельзя, а вырывать сигару можно. Какое-то гестапо, а не *сейдер*».

Козлик с трудом встал и, войдя в туалет, обнаружил, что за ночь фонарь стал неприятно сине-красного цвета. «Ну, попадитесь вы мне, я из вас почки выбью, — проворчал Козлик. — Вы у меня попляшете и по канату походите».

От пустозвонных угроз Козлику на душе легче не стало.

«Пойду-ка я пройду по этому Железному Миргороду», — подумал Козлик, заранее предчувствуя, что этот променад только укрепит его неприязнь к городу. После Рима все, что ни есть, «ничто, и звать никак». Ни тебе Марка Аврелия на небольшой лошадке, ни замка Святого Ангела.

Козлик, чувствуя некоторый страх, прошел через Центральный парк. И тут увидел нечто, кое-как примирившее его с Новым Светом, — Музей Гугенхейма.

В музее Алексей Петрович постарался не смотреть на картины, сильно портившие замечательные стены, зашагал вверх по пандусу, хотя все остальные посетители шли в противоположном направлении. С каждым шагом Козлик открывал для себя новые пространства. Получив значительную порцию позитивной энергии, Алексей Петрович купил две «горячие собаки» и к омерзению продавца долго отсчитывал медные центы. Слегка подкрепившись, Алексей Петрович побрел по Пятой авеню, рассматривая сонмы красиво одетых дам с собаками и без.

Ему пришлось три раза покупать жетоны в метро, потому как во время пересадок нечистая сила выносила его на улицу. После долгих мытарств, вернувшись в отель, Алексей Петрович от нечего делать, принялся читать «Над пропастью». Неожиданно для себя, Козлик обнаружил, что он и Холден сверстники и что оба безуспешно занимались фехтованием. Получив эту совершенно ненужную информацию, Алексей Петрович в сердцах отшвырнул Селинджера в дальний угол.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ПРЕБЫВАНИЯ

Маргарита без стука открыла дверь:

«Вставайте, Козлик, вас ждут великие дела. Видите, как точно я прибыла. Машина внизу, поторапливайтесь, шофер вытащит ваши чемоданы. Вам повезло. У меня пока еще есть лимузин. Через неделю я рассчитаю шофера и кухарку и перееду в Гринвич Вилледж, где намерена вести более скромный образ жизни.

Слоновоз был набит какими-то коробками и мешками.

Маргарита:

«Я сегодня Дед Мороз, несмотря на неподходящий месяц и полное отсутствие снега. Синяк у вас, Козлик,

невидимой красоты и изящества. А почему бы и вам не отпустить мне какой-нибудь незначительный комплимент?»

«Баронесса Марго, вы как всегда неотразимы, но каждое слово дается мне с большим трудом. Эти правоверные что-то гнусное сделали с моей челюстью и к тому ж не заплатили мне обещанную сотнягу».

Марго полезла в сумочку и вытащила сотенную бумажку. Козлик отнекивался недолго. Проезжая по мосту Квинсборо, бывший советский гражданин Козелков Алексей Петровичем сделал нижеследующее негодующее заявление:

«Баронесса, я в жизни не видывал такого вопиюще некрасивого моста. Почему все в этом городе так, мягко говоря, неприглядно?»

«Приглядно — неприглядно, это от нас не зависит. У вас в голове сидит Рим. Постарайтесь выбить Вечный город из сознания».

Дальше баронесса фон Шталь и Алексей Петрович Козелков ехали молча. Козлик пытался выколотить из головы Рим, но чем больше он тщился, тем хуже у него это получалось. К тому ж он вспомнил Любу и чуть не залился слезами.

Баронесса выпорхнула из машины и поднялась с Козликом на третий этаж. Шофер затащил в квартиру мешки, мешочки, коробки и чемоданы. На свет божий вылезли чашки, блюда, простыни, одеяло — в общем, все, что нужно для *первоначальной* жизни.

Раздался резкий звонок. Козлик всполошился:

«Что мне делать? Тут три кнопки. Куда я должен нажимать. Какое-то дурацкое устройство. Я побежал вниз открывать двери. Начинается очередная американская морока».

Алексей Петрович с трудом открыл парадную дверь. В дверях стоял Исаак Маркович:

«Шалом. Я принес кое-какой еды».

«Нет, только не это. Не *шаломкайте* меня, мне от этих *шаломников* изрядно досталось. Вы зрите, какой фингал у меня под глазом? Тут нет ничего смешного, ну ладно, проходите».

Исаак Маркович поцеловал протянутую руку баронессы. Пошел на кухню достал стаканы и тарелки. Разложил закуски. Накрыл на стол.

Козлик:

«Мне можно не более тридцати трех грамм, а то я начну буйнить, сквернословить и могу даже начать бить посуду. Ну, вздрогнем, пусть они проведут остаток жизни в жутких мучениях».

Кто «они», Козлик не разъяснил, да у него никто и не спрашивал. Баронесса и Исаак продолжали, не торопясь, выпивать и закусывать. Когда на тарелках почти ничего не осталось, Исаак достал три трубки и железную коробочку с травкой.

«А ныне надобно задымить окружающее пространство приятным зельем», — молвил окосевший от одной рюмки Козлик.

Маргарита, опрокинула очередную рюмку и, беспорядочно размахивая руками:

«Давайте сыграем в полную откровенность. Карты на стол. На вопросы отвечать без вранья и по порядку. Как единственной даме в этом кругу мне будет разрешено задать вам обоим первый вопрос».

В этот момент Исаак смежил глаза и тихо запел:

«Гоп со смыком — это буду я. Граждане, послушайте меня... Не сдается наш *храбрый* Варяг».

И без всякого перехода:

«В анкетах под страхом попадания в заключение на многие лета должно быть все правдиво описано, именно кто и когда служил в Белой, Зеленой и Жовто-блакитной армии. Неправда ли, как занимательно?»

Козлик со своей стороны оповестил присутствующих:

«Без вранья не могу — неинтересно. Будем танцевать словесный стриптиз? Ни разу такого-сякого не пробовал. От мысли, что вранье отменено, мне становится как-то зябко, — Козлик впустил в себя изрядное количество дыма. — Ну ладно, поехали».

Баронесса:

«О сексе в начале или в конце?»

Козлик:

«Сначала было слово, какое, впрочем, неизвестно. Мы навязали сами себе обязательства, *кои* я буду строго выполнять, но какой из всего этого я получу прибавочный капитал?»

Исаак:

«Ты, Козлик, получишь *фолиантовый* Капитал основоположника на языке подлинника. Эта книга может служить орудием в руках пролетариата».

Марго закурила сигарету:

«Вот вы, Исаак, доктор философии, специалист по русским делам и языку. Ответьте мне, что такое *двустволка*?»

Исаак Маркович почесал за ухом:

«Нет, не знаю, ответить не могу, а вы, Алексей Петрович?»

«Все очень просто, хотя и сложно. *Двустволка* — это когда и нашим и вашим, чего я вслед за библией никак принять не могу. В древнегреческие времена такого рода поведение поощрялось, *но я нет*».

Произнеся эту фразу, набитую сверху донизу глубоким знанием античного мира, Козлик как-то обессилел:

«Это все какие-то давно прошедшие *плюсквамперфекты*, надобно бы *дерябнуть*, — подумал он, — а то на душе стало смеркаться».

Козлик пропустил тридцать три грамма, вытер тыльной стороной ладони рот:

«Давайте что-нибудь напряженно сексуальное с виньетки. Теперь моя очередь задавать вопросы. Когда вы, баронесса, последний раз имели секс? И какой секс? На манер жительниц одного маленького, но широко известного греческого острова? Подробности, подробности!»

Марго сморщила нос:

«Никакого *лесбиянства*, а только стандартные *коитусы*, и те имели место последний раз два года тому назад, когда с пьяных глаз мой покойный муж перепутал меня со своей любовницей. «Габриела, дорогая», — нежно промурлыкал он и вдохновенно кончил. После чего на меня накинута хроническая фригидность. С кем бы я ни пробовала заниматься сексом, кроме скуки и отвращения, я ничего не испытывала. Муж умер, а дело его живет. Поэтому эти подсказывания я прекратила за ненужностью. А теперь, дорогой Козлик, расскажите, как на нашей бедной родине проходит сексуальная революция».

«Ни о какой революции я знать не знаю, кроме октябрьской, но тогда, кажется, у оцетиненного народа были другие цели».

«Родина слышит, Родина знает, как ее сын в облаках пролетает», — запел Козлик дурным голосом. И не сходя с места, начал как всегда горько жаловаться:

«Жизнь моя дала глубокую трещину. К сожалению, вместо родных березок и еще более родного Марка Аврелия мне приходится окидывать взором совершенно чуждые моему сердцу небоскребы. А все из-за чего? Наслу-

шался *радиоуещеваний*, и вот сижу тут с вами и продаю свою Родину за подачки отдельных лиц и организаций. Что же касается секса, все обстояло самым наилучшим образом, особенно в Риме. Там у меня был гарем».

«Уж прямо и гарем», — с возмущением вскричал Исаак Маркович, — тоже, паша нашелся, вам бы сказочные романы пописывать. В Риме и без сераля неплохо».

Баронесса вдруг громозвучно засмеялась без всякой видимой причины. Козлик не мог удержаться и подключился пересмешником в чужой хохот. Последним заржал Исаак Маркович. Хохот продолжался минут пять, а затем как по команде прекратился.

Козлик почему-то армстронговым голосом:

«А вы, Исаак Маркович, ничего нам не рассказали о вашем донжуанстве».

Исаак Маркович впал в недолгую задумчивость и молвил:

«У меня все проще простого, я раз в неделю хожу к корейским проституткам».

«Почему такая дискриминация других народов?» — с обидой за остальное *проститутное* человечество спросил Козлик.

Маргарита почему-то по-французски:

«Се ту, я много выпила и выкурила, мне хочется спать».

Исаак Маркович любезно предложил свое ложе:

«Баронесса, я отвезу вас к себе домой на замечательном драндулете фирмы «Форд» двадцатилетней давности».

Марго пришла в крайнее раздражение:

«Вы мне еще предложите на закорках скакать. Вы хмельны и в вашей голове дым марихуаны. Знаете что, возьмите Козлика с собой, пусть он проведет эту ночь у вас».

Алексей Петрович возмутился:

«Я ответственный квартирномулец и никуда в другое место спать не пойду. А что это вы меня переставляете как шахматную фигуру? Вы лучше сами себя переставляйте. Почему бы вам не взять такси?»

Марго замахала руками:

«Вы что, не знаете, что тут в такси может случиться всякое? Они могут меня зарезать и изнасиловать. Я отсюда никуда не поеду, а вы, Козлик, должны дать клятву на библии, что если я останусь у вас, не будете приставать со всякими глупостями».

Козлик схватил вместо отсутствующей библии уже изрядно потертую «Над пропастью во ржи»:

«Именем Селинджера, ни днем, ни ночью, ни при каких обстоятельствах, я не посягну на честь баронессы Марго. Но давайте все эти книксены как-нибудь побыстрее, я страшно хочу спать. Какие уж тут приставания».

Изрядно пьяная Марго отправила Козлика убрать со стола, а сама с большими трудностями постелила диван-кровать. Свет был погашен. Козлик ерзал, подсакивал, вертелся. Он возбуждался все больше и больше. И уже было решил начать осторожно атаку, как Марго, зевая:

«Если я вам дам, вы перестанете ворочаться?»

Козлик, срываясь от возбуждения на фальцет:

«Путем Кама Сутры я могу предложить вам нижеследующее сексуальное меню: Четырехминутный сет без фокусов и нежных проявлений, десятиминутный вариант с гарниром и двадцатиминутный с полным набором стенований и неоднократной сменой поз».

Марго тяжело вздохнула и согласилась на четырехминутную версию».

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ ПРЕБЫВАНИЯ

Продрав глаза, Козлик увидел, что рядом с ним сидит обнаженная Марго. Козлик внимательно принялся изучать тело баронессы и нашел, что оно содержится в безупречном порядке.

«Не повторить ли нам?» — спросил Козлик.

Баронесса предложила десятиминутную версию с умеренным количеством *прибамбасов*. После этого любовники заснули глубоким сном. Видавший виды потерянный амур совместно с сорокасемилетней психеей проснулись где-то в двенадцать пополудни. Маргарита напаялила на себя рубаху Алексея Петровича. Вопреки строгому американскому закону по утрам принимать душ Марго и Козлик только слегка всполоснули руки, после чего сели за стол и доели все, что от вчерашнего ужина осталось.

«Чем вы намерены заниматься в ближайшее время?» — поинтересовалась Маргарита.

«В самое ближайшее что ни на есть время мы перейдем к двадцатиминутной версии Кама Сутры с причиндами на индийский манер. Вечером у нас сегодня будет суаре с Исааком, на коем мы будем рассказывать друг другу арабские сказки, хотя одна четверть моей крови всячески протестует против ближневосточной трепотни, а также против сказок про белого бычка».

«Я вас не об этом спрашивала, меня интересует, как вы будете зарабатывать себе на жизнь. Вы думаете, что всю жизнь негры в метро будут подавать вам на бедность сотенные?»

«У меня есть деньги. На хлеб и воду и на квартиру я буду получать три месяца деньги из конторы. Кроме всего прочего, я обладаю ценностями, вернее ценностью — яйцо работы Фаберже, если это Фаберже».

Козлик отправился в уборную, вытащил из бачка яйцо, вытер изделие и с победоносным видом водрузил Фаберже — *не Фаберже* на стол.

«Где вы это взяли? — с интересом спросила Марго. — Если это Фаберже, то тогда вы сможете года два-три не работать. Я бы сама с удовольствием купила это яйцо у вас, но сейчас не могу, мои финансы поют безденежные романсы. Вы не ответили на мой вопрос — где вы это взяли?»

«Украл».

«То есть, как это украл? Значит, вы вор, вас нельзя пускать в приличные дома, а то еще стянете серебряную ложечку. Правда, в далекой молодости я тоже однажды польстилась на чужое добро».

«И что же вы стащили?»

«Один раз брошь с брильянтами, а в другой раз серебряную солонку с эмалью».

«Значит, мы с вами два сапога пара. И все украденное вы поменяли на горбушку черного хлеба, чтобы избежать голодной смерти?»

«Козлик, вы совершеннейший идиот. В Париже, где я в то время жила, черного хлеба было не сыскать с проекторами, поскольку лягушатники не едят ржаной хлеб. Брошь и солонка с эмалью до сих пор хранятся в моем сейфе. Давайте одевайтесь — мы поедem к моему знакомому старцу, он нам все расскажет о яйце».

Старая перечница обреталась на пятом этаже без лифта. Козлик и Марго с трудом взобрались по крутой лестнице на последний этаж. Голос за дверью долго и нудно спрашивал, кто, где, зачем и почему. Наконец дверь открылась на три сантиметра. Алексей Петрович увидел желтоватый глаз.

«Ах, это вы, баронесса, как безмерно я рад вас видеть. Сколько лет и зим!» — и прочее и прочее.

Старец нес свою стародавнюю куртуазность, но дверь до конца не открывал:

«Позвольте узнать, кто это с вами, дорогая баронесса».

«А это недавно прибывший из России господин Козелков Алексей Петрович».

Старик, наконец, счел возможным открыть дверь. Лобзание рук и длинная серия комплиментов заняла не менее пяти минут. Затем старец, повернувшись к Алексею Петровичу, протянул руку:

«Зверев Георгий Сидорович. Говорят, там у вас уже начался голод, — обращаясь к Козлику, проскрипел старый мудак, — и люди едят себе подобных, то бишь стали антропофагами».

«Такого знать не знаю. У нас в Питере люди пока едят друг друга только метафорически».

Ответ Алексея Петровича пришелся старцу явно не по вкусу. Он сморщился и с полной определенностью в голосе:

«Если сейчас не едят, то скоро начнут. Но вы, по всей видимости, по делу. Не так ли-с?»

Марго вытащила из сумки яйцо и поставила его на стол. Старик достал лупу, повертел ювелирное изделие:

«Да-с, не перевелись на Святой Руси *подковыватели* блох. Недурно сработано, и клейма подходящие, красивая штучка, но *новодел*. На самом деле, какая разница, Фаберже не Фаберже. Так нет, им подавай подлинность, чтоб каждая бирюлька была бы смастерена, предпочтительно рабами Рима или при дворе короля Артура. Короче, товар денег стоит. Сколько, сказать не могу, зависит от того, как вы, дорогая баронесса, умеете блефовать. Итак, составляю сценарий: вы вдвоем заходите в небольшой магазин почти на углу Лексингтон и Девяносто

третьей. Баронесса приветствует хозяина по-французски. Хозяин лавки, армянин, владеет только жалким английским и никому не нужным армянским. Армянин смущен до крайности своим глубоким невежеством. У вас уже десять очков форы. Для начала он предложит вам какую-нибудь ничтожно малую сумму, скажем, пятьсот долларов. Вы должны, не говоря ни слова, начать укладывать вещицу в сумку. Игра будет продолжаться не менее получаса. Дорогая Марго, вы должны уловить момент, когда поймете, что больше он вам не даст. Я думаю, что он остановится на трех тысячах. Я буду с нетерпением ждать вашего отчета о проделанной операции. Удачной охоты».

Все произошло, как и было предсказано, за тем исключением того, что Козлик вместо запланированных трех тысяч получил две тысячи шестьсот.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ Н. Й.

Баронесса укатила в Париж на два-три месяца. Исаак отправился приводить в порядок свой дом в Нью Оксфорде. Козлик остался один-одинешенек. Он каждый день ездил в Манхеттен, чтобы полюбоваться идущим из подземелья дымом, тем же самым дымом из преисподней, который был описан в романе в Ремарка «Тени в раю». Прогуливаясь по городу, Козлик чувствовал себя клопом, ползущим по огромной стене, которой нет ни конца, ни начала.

Перелистывая мысленно роман Ремарка, Алексей Петрович пытался осознать за каким дьяволом, он, сломя голову, бросился за кордон из вялого и в целом безобидного коммунизма семидесятых. У героя романа Ремарка не было другого выхода — он бежал от верной смерти. В общем, сравнение не выдерживало никакой критики. «Это все бабушкины гены, — подумал Козелков. — Евреи всегда куда-то бегут».

Козлик дивился поведению туземцев. Вот хорошо одетый джентльмен вытаскивает из мусорного бачка брошенную кем-то газету, в другом месте уличный музыкант играет на саксофоне, а место ему, как думалось Алексею Петровичу, в Карнеги холл.

По Сорок второй бродили какие-то типы с преступными мордами. Полицейские сидели на лошадях, а должно им было быть на бронетранспортерах. Иногда Козлику казалось, что он слышит русскую речь: «Слуховые галлюцинации, — поставил себе диагноз Козлик, и, почувствовав слабость в ногах от этого предположения, с трудом добрался до ближайшей скамейки и сел.

«У меня начинается шизофрения. Интересно узнать, что делают с сумасшедшими в этой стране?»

Козелков задал этот вопрос вслух и, естественно, по-русски. Сидевший рядом пожилой господин, повернувшись в сторону Алексея Петровича, на чистом русском языке:

«В этой стране сумасшедшие бродят по городам и весям. Америка стоит на первом почетном месте по количеству помешанных. Не нужно далеко ходить. Вон там, на соседней скамейке сидит оборванец и громко разговаривает сам с собой. Вы тоже минуто назад, смею заметить, очень громко задали вопрос неизвестно кому, да еще по-русски, хотя тут вам не Рязань. Надеюсь, что вы сами не душевнобольной».

Козлик съежился от смущения и без всякой уверенности в голосе:

«Нет, пока нет. Во всяком случае, я так считаю. Но иногда со мной случаются странные явления: идут два штатника и *болтают своим английским*, а мне кажется, что они лопочут по-нашему. Вы так хорошо говорили по-русски, когда вы приехали?»

«Я недавно приехал из Франции, посещал Париж и другие населенные точки, как то Марсель».

На что Козелков, чтобы разговор не заглох, пропел несколько строчек из известной блатной песни:

«Где девочки танцуют голые, а дамы в соболях. Лакеи носят бороды, а воры носят фрак. Пустите меня, пустите в эту самую Марсель. Так?»

«Очень возможно, что так, но мне этого видеть не привелось. Мне желательно спросить вас еще раз, вы не безумный? Если вы да, мы с вами любовно разоидемся, если вы только что с иглы слезли, тогда мы благожелательно расстанемся. Кстати сказать, Марсель в русском языке состоит в мужском роде. Вы меня за кого-то другого принимаете, возможно, вы думаете, что я недавно приехавший из Совдепии еврей, но я нет. Я начинаю подозревать, что это вы, недавно прибывший еврей, что со всех сторон хорошо, чем меньше в России евреев, тем лучше. Я совершенно не антисемит, но сторонник всеобщей эвакуации евреев из так называемого СССР для их собственного блага, и не утаю, для блага русского народа. Татары нам тоже не ахти как надобны и другие инородцы, иноверцы, чужестранцы лучше бы они отравились по домам».

В этот момент Козлик страстно захотел съездить собеседнику по морде. А тот продолжал нести:

«Меня зовут Николай Николаевич Хлопов. За то, что вы частично освободили своим переездом Российское земное и воздушное пространство, я хочу подарить вам двадцать долларов».

Козлик с трудом заставил себя отклонить подаяние, хоть деньги не пахнут, но все же иногда смердят. Он встал, опасливо оглянулся по сторонам, слегка нагнулся и плюнул Хлопову точно в правый глаз. На левый не хватало ни слюны, ни времени, и, приказав себе делать ноги, Козлик немедленно покинул хлоповское земное и воздушное пространство.

Пробежав пять кварталов, Алексей Петрович понял, что этот дурацкий марафон никакого смысла не имел, он только утомил его до крайней степени. Хлопов по причине почтенных лет гнаться за Козликом не мог, а полиции, как совершенно правильно подумал Козлик, было не до поисков граждан с криминально-верблюдными тенденциями.

На Пятой Авеню Козлик, слегка отдышавшись, увидел через витрину кафе настоящую итальянскую кофеварку. Он заказал себе две чашки капучино и три рогалика. Попивая капучино, Козлик проанализировал события последних двадцати минут и пришел к выводу, что сначала нужно было взять двадцатник, т.е. наказать мерзавца рублем, а уж потом плюнуть ему в не очень ясное око.

Капучино привело Козлика в ностальгическое состояние: он вспомнил Рим, Граций и, не доев рогалик, чтобы заполнить пустоту жизни, отправился в мемориальную имени Эллингтона поездку на метро «А». До того как спуститься в подземелье, Козлик исполнил путем *скатинга* «Тейк “А” трейн», перевав при этом множество нот.

Во время паломничества Козлик ничего, кроме страха, не испытывал. Поезд был наполовину пуст и населен исключительно неграми. Проехав три остановки, Алексей Петрович выскочил как ошпаренный из вагона от страха, что негры устроят ему суд Линча, за позапрошлые грехи рабовладения, к которым грехам Козлик не имел никакого касательства.

Вернувшись домой, Алексей Петрович прилег на кровать в надежде очистить свой мозг от всякой ерунды, накопившейся за день, но из этой затеи ничего не получилось.

В голову лезли крысы, обвалившаяся штукатурка подземки, недружелюбные взгляды негров. Кроме этого, при помощи отрицательного самовнушения Алексей

Петрович вспомнил казус, случившийся много лет назад, когда он постигал науки в Институте культуры. Обучаясь на первом курсе этого богоугодного заведения, Козлик развлекался коллекционированием дам. Список уже подбирался к числу десять, но, как известно, и на старуху бывает проруха. Прорухой была девица значительного роста с узким длинным носом по имени Клара, годившаяся исключительно для разового употребления. Козлик накормил длинноносуя в пирожковой и потащил ее к себе, благо пирожковая находилась в минутах ходьбы от любезных Козлику Грифонов.

Девушка защищалась, но вяло. По мере того, как Алексей стаскивал с нее различные предметы нижнего белья. Клара рассказывала, как три дня тому на суаре с курсантами милицейского училища, один сильно набравшийся Пинкертона, пил шампанское из ее туфли. Услышав эту негигиеничную мерзость, Козлик почувствовал, как в его животе начали происходить различные неприятные процессы. Он опрометью прыгнул с помятого во всех местах тела и в развевающемся халате ринулся в уборную, где и выbleвал съеденные полчаса тому беляши.

«А ты одевайся, — слабым голосом попросил Козлик. — И побыстрей, а то я опять блевать стану. Пить шампанское, даже если оно и советское, следует из фужеров, а ежели таковые отсутствуют, то из стаканов. Я же тебе сказал, одевайся и сваливай».

Девка заплакала горячими слезами:

«Что случилось, ты сумасшедший, помоги мне застегнуть лифчик».

«А еще что? Сама справишься, я тебе не служанка».

Козлик не закончил фразу, потому как почувствовал острую необходимость отправиться в сортир доблывывать, а когда он вернулся в комнату, длинноносой и след простыл.

Алексей Петрович достал лист бумаги, на котором ясным почерком были тщательно выведены имена девяти лиц женского пола, с которыми Козлику удалось переспать. Он надеялся, что ему сегодня *выйдет* дополнить список, но человек предполагает, а Бог располагает. Вместо добавочного имени в донжуанском списке брызги потного шампанского в штиблетах.

ПЕРВАЯ РАБОТА В Н.Й.

«Надо было бы найти себе занятие, надо бы купить телевизор и приемник, чтобы слушать «Голос Америки» по-русски, или, может быть, поискать себе какую-нибудь непыльную работу», — подумал Козлик, еле продрал глаза в одиннадцать часов утра. Понежившись в постели еще с полчаса, новоиспеченный американец, слегка побрызгав физиономию водой, отправился покупать электронный товар. Магазин находился на неприглядной улице в десяти минутах ходу. Среди разнообразных телевизоров Алексей Петрович обнаружил господина с явно славянской физиономией.

«Гутен морген, — почему-то по-немецки проорал Козлик и, ткнув пальцем в самый неказистый, с маленьким экраном электронный предмет, выпалил по-немецки: — Кауфен, гекауфен телевизор».

«Ты зачем кричишь и мучаешь себя иностранным языком?» — на чистом русском спросил седой то ли продавец, то ли хозяин магазина.

«Откуда же мне знать, что каждый третий житель этих мест говорит по-русски?»

Старик протянул руку: «Иван Александрович. Отчество откидываем за ненадобностью. Остается что? Иван. Правильно. А ты кто такой будешь? А, из вновь пожаловавших. И сразу же вприпрыжку за телевизором. Чтобы

при посредстве этого объекта выучить английский, не прикладывая стараний. Умен, умен, ничего не скажешь. И что самое интересное: на днях пять таких же умников уже купили у меня этот извратитель мозгов. Я это тебе говорю как русский человек русскому, *или ты нет?* Но все равно, из России — значит, русский. Тебе бы лучше купить радио. Я учил этот чертов английский, слушая радио. Не музыку, конечно, хотя «нам песня в труде помогает». Ты, конечно, профессор, потому как твои сотоварищи по несчастью эмиграции, все как один сообщили мне, что они профессора и очень важные птицы. Один хотел показать мне какой-то документ. Я их наказал на двадцать долларов за чванство и глупость, я сам не лыком шит. Выкладывай зелененькие и проваливай, а кто профессор, кто говночист, мне безразлично. Мое дело продавать телевизоры, и все тут. У меня нет времени разбираться со всеми этими званиями».

Алексей Петрович поинтересовался, сколько стоит сильно поцарапанный телевизор.

«Ничего он не стоит, я тебе его дарю. У меня необычайно доброе сердце. Да такой телевизор никто сейчас и покупать не станет. Всем теперь нужен большой цветной экран, чтобы смотреть всякие благоглупости про ковбоев и прочих умственно отсталых. А приемник я тебе продам по оптовой цене».

Иван Александрович вытащил с полки коробку:

«Давай испытаем, хорошо ли гадкая немчурка сварганила этот предмет».

«Грундик» работал отменно.

«А теперь я приглашаю тебя на *ланч*. В забегаловке дают замечательную украинскую жареную колбасу и вареники с творогом, не вредоносные же гамбургеры нам есть. Так?»

Поедая гигантскую порцию колбасы, Иван Александрович поведал историю своей жизни:

«Я родился в девятисотом году в Иркутске. Родителей я никогда не видел. Они подарили меня в бездетную семью. Меня воспитывали строго и рукоприкладно. Приемный папуля не забывал повторять, что это делается для моего же блага. Папуля, мамуля, а тут еще и гражданская война. Ту матч. Стало понятно, что из этого бедлама надо срочно сваливать: белые, красные, чехи, японцы, зеленые в крапинку. Я внимательно изучил карту и понял, что на запад мне не пробраться. В один прекрасный день мне удалось вытащить из сейфа моего папаши все, что имело смысл вытащить. Через десять дней я оказался в Харбине, где тогда жило много русских. Меня устроили на оптовый склад господина Зеленко. Там я проишачил три года. Когда мне все это надоело, я отправился в Шанхай, где устроился на английский сухогруз моряком».

Тут Иван Александрович сделал паузу и спросил, не надоел ли Алексею Петровичу его рассказ.

«Не то слово», — подумал Козлик.

От этих повествований у Козлика заболела голова. Он промямлил, сильно покривив душой, что ничего более интересного в жизни не слышал, и тут же впал в прострацию, а Иван Александрович тем временем продолжил свой бубнеж. До усталого мозга Козлика доходили только отрывки биографии Ивана, которые Алексей Петрович суммировал нижеследующим образом:

Иван служил моряком. Его корабль обогнул мыс Доброй Надежды. Черчилль с присными декретом перевел все торговые корабли в военно-морской флот Его Величества. Таким образом, Иван стал военным моряком. В 1945 году Иван попал в Подмандатную Палестину, где воровал английское оружие и боеприпасы. Ворованное продавал Иргуну. За что евреи его сильно полюбят.

били и в благодарность Бен Гурион совместно с Бегиным устроили его на непыльную работу в порту Хайфы. Когда Ивану надоело ошиваться среди евреев в Израиле, он попросил отправить его в Америку, где местные евреи устроили его на работу и вскорости помогли купить бизнес. За что он, Иван Александрович, им, евреям, очень благодарен.

Козлик плевать хотел на приключения морского волка. Он сам бы мог немало порассказать о плаванье на плоту по Волге. Какая-то еще Подмандатная Палестина, видите ли вы.

Героические плавания вокруг света Козлику надоели еще в далеком детстве. После того, как вареники исчезли с тарелки, Иван сытно рыгнул и изрек:

«Мне сделали хорошее, и я хочу тоже кому-нибудь помочь. Мне нужен шофер и грузчик в одном лице. У тебя есть *лайснес*?»

«А что такое *лайснес*, это лицензия на отстрел лосей?»

«Ну ты даешь, юноша. При чем тут лоси? Ну что тут непонятного? *Лайснес* на вождение автомобиля».

От этих всех *лайснесов* и других непонятных английских слов Козлику захотелось в который уже раз домой на канал Грибоедова или на худой конец в Рим:

«У меня нет никаких *лайснесов*, но зато есть международные водительские права. Я умею водить автомобиль. У отца был старенький «Москвич».

Иван-мореход сморщил нос:

«В нашей великой державе срать хотели на все международно-интернациональное, в том числе и на твои вонючие права. Но ты не огорчайся, *лайснес* мы сегодня выправим. Тут есть армяно-грузинский кацо, он тебе, если захочешь, и китайский паспорт сделает».

Затем без всякого перехода:

«Я предлагаю тебе работу: два раза в неделю по восемь часов, буду платить тебе невообразимо хорошую зарплату *кеш, ду ю но*, что такое *кеш*? Это когда ты получаешь денюга, а налоги не платишь».

Тут Иван понес, с точки зрения Козлика, совершеннейшую околесицу:

«Мы устраивали «Бостонское чаепитие» зачем? А затем, чтобы не платить налоги. Пусть государство ищет дураков».

Иван сделал паузу, извлек из кармана пачку сигарет, закурил и продолжал:

«Кроме жалованья в сорок дукатов за рабочий день, ты будешь получать дважды в неделю бесплатный ланч в украинском трактире, где мы сейчас временно находимся».

Иван с Козликом вернулись в магазин. Алексей Петрович пошарил глазами по полке со стереофоническими приемниками:

«А нельзя ли мне в счет будущей зарплаты приобрести недорогое стерео с колонками?»

Вместо ответа Иван заорал что-то на крайне неблаговзвучном языке. Из задней комнаты выбежал раскосый господин в комбинезоне. Иван начал что-то обсуждать с монголоидным типом. Засим хозяин пригласил Козлика в заднюю комнату:

«Вот видишь, там стоит неприглядный приемник. Владелец отправил его в мусор, потому как там перегорел предохранитель. А китаеза за две минуты поставил новый, и теперь приемник работает замечательно. Отдам тебе по благу за червонец вместе с двумя колонками. А эта птичка с желтыми яичками, — ткнув пальцем в китаяца, буркнул Иван, — поможет тебе отвезти покупки. Где ты живешь?»

«Совсем близко».

«Имей удовольствие! Завтра у тебя первый рабочий день, не опаздывай».

Мао Цзедун вывел из гаража старый грузовичок, погрузил покупки в кузов. Дома Китаец быстро установил всю *громкоговорительность* и, не прощаясь, исчез.

Козлик включил телевизор, но по всем каналам шла какая-то *вестерновская* чепуха. На «стерео» Козлик обнаружил джазовую станцию и с удовольствием прослушал «Панонику» Телониуса Монка, затем быстро заснул, видимо, от *вздернутости* нервов.

На следующий день Алексей Петрович напялил на себя черный костюм, купленный еще в России и отправился на работу. Иван с отвращением осмотрел Козлика:

«Ты бы еще во фраке пришел с накрахмаленной манишкой. Пойдем со мной, я тебе дам комбинезон и теплую куртку. Сейчас ты поедешь с Китаезой собирать по помойкам выкинутую мебель и другие ценные предметы народного потребления. Инициативу не проявляй — Конфуций на этом собаку съел. Ну, с Богом!»

За короткое время Козлик с китайцем набрали полную машину мебели, два старинных подсвечника, пять телевизоров и кое-что по мелочи. Работа Алексею Петровичу понравилась — не нужно было ни о чем думать. К концу рабочего дня он почувствовал легкую усталость и, придя домой, решил отпраздновать первый рабочий день двойной порцией марихуаны. После травки Козлика потянуло ко сну. Ему хватило сил снять ботинки и забраться во всей одежде под одеяло. Смежив очи, Козлик впал в забытие. Через какое-то время он ощутил, что некто проник в комнату и сел на стул. Вновь прибывшая нежным женским голосом сообщила:

«Я — Пармская Фиалка специального назначения. Козлик попытался рассмотреть незнакомку. Он явственно видел коричневые туфли на высоких каблуках и такого же цвета кожаную тужурку, из-под которой виден был наган.

Капризным голосом Козлик, с трудом шевеля губами:

«Вы — никакая не Фиалка, вы — Мурка, но я не могу рассмотреть ваше лицо».

Козлик открыл на секунду глаза, но не увидел ни стула, ни Пармскую Фиалку. Он опять впал в забытие. Видно, кто-то перекрутил объектив, и теперь Козлик мог разглядеть только часть кожаной куртки и наган.

«Предъявите документы», — проскрипела Фиалка.

На смерть испуганный Козлик отправил телепатический сигнал:

«У меня только комсомольский билет в наличии и справка из дурдома».

Фиалка вытащила из кобуры пистолет и почему-то шепотом:

«Ты мне беспредельно надоел. Молился ли ты на ночь, Дездемонда? Свой самолет я уберу цветами», — добавила Фиалка.

Козлик чуть не плача:

«Меня зовут не *Дездемонда*. Я Козлик. И вообще, что вам от меня надо?»

«Это первая проверка, а пока держи хвост пистолетом. Какой ты, однако, мерзкий гаденыш», — проскрипела Фиалка и слиняла.

В ужасе Козлик проснулся. Чувствовал он себя крайне скверно, и, вспомнив ночное безобразие, ринулся было к двери, но увидел, что дверь заперта на три замка. Не теряя ни минуты, Алексей Петрович проверил окна, а затем отправился неизвестно зачем в ванную, где он ничего подозрительного не обнаружил.

«Куда же это проклятая Фиалка задевалась?» — со страхом спросил сам себя Алексей Петрович и, сев на неубранную кровать, хриплым голосом:

«А может, этой проклятой Фиалки и вовсе не было?» Козлик вспомнил, что вчера со своей дачи должен был приехать Исаак Маркович и тут же бросился ему звонить.

«Фор фак сейк донт кол ми эт смол аурс. Из самбади даинг?»

«Исаак, извините. Что-то случилось со мной ночью. Я весь дрожу».

«Сколько вы вчера выпили?»

«Да ничего, кроме чая. Может, я, того, помешался? Ко мне вчера ночью приходила Пармская Фиалка особого назначения с пистолетом».

«А орхидея с Калашниковым вам не являлась?» — с раздражением спросил Исаак Маркович.

«При чем тут орхидея? Может, меня следует госпитализировать и в смирительную рубашку по всему телу? И бац, электрошоком по башке».

«Послушайте, Алексей Петрович, сейчас двадцать минут шестого, примите душ, а затем вспомните, что вы делали вчера вечером перед тем, как лечь спать».

«Я уже сказал вам, что вечером перед сном я выпил стакан чая с сухариком. Может, чай был травленный или сухарик был начинен цианистым, калием, черт бы его побрал, но тогда, при чем эта гнусная Фиалка? Я в полном смятении чувств и мыслей. Правда, забыл сказать, перед сухариком мною были потреблены две марихуанные самокрутки, после которых что-то нехорошее начало происходить в моем ослабленном эмиграцией организме, а именно: зуд во всем теле, сопровождающийся потением ладоней, учащенным сердцебиением и желанием выйти на улицу и нанести какому-либо прохожему телесные повреждения».

Исаак на весь этот собачий бред с мышьяком и Фиалкой особого назначения коротко ответил:

«Марихуана. Вот тут-то и зарыта собака, но нам придется подождать: наш друг Джо раньше девяти на работу не приходит».

ПЕРЕВОД РАЗГОВОРА ИСААКА МАРКОВИЧА И ДЖО

И.М. — С моим другом вчера ночью произошла неприятная история.

Исаак Маркович пересказал всю чушь, которая привиделась Козлику прошедшей ночью. Джо молча выслушал этот собачий бред, не проявив никаких чувств.

Джо — Послушай, мужик, зачем ты *плетешь мне в ухо какую-то хуйню*. Сколько травки он выкурил вчера?

И.М. — Всю.

Джо — Твой друг думает, что он ебанный слон? Мы теперь добавляем слабый галлюциноген для полного удовольствия наших покупателей. Я объяснил ему, как мог, на пальцах, что больше одной сигареты в день он не должен выкуривать, а то хана. Пусть скажет спасибо, что не сыграл в ящик. Приезжают тут всякие мудаки. Откуда он явился? По-нашему ни бум-бум. Белая обезьяна без хвоста. И ходит летом в черном костюме, как ебанный иезуит.

И.М. — Джо, может, ты знаешь, кто такая Пармская Фиалка?

Джо — Ты, *Исаака Марковича*, идиот. Откуда я должен это все знать? Я не профессор. Вот твоему другу в качестве извинения трехдневный запас марихуаны. И разошлись немедля — у меня дела.

Исаак Маркович разъяснил Козлику, что случилось. После чего почесал лоб, как будто выцарапывал из головы какие-то сложные мысли и, повернувшись к Козлику:

«Из вашего организма, дорогой Алексей Петрович, нужно вывести токсины. Пойдемте в аптеку, я куплю вам уголь».

Козлик ошалело посмотрел на своего приятеля:

«Я не паровоз мне никакого угля не надо».

Алексей Петрович, однако, проглотил три пилюли почему-то розового цвета, хотя даже ежу, моржу и дворнику Агафону есть, было и будет ясно, что уголь всене-пременно должен быть черный.

Козлик договорился с Исааком вечером пойти в забегаловку с тремя столиками, где толстая тетка готовила русские котлеты.

После всей этой суеты. Козлик решил на всякий пожарный проверить, не явится ли бесовская Фиалка еще раз, для этой цели он, вернувшись домой, лег на кровать и заснул. Вместо ночного паскудства Козлику приснился Невский проспект, где *туды-сюды* неторопливо прохаживались *дамы, господины*, среди которых одна блондинка была особенно хороша.

СОРОК ВТОРАЯ УЛИЦА Н.Й.

Напялив на себя *твиды*, пожалованные Маргаритой, Козлик погрузился в грохочущее метро, то есть отправился в лес *погуляти*, а затем решил заскочить в Израильское консульство для того, чтобы получить там свои документы и стихи Толи Ястребова. Алексей Петрович вышел из метро на Сорок второй улице, где к своему ужасу увидел, что вокруг нет ни одного нормального лица: бандиты, проститутки и хулиганы всех мастей шныряли тут и там беспорядочно и *угрозно*.

«Их бы надо отловить и всех на Колыму, или того проще, чик-чирик на гильотину», — подумал Алексей Петрович и пустился почти бегом в сторону Израильского консульства. Полицейский при входе долго мял бумажку, каковая была выдана отъезжающим вместо паспорта.

В КОНСУЛЬСТВЕ

Козлик поместил себя в неудобное кресло и принялся ждать, когда ему вынесут диплом и два десятка стихов Толи Ястребова. Стихи автор просил напечатать в Америке под псевдонимом; кроме этого, Толя скромно намекнул, что не откажется от сносного киносъёмочного аппарата и других мелочей, как то: темные очки и десяток-другой пластинок Колтрейна. «Не все безотлагательно», — милостиво разрешил поклонник джазовой музыки.

Толя рассматривал Америку как большой хорошо укомплектованный магазин, где все *бычок — пятачок, а телушка — полушка*. Никаких Колтрейнов с очками и без Козлик посылать Толе не собирался, а стихи взял для того, чтобы опубликовать их под своим именем, если будет в том необходимость.

Пребывание в консульстве сильно затянулось. Козлик все время поглядывал на часы. «Евреи плохо работают», — повернувшись к сидевшему рядом типу в помятой фетровой шляпе с раздражением проворчал Алексей Петрович.

«А сами вы кто будете? Не еврей?» — спросил длинноносый господин.

«Я *есмь* частично ханты-бурятской национальности. Мой прадедушка был известным Ламой. Ламой-сыном и Ламой-мамой; а другая часть моей семьи происходит по прямой линии от Аарона, брата Моисеева», — не моргнув глазом, сообщил Козлик.

«А у вас есть доказательства всего того, что вы наговорили?» — спросил въедливый Носатик.

«При чем тут доказательства, это все есть, как оно есть, и по-другому быть не может. Вы лучше себя определите».

«Я доктор философии по-американски, а по-русски кандидат технических наук.

«Вот видите, вы не человек, а только звание», — забренчал Козлик, — и являетесь собой пример полной идентификации со своим бумажным положением. Вы о своем перерождении знаете? Кем вы были в прошлой жизни?»

«Это все религиозное мракобесие», — отпарировал кандидат наук.

В это время совершенно неуместный для дипломатической службы лохматый молодчик притащил пакет Козлику и кандидату наук. Не сходя с места, Козлик открыл пакет, достал Толины вирши на скверной бумаге и вслух, но очень тихо начал читать первое стихотворение.

Виват клумбе на синем просторе,
Где каждый листочек — благо и горе
Шумливо волнуется лес на гребне.
«Послушать не можно об этой хуйне».

Прочитав все это, Алексей Петрович почувствовал легкую тошноту. Его всегда тянуло блевать от Толиного стихоплетства.

Алексей Петрович было собрался засунуть стихи в пакет, как долгоносый выхватил листок из козликовых рук:

«Да вы же поэт! Это стихотворение похоже на поздних обэриутов».

Козлик, окруженный великим разнообразием книг, много унылых лет провел в библиотеке и держал в руках все, что было создано формалистами, имажинистами, акмеистами кубофутуристами и т.д. и т.п., но о поздних обэриутах слыхом не слыхивал. Они не успели до *поздности* дожить. По ним смертельно прошлись серпасто-молоткастыми предметами. *Короче, из дома вышел человек...*

«Нет, я не поздние обэриуты», — начал изгаляться Алексей Петрович, — а напротив того я емь ранние серапионовы сестры. У вас наверняка много собраний сочине-

ний, и вы, подозреваю, переправили вашу громоздкую библиотеку сюда в Штаты, чтобы продолжать почитать на сон грядущий всяких там Граниных-Маминых»...

«Вы имеете в виду Мамина-Сибиряка?»

«Так точно, — отрапортовал Козлик, приложив руку к несуществующему козырьку. — Позвольте отрекомендоваться: бывший советский солдат (на самом деле Козлик в армии никогда не служил) и библиотечарь Козелков Алексей Петрович. Время выпить *на брудершафт* по чашечке эспрессо и заесть бриошем. Нам следует двинуться в итальянскую кофейню. Десять минут быстрого ходу *отсель*».

Носатик сообщил, что его зовут Ханаев Николай Сергеевич и что он пойдет пить кофе и есть бриошь только при условии, что каждый будет платить за себя.

«А если я по доброте душевной, выложу пару тугриков твердой валюты на наше кофепитие, тогда, я надеюсь, вы не станете настаивать на вашем Богом данном праве платить за себя». Носатик в знак согласия не потратить деньги кивнул головой.

Кофе был выпит быстро, и бриошь исчезла со стола за считанные секунды. Козлик изъяснил:

«Тут вам не *Монмартр Латинского квартала*, а *Восьмая Авеню*: попил, поел и выкатывайся на свежий воздух. Давайте посидим на ступеньке вон того безобразного небоскреба».

Сидеть на гранитных ступенях было холодно. Ханаев Николай Сергеевич что-то начал говорить о каком-то филиале, где можно было пообщаться с интеллигентными людьми, взять книжку, почитать и выпить чашку кофе, хотя и ведерного, но зато бесплатно. Среди всей этой словесной навозной кучи вдруг засияла жемчужина: по словам Носатика, в филиале можно было получить безвозвратный заем от ста пятидесяти до двухсот долларов за сведенья о Совсоюзе.

ФИЛИАЛ

«И ты, милейший Коленька, уже конечно продал родину за тридцать серебряников, впрочем, почему бы нет. Деньги пахнут ландышами вперемежку с розами. Конечно, я им выдам полный набор государственных тайн, ведь я делал ящики для каких-то приборов на номерном заводе. (Тут Козлик вспомнил Грэма Грина с его пылесосом и глупо захихикал.) Я даже эти ящики могу им нарисовать, чего не сделаешь для новой родины. Тем более что сов. камарилья с нами мерзко поступила, выпустив нас на свободу. И без всякого перехода:

«Какие девы там были, уссаться можно. А тут многотонные разноцветные мегеры. Где щиколотки, где запястья?»

Омега пресс интернейшенал помещалась на десятом этаже видавшего виды небоскреба. Секретарша сообщила:

«Юрий Анисимович занят и освободится через час-полтора».

В этот момент толстяк, видимо, тот самый Юрий Анисимович, со вздернутым микроносом, вышел из кабинета и, наклонившись к секретарше, что-то ей прошептал. Козлик успел рассмотреть физиономию шептуна:

«Ну, чистейший Пупкин, ни дать ни взять», — подумал Козлик.

ПУПКИН ПЕРВЫЙ

Приближался новый 1959 год. В кармане Козлика болталась мелочь, на которую можно было купить пачку сигарет и более ничего. Открыв дверь своей парадной, Алексей Петрович увидел сидящего на калорифере дальнего родственника, прошедшего полжизни на казенных харчах, и в каком-то смысле приятеля по имени Владлен Иванович.

«Ты где болтался, я тебя жду уже минут сорок, хорошо, что у вас теплая парадная. За мной мусора гонятся. Можно, я пересплю у тебя ночь-другую? К тому же мне надо припрятать золотишко. Ты не бойся, товар я пристрою в печке».

Перспектива такого рода не ахти как обрадовала Козлика:

«Сколько заплатишь?»

«Три сотни за день».

«Ищи другую гостиницу».

«Ну, ладно — пятьсот».

«Деньги на бочку».

Владлен сноровисто подвесил мешок со своим желтым металлом через вьюшку в дымоход. Козлик сразу для себя решил при удобном случае обложить товар пошлиной.

«У меня к тебе, Козлик, еще одно дело, слетай-ка ты в Ижевск, мне нужно предупредить одного старика — к нему скоро нагрянут. Вот тебе два куска, с избытком хватит, а остаток возьмешь себе. Поезжай сегодня же».

Козлик отбыл в Москву на Красной Стреле. Два часа простоял в буфете, попивая шампанское и поедая в несметном количестве бутерброды с осетриной.

По прибытии в Москву Алексей Петрович посетил Сандуны, а затем двинулся в «Националь» на завтрак, после чего к трем вокзалам. Козлик купил билет в мягкий вагон и на обед пошел в ресторан «София», где съел ассорти из молодого барашка, и, погуляв немного по городу, поспешил на Казанский вокзал.

Поезд был наполовину пуст, видимо, желающих посетить славное мордовское государство было немного. По прибытии в Мордовию Козлик быстро нашел маленькую привокзальную гостиницу, где соврал, что потерял паспорт, потому как не хотел оставлять следы своего пребывания в вонючей столице зловонной республики.

«У нас и для беспачпортных местов нету», — прохамила толстая бабища-ключница.

Козлик, не говоря ни слова, вытащил двести рублей. Накрыв их ладонью, протолкнул в сторону толстухи. Та в свою очередь накрыла деньги газетой, строго приказала не похищать простыни, наволочки и прочую гостиничную дребедень; вышла из-за прилавка, открыла комнату, где пять мужиков храпели в унисон и громко выпускали накопившиеся за трудовой день газы.

«Вон твоя кровать беспачпортный», — буркнула бегемотиха, указав узловатым пальцем на стоящую в углу неаккуратно застеленную койку.

Утром Козлик вышел на привокзальную площадь, быстро договорился с новенькой «Волгой» и через пятнадцать минут оказался перед страшным баракom, где с трудом нашел комнату № 26. Дверь открыл старик в дырявых валенках.

«К вам скоро придут», — коротко сообщил Козлик. Старик кивнул головой и захлопнул дверь.

На той же «Волге» Козлик вернулся на привокзальную площадь. Купил себе билет в мягкий вагон до Москвы.

Не успел Алексей Петрович сесть в вагон, как поезд тронулся. Идучи в свое купе, Козлик обратил внимание на хорошо откормленного типа в темном костюме, грудь которого украшал красный флажок депутата Верховного Совета.

«Ага, — подумал Алексей Петрович, — важная птица».

Козлик вышел в коридор покурить, но папиросу достать не успел: к нему подбежали два жлоба и за шкирку поволокли его в сторону депутатского купе. Важная шишка обладала на редкость высоким голосом:

«Ты, ебенть, что делаешь тут? Откуда ты такой взялся?»

Дрожащим голосом Козлик проблеял:

«Мною был куплен билет в этот вагон, и по этой причине я оказался вашим соседом, но если мне дадут место в общем вагоне, я с удовольствием перейду туда».

«А если мы выкинем тебя, *ебенть*, на полном ходу под откос? На это ты тоже согласен? В общий вагон! Какое покорное *телятко!*»

«Позвать сюда, *ебенть*, проводника!» — завизжал депутат, которого Козлик не преминул мысленно окрестить Пупкиным.

Проводник был бесцеремонно притащен *пред светлы* очи тем же самым образом, как Козлик, то есть за шкирку.

«Ты кого это пускаешь в мой вагон?» — зафальцетил Пупкин. Ты, *ебенть*, не понимаешь, что за такие гадости мы можем тебя жизни лишить при помощи выкидывания тебя наружу? Ты поплачь, поплачь, гнида!»

Тут Пупкин перешел к другой форме своего *ебенть*:

«Да я тебя, еби твою мать, как Сергея Лазо, японским вариантом в топке паровоза могу сжечь. Ну ладно, на первый раз прощаем. Ты, проводник, иди готовь чай. Чаю попить охота, а ты, лохматый, в *шахматишки* играешь?» — миролюбиво спросил Пупкин.

«Играю, но не очень хорошо».

«Разряд имеешь?»

«Третий».

«Я тоже не Ботвинник. Меня зовут Кузьма Кузьмич. А тебя как?»

«Иван Сергеевич», — на всякий случай соврал Козлик.

«Видите ли вы! Иван Сергеевич. Без отчества обойдешься; буду тебя величать Иваном-болваном или просто Ваней».

Шестерки тем временем ввезли в купе сервировочный стол.

«Мы сейчас, Иван-Болван, выпьем и закусим, чем Бог послал».

Бог послал увесистую банку черной икры, семгу и другие еды, как то пирожки с мясом и что-то еще по мелочи.

«А сколько ты можешь выпить, Ванька?»

«Если больше тридцати грамм, извините, начну пищей хвастаться».

Кузьма Кузьмич в это время заглатывал водочку:

«Ты можешь меня Кузьмой звать (коей возможностью у Козлика хватило ума не воспользоваться). Мы же с тобой братья по коммунистическому манифесту, — сообщил Пупкин, пропустив шестую рюмку. — Ты случаем не из басурман татаро-башкирского народа будешь? А то они расселись на нашей земле и *гешефтируют*».

Козлик поспешил отплеваться от *татаро-башкирства*. И как всегда принялся сочинять себе новую биографию:

«Мать — финка, отец — русский. То есть, близок по крови к мордовскому народу. Конечно, русский народ главный среди равных, но мы тоже не лыком шиты, не пальцем деланы».

В это время Пупкин продолжал заливать за воротник и закусывать. Козлик по части выпивки отставал, но в жратве превосходил. От обильной еды Алексей Петрович вспотел, а полрюмки развязали ему язык:

«Я размышляю над созданием угро-финской коалиции. То есть Гунляндии, потому как «гунны мы, с раскосыми и узкими глазами».

Пупкин приоткрыл левый глаз:

«Не гунны мы, а скифы. В каком хедере тебя учили, Сруль?»

Козлик поправку не принял и с воодушевлением продолжал нести свое:

«Мордовия будет играть главенствующую роль. Мы воссоединимся с вепсами, финнами и самоедами, нехотя с венграми. Музыка к Гуннскому гимну напишет усопший Барток, а слова накатает Айги. Кузьма Кузьмич, мы вас в президенты. Знамя у нас будет черное, в центре красный треугольник, а в треугольнике будет серебряная корюшка».

Видимо, корюшка окончательно достала Пупкина, и он, повалившись на бок, захрапел. Козлик двинулся в свое купе.

Утром купе посетил один из жлобов:

«Сруль, вставай поезд приближается к столице нашей родины. Одевайся и быстренько на выход».

Козлик было начал втолковывать жлобу, что он никакой не Сруль, а почти что Иванов (с ударением на втором слове).

«Давай, давай, Сруль, выйдешь из соседнего вагона. Заруби на носу: тут тебя не стояло, не лежало и духу твоего вонючего тут не было. Рот на замке. А то под трамвай случайно попадешь. Врубился? Открой свой *кожезаменительный* портфель. Кузьма Кузьмич тебе от избытка доброты новогодний подарок послал: икры черной одна банка, икры красной две банки, и водки столичной с винтом». Потом достал какую-то мятую бумажку:

«Распишись в получении».

Козлик расписался, разумеется, не своим именем.

«А *таперечи* катись колбаской по Малой Спасской, Несруль!» — приказала грозно грубая шестерка.

И Козлик покатился, но не по Спасской, а через площадь на Ленинградский вокзал. Денег у Козлика осталось всего ничего. Он решил начать вести бережливую жизнь: купил себе билет в общий вагон, белья не взял и, завалившись на третью полку, заснул. Но спал недолго. Вагон храпел разными голосами.

«Какой я идиот, — думал Козлик. — А если бы меня отловили, сколько тягостных лет в лагере? Дурак, я дурак».

После этих тяжелых дум Алексей Петрович решил заставить Владлена выдать ему *плату за страх*.

ЛЕНИНГРАД

Поезд прибыл в восемь часов утра. Козлик почувствовал сильный голод и, добравшись до дому, сожрал все, что ему было Пупкиным подарено. После этого пира Алексей Петрович проспал часов восемь и, проснувшись, удивительное дело, опять почувствовал сильный голод. И это-то после трех банок икры. Алексей Петрович решил купить себе мясо и сварить суп на три дня. В мясном отделе болтались кости, слегка покрытые ничтожными *шматами* мяса. Козлику досталась последняя кость.

«Хороша для супа», — с издевательской улыбкой сообщил мясник, вручая кость. Алексей Петрович с удовольствием бы этой костью тюкнул толстомордого продавца по лысине.

В это время симпатичная женщина лет тридцати схватила Козлика за рукав:

«Продайте мне кость, у вас из нее ничего не получится, а Альберт будет очень рад».

«Какой еще к черту Альберт? Ваш законный супруг? Покойный муж покойной королевы Виктории? Я не продаю кости».

«Альберт — это собака, боксер, она вам будет очень благодарна, если вы продадите мне кость».

«Вы бы сразу сказали, кто такой Альберт. Собаке отказать не могу. Возьмите эту дурацкую кость. Никогда доселе мне не случалось делать такого рода презенты. Давайте сбегать в пирожковую, съедем там по паре беляшей и поговорим о жизни. После беляшей с убогим ко-

фе мы навеки расстанемся или напротив того, будем регулярно встречаться, в какой-то момент страстно полюбим друг друга и для государственного *засвидетельствования* наших чувств отправимся в ЗАГС».

Любви с первого взгляда не получилась. Владелица Альберта отправилась направо, а Козлик — налево.

Финансовые проблемы мутили голову Козлика. Нужно каким бы то ни было образом вытащить у чертова Владлена хоть бы тысячу. Алексей Петрович позвонил на конспиративную квартиру из телефона-автомата. Сиплый голос попросил позвонить через полчаса. Козлик погулял по Невскому, выпил стаканчик Нарзана и решил позвонить по второму разу. Противно хриплый голос таинственным шепотом сообщил:

«Через два часа на Бармолеевой около дома номер тринадцать».

Владлен, разумеется, опоздал:

«Дело было».

По раскрасневшейся роже было видно, каким именно делом Владлен был занят.

«Иди за мной».

Лестница была загажена. Квартира тоже была обшарпана до последней крайности.

«Знакомьтесь».

Владлен с гордостью сообщил:

«Муж — гитарист областной филармонии. Сейчас на гастролях в Тихвине».

Владлен очень любил, когда мужья были на гастролях в Тихвине или на изысканиях неизвестно чего в Антарктиде.

«Зинуля, приготовь-ка нам чайку, а мы с этим молодым красавцем пока поговорим *о том о сем, а после песенку веселую споем*».

Козлик с трудом выносил уменьшительную *ласкательность* Владлена: Зинуля Нинуля, Хренуля.

«Садись, *красавец*, гостем будешь. Задание ты выполнил на пять. Скажи, сколько карбованцев у тебя осталось от поездки?»

У Козлика от злости затряслись руки. Он вытащил горсть мелочи и дрожащим голосом:

«Ты, Владлен, мне должен за работу и за риск моего попадания за решетку никак не меньше двух тысяч».

«Ты не кипятись, две так две».

Владлен, не торгуясь, что было на него никак не похоже, отсчитал тысячи и промолвил:

«Хочешь заработать килограмм золотишка?» Слетаешь в Магадан, что займет туда-обратно неделю. Ты со своими скромными потребностями на этот килограмм проживешь год, а то и два. Все это проще вареной репы: ты по заученному адресу находишь дядю Колю, берешь пакет и на обратный самолет. В пакете четыре кг желтого металла. Один кг — твой, остальное — мое. После этого я устрою тебя на хорошую, непыльную работенку. Согласен? Одна нога тут, другая там».

Владлен вытащил толстую пачку денег:

«А это тебе подъемные, самолетные, дорожные, ресторанные. Зайдешь к Абдулову на Перинную он тебя оденет и обует. Вылетаешь через неделю, не *боись*, не *боги горшки воровали*. Хи-хи. Держи хвост пистолетом!»

Владлен от избытка искусственного дружелюбия хрястнул Козлика по плечу:

«На связь выходим после того, как прилетишь обратно. Ну, с Богом!»

Козлик решил ни в какой Магадан не ездить, а вместо этого прокатиться по Прибалтике, наслаждаясь готическими и прочими строениями, поедая при каждом удобном случае взбитые сливки. Алексей Петрович про-

болтался по Прибалтике неделю. Возвращаться в Ленинград Козлик боялся. В Ленинграде сидел зверь, алчущий Владлен с финками, обрезам и другими видами огнестрельного и холодного оружия. Но делать было нечего, деньги таяли, как весенний снег.

В Вильнюсе Козлик напоследок сожрал к ужасу официантки три порции взбитых сливок и с камнем на душе погрузился в мягкий вагон поезда Вильнюс — Ленинград.

Алексей Петрович вышел на перрон Балтийского вокзала в смятении чувств и тут же налетел на чей-то кулак:

«Много вас таких тут ходит», — злобно проскрипел квадратный тип в ватнике.

Козлик хотел было дать сдачи, но решил, что при его безработном положении устраивать драку в общественном месте опасно и, как побитая собака, поплелся домой, приложив к разбитому носу платок. По пути Козлик позвонил на конспиративную квартиру. Визгливый женский голос пропищал:

«Небо в клеточку. Больше не звонить ни при каких обстоятельствах!»

Козлик возликовал.

ПУПКИН НОМЕР ДВА

В филиале было многолюдно и шумно. Кто-то приходил, кто-то уходил. Как бывший библиотekarь Алексей Петрович обратил внимание на беспорядочно расставленные книги, одну из которых в синем переплете Козлик выудил с полки. Открыл книжку. Фамилия автора ему была известна, но скорее не стихами, а какой-то скандальной историей, то ли у него шубу украли, то ли он своим пером мятежным пытался советскую власть при помощи стихов укокошить.

Добравшись до тридцать первой страницы, Козлик остановился и стал вбирать в себя стих, внимательно вчитываясь в каждое слово. Он, как правило, был глух к стихам, хотя по роду службы просмотрел десятки сборников, от Кантемира до Кушнера, но это было что-то другое. Алексей Петрович медленно пробирался через дебри незнакомых ему ритмов, странных сочетаний не всегда понятных слов и какое-то отдельное от всех виденье мира. Козлику начало казаться, что он сам написал эти стихи, и только из-за косноязычия не смог спроецировать их на бумагу.

Первая строка начиналась с малоупотребительного слова в дательном падеже. Если перевести стихотворение в музыкальный ряд, то его можно было счесть высоким регистром органа, соединенным с шаманским ритуальным бормотанием — прощанием с другом, прошедшим огонь, воду и медные трубы.

В тот момент, когда Козлик в пятидесятый раз или около того перечитывал уже на зубок выученный стих, секретарша пригласила Алексея Петровича в кабинет босса:

«Давайте знакомиться, меня зовут Юрий Анисимович Галкин. Я — главный редактор издательства. Николай Сергеевич Ханаев лестно о вас отзывался, ваши стихи ему очень понравились».

«Пупкин, чистый Пупкин», — поразился Козлик, вспомнив краснознаменца в мягком вагоне поезда Ижевск — Москва.

Алексей Петрович начисто забыл о том, что присвоил неизвестно зачем стихи рифмоплета Толи Ястребова, но теперь понял, что репутация поэта *то ли в изгнании, то ли в послании* ему обеспечена. С чем ее, эту репутацию, есть, Алексей Петрович пока взять в толк не мог.

«Мне знакомо ваше лицо», — впившись взглядом в главного редактора, промолвил Козликов, — не случилось ли вам посещать город Ижевск, столицу славной Мордовской автономии?»

«Нет, нет, в такие дебри вашей — нашей родины мне забираться не случалось. Только туристом Ленинград — Москва, и всего только два раза».

«И родственников у вас в этой Удмуртии — Мордовии тоже нет?» — продолжал вести свой допрос Козлик.

«Что вам дались эти незначительные провинциальные народы? Расскажите лучше о себе. В первую очередь, подвергались ли вы преследованиям по политической, национальной или любой другой части?»

Неопупкин вытер пот со лба:

«Множество вновь прибывших профессоров поэтов и скрипачей жалуются на невозможность жить при коммунистическом режиме. Не является ли это некоторым преувеличением?»

«Если они жить там, в этой всесоюзной психушке не могли, тогда бы не жили, никто не неволил. Кто им мешал повеситься в знак протеста», — начал заводиться Козлик. Ему изрядно надоел этот бессмысленный разговор, и он решил взять быка за рога:

«Вы знаете, я могу начертить вам план знаменитой библиотеки всемирно известного университета со всеми подробностями, у меня есть опыт. Я уже один раз чертил эту галиматью в Риме. Плюс могу нарисовать упаковочные ящики номерного завода Красный Пролетарий, где я работал столяром третьего разряда, как мне помнится, в году 1953. В мои пролетарские обязанности входило забивание ящиков неизвестного мне предназначения, которые (ящики) среди личного состава завода именовались гробиками или гробами, в зависимости от длины, ширины и высоты. Впрочем, я уже один раз в Риме поведал эту *гробиковую* историю.

Без всякой связи с предыдущим говорением Козлик сообщил, что испытывает острый денежный кризис. От всего этого Юрий Анисимович начал истекать потом, и левый глаз у него стал заметно дергаться. От разногабаритных гробов и гробиков Неопупкин впал в прострацию и, переждав несколько минут, достал из кошелька два стольника и сунул их в руку Козлика.

«Я недоумеваю, кому в Риме вы могли сообщить тайны этой знаменитой библиотеки известного университета. Это все *параллельники*. Я много раз жаловался в разные инстанции, чтобы эти Шерлоки Холмсы не крутились под ногами. Своей грубостью и незнанием иностранных языков они только портят дело».

Во время этой тирады Неопупкин продолжал интенсивно потеть и сверкать своими поросячьими глазками, а Козлик, как бы случайно, вытащил наружу нательный крестик, который он, не будучи христианином, надевал только в случае крайней финансовой необходимости.

«Так вы православный! Дорогой Алексей Петрович, для меня это большая радость. Христиане бывают разные вплоть до сатанистов. Как то мормоны. Скрижали эти многоженцы, видите ли, нашли в прошлом веке в штате Н.Й. Тут эти скрижали так прямо и валяются, где ни попадя. Что вы об этом думаете, Алексей Петрович?»

Козлик об этом ровно ничего не думал и думать ничего не мог, поелику о мормонах знал только то, что они не курят, не пьют и наркотики их душа не принимает.

«Да, дела», — не имея ничего путного сказать, промурлыкал Алексей Петрович с удовольствием пощупывая в кармане две сотенные бумажки. Тут Козлику пришла в голову козырная мысль.

«Я, вы знаете, в монастырь собираюсь, чтоб от всего мирского подальше, не говоря о необходимости замолить свои грехи. Когда заработаю достаточно денег поеду на Афон, — и добавил совершенно некстати: Аминь».

Юрий Анисимович с неодобрением посмотрел на си-
нюю книжицу, которую Козлик держал двумя руками,
будто кто-то хотел ее отнять.

«А что это за книжка у вас в руках? Ах, знаю, конечно,
знаю. И как вы все это безобразие оцениваете? Мы за не-
го горой стояли, а он никому по приезду ни *танькью*, ни
мерси. У нас тут множество талантливых поэтов. Такие
истинно русские дарования: Иванов, Петров...»

«Сидоров», — добавил от себя Козлик.

«Вы так недолго в этом железном Миргороде, а уже
знакомы с творчеством одного из лучших эмигрантских
поэтов».

«В гробу я видел ваших Сидоровых», — подумал
Козлик.

Юрий Анисимович продолжал выплевывать свои не-
глубокие мысли:

«Мы этого вашего, в синем переплете, однажды при-
гласили на поэтический вечер с закусками, и что, вы ду-
маете, он нам ответил? «Я занят. Закуски пришлите по
адресу»... Уж извините, адреса не припомню».

Козлик был в совершеннейшем восторге от всей
этой истории, но выразил лицом необычайную скорбь:

«Нам, православным поэтам, следует держаться вме-
сте и давать достойный отпор всяким синекнижникам».

Юрий Анисимович пустил слезу:

«Позвольте вас обнять, дорогой Алексей Петрович.
И вот вам от меня лично, как это у вас говорят, полтин-
ник, то есть пятьдесят дол». Козлик долго отнекивался,
но с намерением полста ни в коем случае не упустить. На-
конец друзья до гробовой доски расстались, договорив-
шись встретиться в самое ближайшее время.

За дверью Козлик снял цепочку с крестом, дабы не
натереть никчемно шею. В метро еще несколько раз кря-
ду Козлик прочитал полюбившееся ему стихотворение и,
вспомнив историю с закусками, расхохотался: «Неплохо
он этих мудаков уделал».

СХОЖДЕНИЕ С РЕЛЬС

После разговора с Юрием Анисимовичем Козлик почувствовал себя совершенно разбитым и решил, что наступила пора сойти с рельс. У остановки метро Козлик купил себе понюшку травки. Дома Алексей Петрович принял пять таблеток аспирина, выкурил марихуану и почти моментально заснул. Сначала *все было вокруг голубым и зеленым*, но вскорости небосвод потемнел. Вместе с этим на душе Козлика начали царапать кошки, и кошки были серы. Он попробовал придумать стихотворение, но вместо стихов в голову полезла какая-то гадость. «Летят они в дальние страны». На темном небе появилась стая летучих мышей. Козлик *свирепо ненавидел этих злых вампиров*. Алексей Петрович заахал и попытался отогнать мерзких тварей.

«Это кино, — сказал сам себе Козлик. — Сейчас сеанс кончится», — но сеанс не прекращался. На экране возник огромных размеров телефон, снял сам себе трубку и, пробасив несколько тонов занятости, членораздельно, но с эхом:

«Ничего сейчас не кончится. Все будет продолжаться, покуда ты не превратишься в летучую мышь. Перестань врать и изгаляться», — свирепо прорычал телефон и, прокрутившись вокруг своей оси, стал постепенно удаляться в межзвездное пространство. Козлик покрылся холодным потом и вдогонку паскудному телефону:

«А что же мне делать?»

Телефон картаво:

«Спроси у Чернышевского и его Веры Павловны. Сечешь?»

Козлик с трудом продрал глаза:

«Какая только мерзость не приснится».

АНТИКВАРНЫЙ ПРЕДМЕТ

Китаеза уже сидел в грузовичке.

«Что день грядущий нам готовит?» — пропел Алексей Петрович и забрался в машину. Мао радостно повторил на свой китайский манер: *глядусий*. Порывшись по помойкам часа полтора, *русский с китайцем братья вовек* достали свои бутерброды и не торопясь закусили, запивая жидким пивом.

«Работа не волк, в лес не убежит», — подумал Козлик, и выкурил две сигареты.

Последняя помойка оказалась многогранной и в высшей степени удовлетворительной: шесть телевизоров, необычайной тяжести дубовое кресло, торшер помятый, полочка пластиковая, а также два объекта, покрытых клеенками. Алексей Петрович поторопился снять клеенку с первого таинственного предмета:

«Удивительно, как туземцы могут так нелепо обращаются с антиквариатом, — подумал Козлик, — это же чистейший Чиппендейл».

Используя ноги, руки и гримасы Алексей Петрович попросил Китаезу помочь ему отвезти бесценного Чиппендейла, (или не Чиппендейла) к себе домой. В свою очередь Китаеза обнаружил под второй клеенкой швейную машинку. При помощи китайских пластических движений Мао дал понять, что ему машинка желательна и даже очень.

Козлик и Китаеза растаскали полюбившиеся им предметы по своим квартирам и очень довольные вернулись в магазин радио и прочих товаров.

Дома после путешествия по помойкам Козлик сел на стул перед секретером и начал его пристально разглядывать. Секретер был в отменном порядке — ни сучка ни задоринки. В многочисленных ящичках лежа-

ла разная мелочь: выдавшее виды павлинье перо, десяток пуговиц и прочая ерунда. Козлик схватил телефонную трубку:

«Исаак, вы понимаете в Чиппендейлах? Я нашел на помойке секретер. По мне, это редчайший Чиппендейл. Не меньше миллиона потянет. Хотя, честно признаться, я не имею никакого представления об антикварной мебели».

Исаак Маркович с некоторым раздражением в голосе:

«Так вам Чиппендейлы и валяются на помойках. Продолжайте любоваться своим мебельным шедевром, а я забегу к вам через полчаса».

Не тратя даром времени, Козлик тщательно обтер находку чуть влажной тряпкой и начал подумывать, как он истратит миллион, который он надеялся получить от продажи антикварной *вещи*. Почему именно миллион, Козлик себе объяснить не мог.

«Ну, показывайте свою новоприбывшую мебель. Сколько вы надеетесь на секретере наварить? Мебельный предмет хорош, по всей видимости, середина прошлого века. Миллион не миллион, но на две-три тысячи потянет. Я помогу вам его пристроить, если хотите, но за один день это все не делается».

Почему-то Козлик страшно возлюбил секретер с кривыми ножками:

«Не продам, себе оставлю, уж больно он мне по душе пришелся. Может, я к нему еще что-нибудь антикварное подыщу. Тут в нашем районе богатейшие помойки. Слушайте, Исаак Маркович, по какой причине этот Чиппендейл — не Чиппендейл оказался отвергнутым?»

«А вот почему. Все сейчас наперегонки покупают мебель из деревоплиты со столиками на трех неестественных ножках. Мода пошла такая у дураков».

КОТИК КОГАН И ДРУГИЕ

Козлик проснулся в хорошем настроении. На работу в этот день идти было не нужно, но, вспомнив, что у него назначена встреча на сегодня в Филиале с Юрием Анисимовичем, Козлик слегка погрустнел:

«Все, что можно было я из него выгреб, но он все-таки может оказаться полезным».

Алексей Петрович окинул взглядом секретер и вслух:

«Какой замечательный Чиппендейл! Ну просто музейный экспонат!»

Козлик выбежал из дома много раньше, чем было надобно, и решил погулять по Манхеттену. Прежде всего, он зашел в кафе.

За столом пять эмигрантов спорили о совершенно неинтересном Никсоне по случаю его дурацкого импичмента. Среди спорящих сидел знакомый Николай. В той же компании *обитался* какой-то лохматый тип в замшевом пиджаке, державший в руках блокнотик и толстый карандаш. Козлику этот субчик сразу же не понравился. Оказалось, что имя лохматого Котик.

«А фамилия ваша случаем не Летаев?» — вспомнив хорошую книгу Белого, с ехидством спросил Алексей Петрович.

«Нет, я Коган».

«А что это у вас в блокнотике? Мудрые мысли записываете?»

«Я делаю эскизы», — скромно потупившись, ответил Котик.

Алексей Петрович заводился все больше и больше:

«Вы, конечно же, сюрреалист, там, где должен быть нос вы рисуете ухо. А раньше в той жизни вы были инженером? Не так ли? Но, прочитав вранье под заглавием «Люди, годы, жизнь», вас сильно потянуло в мансарду, «Под крышами Парижа». Кроме прочего, конечно, Атос,

Портос и Арамис. В таком случае, за каким чертом вы не отправились в Париж *увидишь, угоришь?* Почему теперь вы сидите в вонючей американской забегаловке и попиваете кофе, как тут принято, из бумажных стаканчиков?»

Лохматый совершенно онемел от этого ничем не спровоцированного потока хамства и почему-то решил общаться с Козликом через третье лицо:

«Николай, спросите у этого человека, почему он ко мне привязался, что ему от меня надо».

Николай спросил, но ответа на свой вопрос не получил. Покрасневший от перепалки Козлик поднял сжатый кулак на *манер но пасаран*:

«Дражайший Николай, липовый доктор неизвестных наук, забирайте своего рисующего Кота и отваливайте в сторону Аральского или любого другого моря, да побыстрей, вы мне беспредельно надоели».

Лохматый и Николай послушно покинули помещение. Алексей Петрович взревел:

«Я сам по себе животное Козлик. Ни Котиков, ни Песиков я знать не желаю. А ты кто такой?» — ткнул Козлик в грудь рыжего недоростка.

«Я теперь Мозес Рабинович, для удобства своего будущего существования. Я бывший экономический ЗЕК. Как я сидел, я описываю в своих мемуарах; когда закончу, дам почитать. Я признан в этой стране экономическим диссидентом. Кроме литературных занятий, у меня маленький бизнес».

Бизнес у хлюпика был действительно небольшой — он продавал сосиски с лотка.

Побродив немного по Пятой Авеню, Алексей Петрович отправился на встречу с Юрием Анисимовичем. Филиал был забит эмигрантским народом. Второй раз за это утро Козлик столкнулся с незлобивым Николаем Сергеевичем, который начал крутить свою шарманку:

«Вы, конечно, можете не отвечать на мой вопрос, но за что вы так сильно обидели Котика Когана? Он совсем не тот, за которого вы его приняли. Коган с отличием кончил Академию и сделал за свою короткую жизнь большое количество обложек и прочей графической продукции».

Козлик почему-то пришел в страшное негодование:

«Плевать я хотел на его графическую продукцию, он мне поперек горла со своими лохматыми кудрями. В гробу я видел его обложки. Нечего изображать из себя Модильяни: кафе, блокнотики, но самое главное это шарфик на шее. Короче говоря, богема. Вы, Николай Сергеевич, с такими знакомыми можете сами попасть безвозвратно в хиппи. Отрастите, чего от волос осталось, сделаете косичку, и станете брэнчать на гитаре. Крутитесь в своей компании кандидатов всяческих наук, кстати говоря, я этих кандидатов тоже не очень жалею, но вас, с вашей дурацкой псевдонаучной степенью прощаю».

Николай Сергеевич пробурчал, что ему ничье прощение не нужно, но тут Алексей Петрович был вызван к Юрию Анисимовичу. Козлик, лучезарно улыбаясь, с восторгом в голосе:

«Дражайший, Юрий Анисимович какая радость вновь увидеть вас!»

Юрий Анисимович страстно поцеловал Козлика в обе щеки.

Козлик ненавидел мужские поцелуи, и с удовольствием смазал бы этого *целователя* по роже, но дело есть дело. Козлик уселся в кресло и стал нервно пятерней счищать два поганых поцелуя. Мысленно Алексей Петрович пожелал директору филиала поцеловать ишака под хвост, выебать самого себя и повеситься в каком-нибудь грязном сортире.

Юрий Анисимович хлопнул Козлика по плечу, отчего Алексей Петрович еще более возненавидел «Неопупкина». Юрий Анисимович загнул левый мизинец указательным пальцем правой руки:

«Я приготовил для вас, как говорят, наши, *хи-хи*, друзья евреи, три нахеса: первый цимес, т.е. нахес, — это чтение стихов у богатейшего мецената, любителя русской поэзии.

«Имел я вашего мецената», — подумал, но благоразумно промолчал Козлик.

«Второй нахес — послезавтра у вас будут брать интервью для важной американской газеты. Но самое главное — это особой важности встреча с факультетом русского языка в штатном университете Ливерпуля. Там есть вакантное место в русском департаменте. Необычайно *прославленный* университет в штате Нью-Джерси».

Козлик принялся неумеренно благодарить директора филиала:

«Вы для меня больше, чем отец родной, если бы вы были Папой Римским, а еще лучше Патриархом всея Руси, я поцеловал бы вашу туфлю».

Лицо «Псевдопупкина» покрылось разноцветными пятнами. Козлик понял, что сморозил что-то не то.

Полный возмущения директор филиала:

«Патриарх — агент ГБ, его следует повесить на рее говновозной баржи вместе с Папой. Они же антихристы. Вы там у себя, естественно, ничего об этом не знали. Как это большевикам удалось перекроить ваши мозги без остатка. Но ничего, мы вас приведем в нужную кондицию. А теперь я хочу пригласить вас на ланч. Ланч едят между двенадцатью и тремя часами. Вы можете в нашей демократии заказать себе мясо, рыбу или, на худой конец, овощи. Это стоит обычно меньше, чем обед, но больше, чем завтрак. Конечно, есть дорогие и дешевые рестораны. К тому же мы интернациональны в смысле еды.

В Н.Й. можно получить все что угодно, даже икру морского ежа, но мы с вами отправимся в честный, без фокусов американский ресторан, где я вам советую взять оладьи с кленовым сиропом. Кленовый сироп получают из клена путем *надрезания* ствола».

После чертовых лепешек Алексей Петрович почувствовал нехватку свежего воздуха и головокружение. Треклятые оладьи плотным комом легли в желудок. «Не забудьте, «Вашингтон Кроникл»! Завтра утром», — проорал на прощание «Псевдопупкин».

ИНТЕРВЬЮ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ ГАЗЕТЫ «ВАШИНГТОН КРОНИКЛ»

Козлик с трудом уговорил Исаака Марковича отправиться вместе с ним на интервью, где Исаак Маркович должен был изображать из себя недавно прибывшего на вечное поселение русско-еврейского эмигранта, по-английски не говорящего. Встреча должна было иметь место в кафе на Вевирли стрит в Гринвич виледже.

Два господина явно арийской внешности уже сидели за небольшим круглым столиком и попивали кофе. На столе, кроме всего прочего, стоял магнитофон, напоминающий сильно увеличенную мыльницу. После пожатия рук и объяснений, кто есть кто, журналист Том Волошка начал задавать вопросы через переводчика.

«Нет, так дело не пойдет, — со всей возможной строгостью, заявил Козлик. — Вначале удовольствие, а именно кофе с булочкой, а потом уже дело».

«У нас тут заведен *дач трит*, то есть каждый платит за себя», — пролаял переводчик».

Козлик:

«Что такое *дач трит* не знаю и временно знать не желаю, у вас заведен, а мы это все *перезаведем*».

Алексей Петрович ткнул пальцем в грудь переводчика:

«Немедленно закажите мне и моему другу двойное эспрессо и две булочки, а если сие не произойдет, мы немедленно покинем пределы данного кафе и отправимся в забегаловку напротив, но, разумеется, без вас и ваших хитрых глаз».

Переводчик вступил в длинные пререкания с корреспондентом Томом и в конце концов со страданием на лице отправился к буфетчице, где и получил искомые булочки и кофе.

Козлик сказал, что по мере течения интервью ему и его другу понадобятся еще две чашки кофе и неизвестно сколько булочек.

Том открыл было рот, чтобы задать первый вопрос, но Козлик опередил его:

«Скажите, мистер Волошка, вы тот самый Том из «Хижины дяди Тома» незабвенной Бичер Стоу *или вы другой?*»

В этот момент у переводчика сильно затряслась правая рука, в которой он держал чашку кофе, а мистер Волошка в очень грубой форме заявил, что он тут, чтобы задавать вопросы, а не слушать всякие глупости о давно почившей в бозе Бичер Стоу. Козлик вытащил на свет божий крестик. Увидев крестик, Том с отчаяньем:

«Так вы не еврей?»

«*Это почему же я не еврей есть? Я таки да еврей.* Может быть, больше вас с вашим переводчиком».

Повернувшись к переводчику, Козлик с галантной улыбкой и с бархатом в голосе:

«Вы что-нибудь взяли в толк?»

Переводчик замотал головой в знак глубокого непонимания Козликовых речений.

«Если вы ничего не понимаете, как вы станете выполнять свою работу многотрудную?» — спел Козлик фальцетом.

У переводчика опять затряслась рука, и он пролил на стол во второй раз кофе.

«А сколько мне заплатят за сидение и говорение. У меня масса дел. Я должен встретиться с одним золотискателем. Не могу назвать его имя-шмимя. Ну, валяйте, засыпайте меня вопросами, а я засыплю вас первоклассными ответами».

Том:

«Расскажите нам о вашем диссидентстве, как вы боролись с Советами за право покинуть так называемый коммунистический рай и отправиться на историческую родину, и почему вы в середине пути свернули в наши края?»

Козлик:

«Я с ними боролся не на жизнь, а на смерть, я экономически подрывал их основы. О подробностях такого рода деятельности я сейчас говорить не могу по конспиративным соображениям. Чтобы не ставить под угрозу *шайку-лейку*, то есть *шоблу*, впрочем, как хотите, так и называйте это сообщество. А почему свернул со столбовой дороги — не ваше дело».

В этот момент Исаак Маркович, прижав обе руки ко рту, истерически захохотал.

Том:

«Почему ваш друг выскочил из кафе, рыдая?»

Козлик:

«Это ясно как божий день. Он всегда плачет, вспоминая покинутую родину. Я со своей стороны мужаюсь и не разрешаю себе истекать слезами».

Том:

«Я тогда не понимаю, почему вы пожаловали к нам, если у вас сердце *ущемляется* от воспоминаний».

Козлик:

«На моей родине в детских садах бытовала песенка:

«На палубе матросы курили папиросы,
А бедный Чарли Чаплин окурки собирал».

Козлик напрягся:

«Так вот, за свою диссидентскую деятельность экономического свойства я мог попасть в места, где и окурка не сыщешь».

Том:

«А что такое шобла?»

Козлик:

«Это тайный русский масонский орден, идущий прямо от опричников».

В этот момент Исаак Маркович вернулся в кафе. Козлик встал и, повернувшись к вошедшему:

«Пойдемте, Исаак, отсюда. Мне эта пара мудаков изрядно надоела. Даже прощаться с ними неохота».

Погода была замечательная, и Исаак Маркович с Козликом отправились в *каменный лес погуляти*.

Идучи по Шестой Авеню, Козлик обратил внимание на здание, по всей видимости, религиозного предназначения. В витринах висели небольшие картинки, изображавшие до крайности замордованных людей, обмотанных колючей проволокой, с протянутыми руками, как бы просящих чего-то. Имели место также и многочисленные магендовиды. В левом нижнем углу каждой картинки стояла подпись автора с завитушками:

Константин Коган.

Алексей Петрович пришел в крайнее негодование:

«Ебанный Котик! Я сам вор, лгун и жулик, но не греть же руки на остывшем пепле шести миллионов! Какая сволочь! Вся семья моей бабки, двадцать шесть человек — в трубу, все до одного! А этот Котик на их костях... Ну, что там говорить. Я этого Котика достану! Исаак Маркович, где в этом городе можно сыскать булыжник? Нуж-

но эти витрины раскрошить! Там этот тип Дзержинского с Кагановичем, конечно же, рисовал. Оставил бы усопших в покое. Что вы на это все скажете, Исаак Маркович?»

«Я таки да скажу, если вы хотите устроить рекламу мерзкому Котику, то настало время бросать камни. Завтра же в газетах пойдет шум великий, что вашему Котику и надо. Успокойтесь. А негодяя при благоприятном стечении обстоятельств можно будет излупить батогами».

ПОЭТИЧЕСКОЕ СУАРЕ

Юрий Анисимович с Козликом вошли в квартиру богатого любителя русской поэзии. Народу было много. Авторы несчетных сонетов, од и романов в стихах, Петровы, Ивановы и Сидоровы и иже, стояли около стола со снедью и шумно поедали разнообразные закуски. На вновь пришедших поэты не обратили ни малейшего внимания. Козлик тоже решил не терять время. Он пристроился к столу и торопливо начал набивать живот деликатесами, напирая в основном на зернистую икру отменного качества. Юрий Анисимович попросил минуту внимания и под непрекращающийся шум перемалываемой пищи:

«Позвольте сказать несколько слов. В наше поэтическое сотоварищество прибыл еще один замечательный поэт. Только что из Совдепии. Давайте встретим вновь прибывшего Алексея Петровича Козелкова аплодисментами. Сейчас он прочтет несколько коротких отрывков из монументальной эпической поэмы “Ночной дозор”».

Раздались жидкие аплодисменты. Козлик начал читать мутные вирши бездарного Толи Ястребова.

А каннибалы закричали:
Давай башку,
А сам себе ступай
С такими же безмозглыми телами
По направлению в ничто.

И так далее.

Несколько поэтов на короткое время оторвались от икры и неохотно хлопнули два-три раза в ладоши. Козлик после чтения галиматьи отправился пастись на икорном поле. Икра заволокла и без того плохо функционирующий мозг Козлика, и когда было подано кофе, Козлик ловко схватил две чашки и залпом выпил замечательно пахнущий напиток. В комнату вошел господин с одинокой гвоздикой в петлице:

«Кто тут новоприбывший?»

«Хозяин квартиры, несметный богач», — прямо в ухо Козлика прогудел Юрий Анисимович.

Козлик поднял руку.

«Пойдем со мной, со мной одной», — пропел господин с гвоздикой.

Хотя приглашение было более чем странным, Алексей Петрович последовал за хозяином квартиры. Меценат расположился на диване:

«Садиться прошу. Как тебя звать?»

«А тебя как?» — в том же тоне спросил Козлик.

«А почему ты мне тычешь?»

«Потому, что ты мне тычешь. Кто мне тычет, тому и я тычу, а кто мне вычет тому я тоже вычу. Я также с некоторыми животными на «Вы», как то *Вы дра* и *Вы хухоль*».

По-видимому, объяснение удовлетворило господина с гвоздикой.

«Меня зовут Евгений Шухов, мне по душе гвоздики. Я очень богатый и уважаемый человек в этой стране. Владелец заводов, газет, пароходов и т.д. Ты садись поудобнее у нас с тобой будет долгий разговор. Ты русский, значит, нам надлежит для первого знакомства сыграть в русскую рулетку. Всякий уважаемый русак должен через это пройти, чтобы закалить душу для будущих подвигов во славу родины чудесной, на которой родине, я никогда

не был и не собираюсь туда ступить даже одной ногой, чтобы не *вляпаться*. Это первое, что я хотел тебе сказать. Вот тебе револьвер, проверь амуницию».

Алексей Петрович сидел ни жив ни мертв. Он уже давно понял, что попал в страну сумасшедших, но этот тип переходил всяческие границы.

«Двери заперты, милейший», — пропищал женским голосом Шухов, но если сейчас ты объявишь себя коммунистом, рулетка будет отменена, и вместо этого мы рассмотрим, как лучше нам с тобой перейти к редукации популяции немецко-фашистского охвостья страны ФРГ, поскольку в восточную Германию нам не попасть. Так ты признаешь себя коммунистом?»

Козлик был испуган чрезвычайно, но признать себя коммунистом категорически не хотел, и поэтому нашел компромиссное решение этой угрожающей ситуации:

«Я социалист демократического толка», — соврал Козлик, со страхом оглядываясь по сторонам.

«Лучше, если бы ты признался, что ты марксист-ленинист, но и социалист тоже сойдет», — сообщил после мучительных раздумий Шухов.

И без паузы:

«Тебе деньги нужны? Перейдешь в секту хлыстов, дам пару тысяч, правда, этих неуловимых в Н.Й, я думаю, затруднительно найти. Тебе оранжевый цвет к лицу или, напротив, нет? Если да, то отпускаю три тысячи за включение твоей персоны в Хари Кришну, там заодно твои лохмы сбреют. Будешь бегать по городу и что-то непонятное бляеть. Мне кажется, что я тебя безумно полюбил неполным путем. Сколько денег ты хочешь получить, и за какие коврижки? Кто тебе чего не додал на твоём жизненном пути. А?»

Евгений на короткое время заткнул свой фонтан, открыл сейф и достал две солидные пачки денег.

В воздухе запахло пеньензами, тугриками и неконвертируемыми юанями.

«Ну, я слушаю. Сколько тебе надо? Говори членораздельно. Если пойдешь направо все деньги потеряешь, если налево — то ли умрешь, то ли в яблочко попадешь».

Евгений Шухов опять схватился за пистолет. Козлик почувствовал, что тучи сгущаются, он выхватил револьвер из рук Шухова. Нажал на курок и выстрелил в потолок. Шухов захихикал, как школьница неполной средней школы:

«Ты дурак, Козелков, зачем схватил мой пистолет? От него только шум да гам. Он холостыми заряжен, нешто не понятно?»

«Ты сам дурак, Шухов, зачем людей пугаешь?»

«За испуг заплачу, уж больно я хотел проверить тебя. Проверку ты прошел на четверку. Сказал, дам денег, значит, дам. Может быть, на жетон в метро тридцать пять центов, а может, две тысячи девятьсот девяносто долларов и девяносто восемь наших американских копеек».

Шухов начал отсчитывать, не торопясь, сотенные:

«Держи, Козелков, помни мою доброту. А сейчас мы устроим себе театр».

Шухов открыл двери шкафа. В шкафу стоял какой-то мигающий прибор и две колонки. Шухов нажал несколько кнопок. Раздался неясный шум голосов, после чего колонки стали доносить слова и обрывки фраз:

«Давай чекалдыкнем... стопарь... ты бы икру еще в карман положил... я познакомился с девахой с такой вот жопой... а этот выскочил с гвоздикой, красавчик писанный... новичок, что он там читал... кто такие каннибалы... а эти, которые себя жрут... не себя, а друг друга... Юджин обещал альманах издать... эти богатые дерьма... дерьмо не может быть во множественном числе... у кого может, а у кого не может... но лучше тогда сказать... согласен, еще

по одной... сейчас этот пидор со своей гвоздикой выйдет и предложит сыграть в русскую рулетку... а мы ему хуй... как всегда... ты что же при честном народе яйца чешешь... а тот с гонором, восьмой класс не кончил, а выебывается... а я сам сколько? девять и мои университеты... не зря его сослали, такого к стенке... я талантлив от природы... у него же идиш... а у вас в Кишиневе... муть, пыль да туман... а если этому герою устроить темную... не лез бы поперек батьки... а кто тут батька... он теперь профессор... морально измордовывает наших молодых детей студенческого возраста... меня, несмотря на то, что я десятилетку кончил, в профессора не берут... да какой из тебя профессор...»

Евгений выключил магнитофон:

«Приборчик только вчера поставили, вот он и пригодился. Они меня, а я их, справедливо? При помощи полужащиты. Нос за нос».

В этот момент Шухов достал из сейфа пачку хрустящих зелененьких:

«Теперь дело: запиши серийные номера каждой купюры. Деньги подсунь под копыто быка, что на камине. Они с деньгами быстро разберутся. Звони, заходи. Гостем будешь. Вскорости я тебя на обед приглашу. И вместо их паршивого альманаха дам денег на сборник твоих виршей».

Козлик неохотно выполнил поручение и, проходя мимо Юрия Анисимовича к двери, успел шепнуть ему:

«Никаких денег в этом доме не берите. И лучше вообще сматывайте удочки!»

Выйдя на лестничную площадку, Козлик по конспиративным соображениям решил не вызывать лифт и тихой сапой спустился по лестнице:

«А вдруг этот маньяк шизофренический, номера и моих денег записал», — подумал Алексей Петрович. И от

черного страха у Козлика задрожали руки, он собрался, было выкинуть доллары, но, оглядевшись вокруг, урны для мусора не нашел:

«Поеду-ка я к Исааку просить совета. Если полиция заявится и давай мытарить, откуда у нищего эмигранта такие деньги, рассказать сказку о фамильном Фаберже? А вслед за тем меня за жопу и на бессрочные каторжные работы».

Козлик еле успел пройти квартал, как услышал звук полицейских сирен.

«Надо срочно уматываться».

Козлик остановил такси, проямлил адрес и через двадцать минут оказался около дома Исаака Марковича.

Козлик, заикаясь и тряся головой от страха, рассказал о поэтическом суаре.

Исаак:

«Никто к вам не придет, делать им нечего, как только отлавливать советских социалистических прощелыг. Кто будет за убийцами гоняться? Дядя Коля? Идите себе спокойно домой. Сколько этот тронутый вам отвалил?»

«Две тысячи девятьсот девяносто долларов и девяносто восемь американских копеек».

Исаак Маркович закурил:

«Вам этих денег хватит на скромное месячное пребывание в Париже, включая двух-трех блядей одноразового употребления». И добавил совершенно непонятную для Козлика фразу:

«Сейчас доллар хорошо стоит. Восемь франков за бак. Вы, Козлик, идите, отдохните, выглядите вы, как умирающий Квазимодо».

Алексей Петрович почувствовал необычайную усталость и отправился спать, но, войдя в квартиру, услышал телефонный звонок и с раздражением:

«Кто меня лишает покоя в спальное время. А, Юрий Анисимович, чего уж вам так не можется, чтоб среди ночи

звонить? Вы хотите мне кое-что сказать, ну валяйте, но КГБ совместно с ФБР не дремлет и подслушивает... Ну, приезжайте. Только одна нога там, другая тут!»

Не прошло и двадцати минут, как появился Юрий Анисимович с физиономией красной, как пролетарский флаг, и с места в карьер:

«Не успели вы покинуть квартиру мистера Шухова, как поэт Иванов, в скобках замечу, большой талант, истошно закричал:

“Под быком денег вагон. Нам тут гонорар за поэтическую деятельность прибыл”.

Поэты, как сумасшедшие, кинулись к этому быку, и тут началась жуткая свалка и междоусобица. Я, разумеется, пытался их образумить, но не смог. Корыстные поэты вырывали друг у друга сотенные бумажки. В конце концов каждый получил согласно своей физической силе и технике ручного боя. Более всех нахватал Степанов Степан Тимофеевич, обладающий слоновьей мощью. Никто не обратил внимания на звонок в дверь. Вошло шесть полицейских. Я немедленно показал им свое удостоверение. Вы понимаете, какое? Старший полицейский приказал всем поэтам встать лицом к стене с раздвинутыми ногами и руками. Вслед за этим они произвели обыск. Было найдено пять тысяч шестьсот рублей сторублевыми ассигнациями. В это время Шухов передал полицейскому номера похищенных ассигнаций.

Поэт Степанов Степан Тимофеевич бесповоротно отказался подвергаться обыску. Для начала он употребил всю сокровищницу английского мата, что привлекло внимание черного сержанта, который начал жонглировать полицейской дубинкой. После того как Степанов использовал весь свой английский словарь, он перешел к родным матюгам. Полицейский попросил меня переводить. Для начала Степанов сообщил, что он Стенька Разин, затем велел полицейскому отойти на два метра. На

эту просьбу сержант не обратил ни малейшего внимания. Затем Степан Тимофеевич спел пьяным голосом несколько строчек известной русской песни, в которой фигурировали расписные челны, Волга — матушка река и негуманное утопление *персиянской* княжны. Стенька заявил, что никаких дел с *нигерами* иметь не желает, а также плюет с высокой колокольни на носатый народ под названием *жиды*. Сержант внимал со странной улыбкой пьяные бредни. Степан тем временем распоясывался все больше и больше: «И ваши США я в рот ебал». И тут же попробовал вырвать у терпеливого полицейского пистолет. Черный полицейский размахнулся и саданул дубинкой нарушителя спокойствия по плечу. В плече что-то неприятно хрустнуло. Разин взвыл волком. Сержант без труда надел на бунтовщика наручники и вывел его на лестничную площадку. Там, я думаю, не без помощи полиции, наш ратоборец начал считать зубами ступеньки.

Козлику страшно хотелось спать: он неприлично зевал и опасался, что не пройдет и минуты, как он упадет на пол в коматозном состоянии:

«Послушайте, Юрий Анисимович, почему вы рассказываете все то, что вы рассказываете. Я хочу спать, у меня был тяжелый день. Сейчас половина второго ночи. Я совершенно не понимаю цели вашего визита. Я не знаю никого в этой компании идиотов. Украла деньги — должны понести заслуженное наказание». Юрий Анисимович замахал руками:

«В Писании сказано, что нельзя провоцировать людей с их атавистическими слабостями на криминальные поступки. Не нужно было подсовывать им деньги».

Козлик заплетающимся языком слезно попросил Юрия Анисимовича перенести разговор на завтра. Ответа на свою мольбу он не услышал, потому как свалился на диван и погрузился в тяжелый сон. Ему привиделась мерзкая, раскрашенная всеми цветами радуги старуха, си-

дящая в обшарпанной комнате с выбитыми окнами. Устращающая ведьма повернулась и неожиданно красивым голосом пропела:

Наш уголок нам никогда не тесен,
Когда ты в нем,
То в нем цветет заря...

«Эдакая пошлая мерзость», — подумал Алексей Петрович и заорал: «Сгинь падла!»

И послушная падла сгинула.

Козелков заснул опять, и ему уже больше ничего не снилось. Нечего и говорить, что утром следующего дня Алексей Петрович встал с левой ноги и ему страстно захотелось выйти на улицу и учинить драку с кем ни *попадя*, или того лучше, из пулемета «Максим» перестрелять как можно больше ни в чем не виновных прохожих, потому, хотя они и были невиновные, но не все же!

Козлик сварил себе крепкий кофе и отправился в издательство, которое ничего не издавало. Юрий Анисимович в этот день был еще больше похож на краснознаменного Пупкина.

«Ну, как там у нас Пугачев?» — поинтересовался Козлик.

Главный редактор хмуро пробубнил:

«Не Пугачев, а Разин, который на самом деле Степанов, на свое несчастье названный Степаном Тимофеевичем. Его отменно отделали в полиции, так что жена его еле узнала, впрочем, она всегда всех узнает с трудом, поскольку она перманентно подшофе. Или, по-вашему, *нализамшись*».

Козлик с обидой в голосе:

«*Нализамшись* есть перл из подворотни. Я таких беспардонных слов не употребляю и вам не советую».

Юрий Анисимович попросил во всех подробностях изложить разговор Козлика с Шуховым.

«Изложу всенепременно, но чуть попозже. Да вы там и сами присутствовали. Неужели вы не слышали всех глупостей, которые ваши поэты изрыгали? Бог знает, что ваша пьянь наболтала, поедая икру. Нельзя кусать руку, икру дающую. Это может обернуться другой стороной медали».

Лицо Юрия Анисимовича все более и более пунцовело:

«Да он нас подслушивал! Ну точно, как Никсон! Так не делается. Это не по правилам. Джентльмены не подслушивают джентльменов, а если да, то только по государственной нужде. И то с разрешения судьи».

Козлик слушал эту бессмысленную ерунду, удивляясь непривычно странным нравам капитализма. Весь разговор казался ему совершеннейшим бредом, ни в какие триумфальные ворота не влезающим.

Юрий Анисимович продолжал настаивать на том, чтобы Козлик пересказал разговор с Шуховым.

Алексей Петрович выполнил просьбу, опустив, правда, некоторые денежные подробности.

Юрий Анисимович:

«А я тут для вас подыскал неплохую работу в университете на севере штата Н.Й. Вот вам телефон, позвоните завтра или послезавтра заведующему кафедрой. Он из наших, Лебедев Александр Александрович. Туда идет каждый час “Грей хаунд” с автобусного вокзала».

«Что значит из наших? Христопродавец из власовской армии? Казак атамана Краснова? Или, быть может, бывший полицей?» И почему-то очень громко, видимо, волнуясь, Козлик спросил:

«А что такое есть таинственный “Грей хаунд”? И с чем его едят?»

Юрий Анисимович уставшим голосом:

«Его не едят это худая *маломясная* собака, не очень-то наешься, и к тому ж это в данном случае не собака, а название автобусной компании».

И без перехода:

«Если там наверху узнают о вчерашнем безобразии, у меня будут большие, говоря *еврейским языком, цоресы*».

ПОСЕЩЕНИЕ ЛИВЕРПУЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НА СЕВЕРЕ ШТАТА Н. Й.

Козлик уже много раз проходил мимо автобусного вокзала и каждый раз недоумевал — никаких автобусов дальнего следования окрест не наблюдалось, тогда как в родном Ленинграде автобусы грудились вокруг претенциозной уборной в стиле ампир.

Алексей Петрович опаздывал, потому как по дороге на автобусный вокзал забежал в табачную лавку, где купил по ностальгическим соображениям пачку папирос «Казбек». На автобусном вокзале Козлик с превеликим трудом приобрел билет. Кассирша решительно не желала понять, в какой город Козлик держит путь. После чего Алексей Петрович стал суетливо бегать по вокзалу в поисках надписи: «Ливерпуль». Времени оставалось чуть. От отчаянья Козлик подскочил к полицейскому и сунул ему под нос свой билет. Страж порядка немедленно сообщил, что Козлик по-английски «ни бе, ни ме, ни кукареку», проникся жалостью к несчастному идиоту, взял его под руку, подвел к двери, на которой висела табличка «Ливерпуль», пожал руку и, сказав *бон вояж*, удалился.

Алексей Петрович так разволновался жуткой посадкой в автобус, что с трудом раскурил папиросу и после первой затяжки испытал минутный покой. Шофер вдруг заорал: *донт смок сигарс*. Поскольку никаких сигар Козлик не курил, он не обратил внимания на истерический визг водителя. Алексей Петрович обозрел почти пустой

автобус и увидел, что кроме него никто не курит. Шофер между тем продолжал бесноваться. Козлик понял, что водитель счел его «Казбек» сигарой. Жизнь пассажиров и шофера висела на волоске. Все внимание, сидящего за рулем, было направлено на Козлика. Водитель перестал следить за дорогой. Алексей Петрович поднял руку с папирсой. Шофер, увидев в зеркале заднего вида что-то похожее на сигарету, кивнул головой и успокоился.

«Славное начало, — подумал Козлик. — Приеду как выжатый лимон».

Автобус шел по местам неизвестно каких боевых действий. На склоне дороги валялись отслужившие свой век холодильники, газовые плиты, ржавые корпуса автомобилей и прочая трудно узнаваемая дрянь.

За три с половиной часа Козлик успел выкурить пачку «Казбека» и насмотреться на малопривлекательные пейзажи.

«Ливепуль», — вскрикнул шофер и открыл дверь. Перед автобусным вокзалом стояло три такси. Алексей Петрович подошел к первому:

«*Юниверсити*», — прохрипел дрожащий от холода и страха Козлик.

«*Донт андестент*, — процедил сквозь зубы первый таксист.

Затем Алексей Петрович получил еще два аналогичных ответа, впал в совершеннейшую прострацию и, увидев телефон-автомат, бросился звонить.

«*Хелло*», — раздался голос на другом конце провода. Козлик захотел крикнуть SOS, но вместо этого достал из кармана бумажку и прочитал, срываясь на фальцет:

«Мей ай спик виф профессор Лебедеф плиз!»

«Спикинг».

«Вы говорите по-русски?»

«Да, случается».

«Моя фамилия Козелков, у меня сегодня встреча с русским департаментом».

«Да, знаю. Через час».

«Шоферы такси на автобусной станции по русофобским соображениям не хотят везти меня. Делают вид, что не понимают мой английский».

«Делают вид, вы говорите?»

«Да. Именно так».

«Как вы одеты?»

«Я думаю, прилично, весь в твиде».

«Я не о том».

«А да, я понимаю, я тут единственный в шапке ушанке».

«За вами заедут минут через пятнадцать-двадцать».

«Очень благодарен».

Через двадцать холодных минут Козликов увидел, что к автобусной станции подъезжает, что-то похожее на бульдозер. Из сложной механической конструкции выскочил господин малого роста в выворотке и протянул руку:

«По-русски меня зовут Яша. Я докторальный студент в этом университете. Прошу *вместиться* в мою тачку! Внутри там тепло и не дует».

Говоря все это, Яша широко улыбался неизвестно чему. Козлику Яша категорически не понравился, но он заставил себя протянуть владельцу бульдозера руку:

«Меня зовут Алексей Петрович. Я сын гиены и тарантула, а в других перерождениях был сукиным сыном, что объединяет меня с другим зверьем по всем генетическим линиям».

Яша засмеялся:

«А вы остроумный, среди русского народа веселья не найдешь, да и понятно, анекдот расскажешь, тебя за жопу и в сибирский лагерь на червонец куковать. Послушайте, Алеша, я буду так для краткости вас величать. *Мое ухо*

усекает в ваших речениях идиш. Не есть вы представитель приезжающей большими партиями в наши территории еврейцев?»

«Сейчас этот мудачок спросит, не хожу ли я в синагогу», — подумал Козлик.

Из-за искореженного русского языка докторального студента Козлик испытал необычайно сильное желание положить Яшу под его собственный бульдозер и покататься по нему часок-другой. А еще Алексей Петрович понял, что ему от этой теплицы науки и техники на душе нехорошо. В таком *расхристанном* месте, как этот ебаный город с похищенным названием, ему не прижиться. Для того, чтобы убраться из разговорного поля Яши, Козлик стал настраивать свой мозг на исполнение «Паноники» Телониуса Монка, что было делом крайне нелегким. Голос бульдозерного Яши исчез, и мозг Козлика наполнился чудными звуками.

«Прибыли!» — заорал в самое ухо Яша и довольный своим русским добавил — Явились, не запылились».

Козлик от холода и волнения дрожал, как осиновый лист:

«Полцарства за чашку кофе. Где же, черт побери, в этом храме наук буфет, кафе или что-нибудь в том же роде?»

Яша попытался взять Алексея Петровича под руку, но тот вырвался:

«Прошу меня не заключать под стражу, меня надлежит отвести в кофейное место, где булочки. Не говорите мне ничего. Сколько времени осталось, столько осталось. Меня ждут, и пускай себе ждут. Я их тоже жду, «как ждет любовник молодой минуты верного свиданья». Вот вы меня еще учить будете, я ошибок не допускаю, не допускал, и допускать не намерен. Там приготовлены закуски, вот пускай себе и закусывают. Мне же главное не закуски, а кофепитие. *Веселье Руси есть питие*». Не

скажу чего. Не проходили? И неважно. Вы, *докторотурный* водитель бульдозера, знаете, как железными вещами орудовать, а «аорист», не говоря уже о «дательном самостоятельном» вам не более чем трин-трава. Вы изучаете Белого, он вам нравится по цвету, ах как интересно! Не Веселого, Бедного, Черного и Горького. На данную быстротекущую секунду оставим Белого в покое, а остальным давайте синхронно покажем кукиш. А не скажете ли вы мне, дражайший Яша, почему тут везде гнусный кофе? Почему эта страна капиталистического процветания и свободы не можете завести себе нормальные итальянские кофеварки?» — сел на свой конек Алексей Петрович.

Яша что-то пробурчал в ответ, но в этот момент Козлик начал крутить на своем кортесе пятую симфонию Шостаковича и потому ответа на свою постоянную жалобу он не услышал.

Козлик и Яша двинулись в сторону аудитории, где Козлика должны были проверить на предмет причастных и деепричастных оборотов, о которых Алексей Петрович имел самое что ни на есть смутное представление. Двигаясь в сторону аудитории, Алексей Петрович для начала выключил свой внутренний граммофон. А затем поинтересовался:

«Есть ли в вашем учебном заведении молодые студентки, очевидно полногрудые с узкой талией?»

Яша утвердительно кивнул головой.

«А вы, Яша, сами тоже не дурак поволочиться за дамами?»

На что Яша ответил самым нелепым, с точки зрения Алексея Петровича, образом:

«У меня есть жена».

«У Пушкина тоже была жена, большое дело, — отпаривал Козлик. — Жены и существуют для того, чтобы

им изменять. Вы бы еще поручику Баркову посоветовали отправиться в монастырь».

В аудитории было человек тридцать студентов. Профессора сидели за покрытым красной скатертью столом, все как один были одеты в твидовые пиджаки с кожаными заплатами на локтях.

«Чрезвычайно интересно, — подумал Козлик, — им налокотники выдают или они за свои деньги эти заплатки покупают».

Один из профессорско-преподавательского состава встал и начал безбожно нести ахинею:

«Сегодня у нас в гостях известный в самиздате поэт и знаток русской литературы Алексей Петрович Козелков. Сначала он расскажет немного о себе, а потом, как у нас принято, ответит на вопросы студентов и преподавателей».

Козлик схватил немедленно быка за рога:

«Никаких сведений о себе я выдавать, не намерен. Я не знаю, сколько шпионов сидит в этом зале и страстно желают перевернуть каждое мое слово. Я должен быть чрезвычайно осторожен. Вот вам для начала экспромт:

устаревший пистолет
обязан липкой лентой
может убить медведя
или соловья на ветке

В зале раздался смех, сопровождаемый жидкими аплодисментами. Кто-то прокричал:

«Никсона на осину!»

В задних рядах запели «Интернационал». Козлику эта музыка совершенно не понравилась, но чтобы спасти свою шкуру, на которую никто не покушался, он тут же переметнулся в революционный лагерь.

«Да, да, я с вами полностью согласен: *весь мир разрушим, кто был никем, тот станет всем*. Что касается меня, то я хотел бы получить пожизненную пролетарскую пенсию и творить шедевры, наполненные *красным динамитом*, как прозаического, так и поэтического характера».

Заявление Алексея Петровича было встречено свистом то ли одобрения, то ли осуждения. Козлик боковым зрением увидел, что *личный состав департамента* покидает помещение. Настало время сваливать. Профессора, а вслед за ними Алексей Петрович вбежали в какую-то комнату, дверь закрыли на замок.

«Вот видите, какие безобразия происходят с американской системой обучения, — чуть не плача воскликнул профессор Лебедев, — я бы их всех на Соловки, а там коленями на горох. А вы, господин Козелков, вы эти дела со стихами кончайте. Тут не до версификаций. Я сам пишу стихи. Нам хватает одного поэта в департаменте. Я также провожу семинары по стиховедению. Вы нам симпатичны в отличие от сонма разнообразных советских филологов, прошедших перед нашим отрицательным взором. Михаил Юрьевич, — обратился профессор Лебедев к сильно облысевшему коллеге, — расскажите, будьте любезны, о первом претенденте, который считал, что «лебедя» с ударением на последнем слоге, есть именительный падеж множественного числа».

Покашляв в кулак, Михаил Юрьевич:

«Ну-с, явился к нам на интервью тип в обтягивающих джинсах. При себе имел два тома, изданные каким-то совдеповским институтом. Фолианты были изрядной величины и набиты всякой литературоведческой ерундой. Среди статей новоявленных Белинских были и короткие в одну страницу творения этого «лебедя» с ударением на последнем слоге. Он что-то сначала бубнил о Корнилове, но не о том, а потом об Орлове и опять не о

том. Затем он пожурил нас за незнание самиздата. Тут мы попросили Яшу отвезти эту столичную пташку на автобусный вокзал. Никаких объяснений ему дадено не было, а просто от ворот поворот.

Нас посетило за последний месяц три претендента и все как один, как бы это мягко сказать, не русские. У меня имеет место вопрос, почему евреи хотят преподавать русский язык? Нешто им мало собственного идиша, иврита и ладино?»

Михаил Юрьевич с коллегами не получили ответа на национальный вопрос, поелику ни о каком ладино и иврите Козлик слыхом не слыхивал. Скромный идишевский запас слов Козлик мысленно с пятого на десятое телепатически направил славянскому департаменту:

«Хазейрем, киш мир ин тохес, паршивый потц, пога-но занудный, и вы шмаки всех сортов».

Затем подумал и мысленно послал сигнал, но уже по-русски:

«Вы все ебаные сумасшедшие с куриными мозгами, дохлые крысы и бляди мужского пола».

Показав кукиш в кармане, Козлик испытал некоторое моральное облегчение.

«Я думаю, дорогой Алексей Петрович, — начал занудно вещать глава департамента Александр Александрович, — что вы не откажетесь провести эту ночь в квартире для почетных гостей. Квартира для почетных гостей — это квартира, где останавливаются почетные гости. Понятно или нет? Когда эти вышеуказанные гости приезжают читать лекции и проводить семинары. Хотя никаких лекций мы от вас не ожидали, мы, тем не менее, проявили максимум старания, поскольку Юрий Анисимович вас рекомендовал как дворянин дворянина. Нам выдали эту почетную квартиру на 24 часа. Уяснили? Но это совершенно неважно, поскольку вы покинете пределы университета ровно в 11:00 утра. Одиннадцать часов

встречается два раза в сутки, так что запишите на бумажке: утром в одиннадцать часов. Понятно? Последний раз мы выхлопотали эту квартиру, когда к нам приезжал один полудиссидент-полуалкоголик. Этот гусак, говоря по-гоголевски, видно, сильно набрался и облевал всю квартиру. Запомните: не просто квартиру, а почетных гостей квартиры. Вы должны дать нам честное слово, что вы не опозорите русский народ в нашем и вашем лице.

Теперь я хочу объяснить ваше будущее положение в университете. Ваша должность будет именоваться лекчурер но, естественно, никаких лекций вы читать не будете. Лекции у нас читают профессора, а вы будете только мелкой преподавательской сошкой. На сём мы заканчиваем этот междусобойчик. Так, кажется, говорят сейчас в нашей оплакиваемой России. Да, забыл сказать, профессорам возбраняются всякого рода амикошонства с уже упомянутыми лекчурами, как то приветствия при помощи рукопожатия с низшими служащими департамента, до того момента, пока лекчурер не защитит докторской диссертации. Да к тому ж запрещено бегать за девками, я хотел сказать, за студентками. Половые игры строго не приветствуются в стенах университета. Вы нам можете понадобиться в летнюю школу или на следующий семестр. Яша, покажите ему все, что следует показать. Адью».

Яша проводил Козлика до неоднократно упомянутой квартиры, но тут Алексей Петрович вспомнил, что он ничего с самого утра не ел:

«Дорогой Яша, нам следует отправиться в вашу столовку и слегка подзаправиться».

В столовке Козлик отоварился бутербродом из синтетических материалов и двумя булочками.

«Кофе не покупайте, — закричал Яша, — в квартире есть электрический чайник и растворимый кофе. Не бросайтесь валютой!»

Козлик внял словесам практичного Яши и валютой бросаться не стал. Квартира для почетных гостей, может быть, и была изысканно хороша, но Алексею Петровичу было не до рассматривания интерьеров. По причине ломоты во всем теле и мигрени Козлик решил отложить на будущее вопрос: *быть ему или не быть* в этой чертовой кузнице кадров.

«Надо мною не каплет», — сообщил Козлик неизвестно кому и, повернувшись на левый бок, немедленно заснул.

Во сне Козлика с официальным визитом посетил таинственный Ладино, одетый в сиреневые подштанники, при шляпе:

«Ты думаешь, в предыдущем рождении ты был испанским графом? Сообщаю категорически и безапелляционно, тебя и духу не было в нашем королевстве, ты лгун и пройдоха. Тоже мне гранд фальшивый нашелся!»

Затем появился Александр Александрович в лыжном костюме:

«Поговорим по душам на иврите, — прошамкал заведующий департаментом. — Но вначале скажи мне, что такое “юз малый” и “юз большой”. Не знаешь? Понятно. “Юзы” малые и большие не выдержали крещенских морозов, а “яти” были расстреляны большевиками, как враги народа. *Вот тебе бабушка и Юрьев день*», — совершенно не к месту изрек Александр Александрович и исчез в межзвездном пространстве.

Козлик проснулся, как ему показалось, от землетрясения. Он вскочил, с трудом натянул на себя брюки и уже схватился за рубашку, но тут уразумел — кто-то стучится в дверь:

«Входите, черт побери, перестаньте дубасить дверь! Входите, непонятно, что ли? Вам же по-русски говорят».

Дверь открылась, в комнате возник Яша и начал с утра пораньше увечить русский язык:

«Доброго утра вам, стены университета покидающего».

«Яша, ничего не говорите, садитесь на стул, стол или кровать. Я должен немедленно выпить чашку кофе. Чертов чайник не хочет закипать, а говорили: у вас тут *полно технического прогресса*».

Алексей Петрович насыпал в пластиковый стаканчик четыре ложки кофе, вытащил сигареты, и, глядя на надпись, *ду нат смок*, закурил и громко с присвистом залил в себя первый самый вкусный глоток кофе.

«У нас через час автобус, вы должны принять душ и *выбриться*», — загундосил Яша.

«Я вчера брился, а душ я принимаю по пятницам. У меня раскалывается на части голова, нет ли у вас, дорогой Яша, аспирина?»

«*Аспирин есть*. Как друг другу я могу вам совершенно бесплатно подарить три пилюли».

Козлик почесал затылок:

«Если вы так скороспело подружились со мною, я попрошу у вас еще три таблетки, за которые внесу плату сторицей по инфляционной цене — доллар за аспири-нину».

Яша очень быстро дал себя уломать и поспешно спрятал три доллара:

«*Газолин*, — пробормотал Яша, — *газолин* очень дорогой. Нам срочно нужно ехать на автобусный вокзал, *а то автобус покинет свое месторасположение без вас*».

Козлик и Яша прибыли на вокзал за двадцать минут до отхода автобуса. Владелец бульдозера подвел Козлика к какой-то девушке.

ДЕВУШКА ЛИДИЯ

«Познакомьтесь с нашим полиглотом. Ее зовут Лидия. Она прекрасно знает английский и, конечно, русский, а также французский и итальянский. Она ваш со-

эмигрант. А это Алексей Петрович — наш будущий *лекчурер*. Вы оба можете в автобусе сильно повеселиться, рассказывая *между собой армянское радио*.

Козлик протянул руку, но девица на руку не обратила внимания и, сказав «займите мне место недалеко от уборной», исчезла в неизвестном направлении.

Автобус начал постепенно заполняться пассажирами, желающими отправиться в Новый Амстердам. Козлик попрощался с Яшей, сел в кресло в последнем ряду, достал сигарету и закурил. Девица Лидия появилась минуты за три до отхода автобуса. Козлик, как истинный джентльмен, предложил Лидии место у окна, но девица от предложения отказалась, мотивируя тем, что у нее заболевание под названием цистит, и поэтому ей необходимо часто бегать в уборную. Как только автобус тронулся, Лидия в самых неаппетитных подробностях начала рассказывать о своих тазобедренных проблемах, что заставило Козлика сжаться и по возможности пропустить эту патологию путем: «в одно ухо вошло, из другого вышло», но фокус не удался. Вслед за этим Алексей Петрович совершенно бесполезно попытался завести в голове граммофон с «Танцем с саблями», но из этой затеи тоже ничего не получилось. Козлику пришлось отключить Хачатуряна на третьей ноте и продолжать слушать о всяких мерзостях, происходящих в мочеточнике и в мочевом пузыре *полиглотки*. Он постарался отвлечься видом из окна, но и это не принесло успокоения, а напротив, тоскливые деревушки, мелькавшие за окном, вызывали еще большее раздражение. Алексею Петровичу не оставалось ничего другого, как перейти к самозащите. Он наклонился к уху Лидии:

«А не могли бы вы мне сказать, кто вас на сегодняшний день, сами понимаете что, если никто, то я могу взять на себя эту роль, с условием, что вы перестанете плести медицинские истории. Более мне ничего не го-

ворите о патологии ваших внутренних органов, где бы эти мочеточники ни находились. Я на дух не переношу подобных разговоров. Вы поняли, что я вам сказал? Давайте выйдем на следующей остановке, где и предадимся любви в какой-нибудь гостинице. Разумеется, перед этим будут куплены презервативы, чтобы избежать ваших злокозненных *бацилл* и других *вирусов и бактерий*».

В этот момент Алексей Петрович увидел, что по щекам его попутчицы текут слезы.

«Больше поплачете, реже в уборную шастать будете».

До конца пути Козлик и Лидия сидели молча. Автобус наконец добрался до Н.Й. В знак *прошения пардона* Козлик взял из рук Лидии увесистую сумку:

«Где вы живете? И как вы собираетесь туда добираться? На метро? Вы знаете, что у местных жителей комплекс подземелья, поездка на метро может кончиться летально. Я живу совсем неподалеку от вас. Возьмем такси, и через пятнадцать минут вы будете дома, согласны?»

Козлик схватил сумку, засунул ее в багажник такси.

Квинсборо бридж был забит машинами. Алексей Петрович повернулся в сторону Лидии и узрел к своему удивлению, что его соседка оказалась весьма хороша собой, и к тому же хороша неординарно. Густые пряди темно-рыжих волос падали на плечи. Глаза зеленые. Веснушки и те казались созданными для подчеркивания *белоснежности* кожи. Козлик нагнулся к уху рыжей красавицы:

«Вам говорил кто-нибудь, что вы не просто красивы, а божественно красивы?»

«Совсем недавно вы позволили себе разговаривать со мной самым неподобающим образом и вдруг заметили мою красоту. Теперь я с нетерпением жду похвал мо-

ему необычайному уму и многообразным талантам. Вы хотите меня склеить? Для дур и дешевая лезть пойдет? Травите дальше. Я с удовольствием послушаю».

«Ну ладно, я виноват, но вы тоже хороши, зачем вы вешали мне на уши ваши циститы и прочие *противности*? Вы живете с родителями?»

«Нет, я ни с кем не живу. Раз в две недели я приезжаю в Н.Й. и останавливаюсь у подруги».

«И как вам у подруги?»

«Не ахти. Муж с масляными глазами, невоспитанные дети и тараканы в придачу. Разговоры о бывшей жизни на бывшей родине».

«Итак, куда вас везти, к подруге или, может быть, ко мне?»

«Сколько у вас спальных мест?»

«Трехспальный диван-кровать».

«Таких не бывает».

«Здесь в Америке все бывает».

«Везите меня к себе и имейте в виду: мой цистит болезнь инфекционная, передающаяся половым путем».

«Дешевый трюк, — подумал Козлик, но тут же напрыгся. — Этот поганый цистит может оказаться заразным». Чем больше Козлик обо всем этом думал, тем меньше ему хотелось употребить полиглотку.

«За каким дьяволом я волоку ее к себе без всякой для себя пользы, может, она еще и храпит по ночам. Но дело было сделано. Придется два дня, сжав зубы терпеть эту *бациллоносительницу*. Деваться некуда».

Козлик пригласил Лидию в дешевую забегаловку, где они с аппетитом съели по куску пиццы. Вернувшись домой, Козлик, забыв о страшном цистите, немедленно перешел к сексуальному делу.

Девица Лидия лежала с каменным лицом, как казалось Козлику, стоически перенося надругательство над

ее телом, но в какой-то момент она тяжело задышала. В это же время Козлик увидел яркий свет, знаменующий отключение мозга.

Несмотря на то, что было три часа дня, Алексей Петрович и его гостья заснули.

«А у меня был оргазм впервые за два года, — проснувшись, оповестила Лидия. Можно я вас поцелую, вы меня отремонтировали».

ВИЗИТ ТРИФОНОВА

До отъезда за кордон оставались считанные дни. У Козлика совершенно расклеилась нервы: он изъяснялся почти исключительно матом, кроме этого, постоянно кусал ногти. Позвонил старый друг Юра Трифонов. Козлик сделал над собой усилие и ответил относительно нормально:

«Сижу, трясусь, привези мне три бутылочки валерьянки». Лаконичный Юра ответил звуком «угу», что в переводе с трифоновского значило «хорошо». Юра прибыл минут через десять, держа в руках три пузырька с разящим зельем. Козлик опорожнил одну бутылочку:

«Две оставлю на ночь. Не могу забыться сном. Руки дергаются, как у паралитика». Гость достал два дешевых блокнотика, два автоматических карандаша, снял с руки часы, вытащил из кармана перочинный нож и стал снимать заднюю крышку часов. Козлик с ужасом смотрел на все эти манипуляции:

«Ты что, совсем ебнулся, зачем ты курочишь часы?»

Вместо того чтобы ответить, Трифонов поднес указательный палец к губам, и что-то быстро написал в блокнотике, вырвал листок и протянул его Козлику. На листочке куриной лапой было нацарапано:

«Так надо, молчи».

После этого не совсем удобоваримого вступления Юра, шевеля губами, начал писать что-то в блокнотике, затем протянул блокнотик Алексею Петровичу. На первой странице блокнотика было написано:

Текст меморандума

Потому как я совершенно не могу сносить все выверты советской власти, но, будучи русским человеком, также не люблю лягушатников, макаронников и прочих с их безобразно капиталистическим образом жизни, включая таратайки и акции, прошу меня вывести на связь с русской националистической организацией крайне правого толка. Соединиться со мной можно паролем, который располагается в часах. Хотелось бы взорвать Смольный, поскольку я не переносу яичный цвет стен и народонаселение этого главного штаба революции.

Юрий Трифонов был клиническим сумасшедшим и в то же время талантливым математиком, пускаться с ним в спор было совершенно бесполезно:

«Отдай мне твои часы и получи мои. Связной должен будет верительными грамотами, в данном случае серийными номерами часов, продемонстрировать знакомство с тобой. Мой меморандум немедленно сожри».

Козлик меморандум есть не стал, а сжег его в пепельнице.

Трифонов поспешно, не прощаясь, покинул помещение, предварительно взяв честное слово, что его задание будет выполнено самым наибыстрейшим образом. Козлик после посещения безумца впал в глубокое уныние и, не вставая со стула, заснул, предварительно опорожнив пузырек с валерьянкой. Через три дня Козлик отбыл к «тетушке» на постоянное место жительства, но по дороге свернул в другую сторону.

ЖУРНАЛ «ЛУЧ»

В понедельник Козлик проводил Лидию на автобусный вокзал и решил посетить Юрия Анисимовича. Тот как всегда был занят. Ожидая, пока Псевдопупкин закончит свои дела. Козлик достал с полки два журнала, издаваемые каким-то «Национальным конгрессом русского народа». Тонкий журнал именовался «Луч», а толстый «Удар». Козлик просмотрел оба журнала и чуть не заплакал от радости оттого, что на свете существует такое скопище идиотов и плагиаторов. На первых страницах красовались стихи широко известного в Сов. Союзе лауреата всех возможных премий А.Б.Соловьева, а затем шла научная статья некоего Богина о проблемах с осетровыми в бассейне Каспийского моря. Статья была явно похищена из какого-то советского академического журнала. Вслед за осетрами плыли безграмотные мысли о том, *чего не было, не есть и никогда не будет.*

В одном из «*Лучей*» света в темном царстве подробно сообщалось, что один из лучших русских романов середины двадцатого века был написан литературным отделом КГБ. И везде корова через ять.

Дверь открылась. Улыбающийся Юрий Анисимович пригласил Алексея Петровича в кабинет и радостно сообщил, что Козелков произвел благоприятное впечатление в Ливерпуле. Козлик попросил связать его с редактором журнала «Луч».

«Проще пареной брюквы, или вернее сказать репы, но имейте в виду, он вам может не понравиться».

После недолгих переговоров по телефону Юрий Анисимович торжественно объявил:

«Профессор в отставке Хоменко Виктор Семенович, редактор журнала «Луч», ждет вас у себя дома. Светлая голова, закаленный борец с коммунизмом, но не на любой вкус».

ПОСЕЩЕНИЕ РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «ЛУЧ»

Закаленный борец оказался небольшого роста человеком с бородкой а ля Троцкий:

«Не согласитесь ли выпить со мной стакан чаю? Или, *может, крепкий напиток?*»

Козлик согласился выпить стакан чаю, от крепкого напитка, неизвестно какого, отказался. За чаем Хоменко задавал идиотские вопросы о жизни в Сов. России. Затем высказал свои нехитрые соображения о том, как совершить государственный переворот в СССР при помощи и посредстве боевиков с малоразмерными атомными бомбами. Алексей Петрович с трудом остановил словесный понос профессора в отставке и собрался было изложить суть Трифоновского меморандума, но передумал. Идея уничтожения Смольного стала для Алексея Петровича совершенно отвратительной. Он не хотел видеть дополнительные убиения русского народа. Ему и так за последние пятьдесят лет крепко досталось.

Хоменко почесал свой малоразмерный лоб.

«Юрий Максимович сообщил мне, что у вас есть свежие соображения, как установить на Святой Руси новый порядок».

«У меня есть две основополагающие идеи немедленного изменения советского строя. Во-первых, призвать мирных варяг, к примеру, шведов, но без Карла двенадцатого. Помните: «Страна у нас большая (богата), порядка только нет». Вторая идея — начать государственные переделки с немецко-фашистской Германией. Я имею в виду вот что: столетние репарации наложить на них для блага пострадавшего русского человечества. И пусть вернут наворованное, а заодно Бундестаг в пух и перья. И половину германских территорий и строений отдать туарегам, пусть пасут свой скот на берегах Рейна».

У Хоменко отвалилось челюсть:

«А при чем тут германские строения, почти целиком уничтоженные во время Второй Мировой войны варварскими налетами так называемых союзников?»

«А при том. Мы все эти канцелярии Гитлера доразрушим в пыль, прах и золу при помощи *нас самих* и с поддержкой французских маки. *Любо испити шеломом Рейну*».

«Вы сумасшедший?» — с показным сочувствием спросил Хоменко.

Козлик в знак согласия кивнул головой и посмотрел на часы:

«Я опаздываю. Но мы еще разберемся, кто есть кто. Подозреваю, что вы изменник родины и были немецким прихвостнем. Сейчас мне некогда, меня ждут титулованные особы. Не плачь, дорогой не горюй, скоро встретимся. *Оф фидер зейн шайз коф*».

СОШЕСТВИЕ В ЧИСТИЛИЩЕ

Алексей Петрович решил, что пришло время сойти с рельс. Для этой цели он сотворил себе коктейль из трех таблеток аспирина, таблетки кодеина (подарок Исаака Марковича) и на закуску глоток вермута. Все это следовало бы посыпать корицей, но корицы в доме не имелось.

«Обойдусь без специй, — сообщил Козлик самому себе, — и так хорош буду».

Поначалу пришла ночная тьма. Потом Козлик узрел поток света, моментально исчезнувший. Затем появилось нечто, отдаленно напоминающее человеческую фигуру:

«Я Вергилий».

«Будь хоть Катулом, мне все это до лампочки. Иди к своему Данте или куда подальше. Ты, Вергилий, слоняйся себе по чистилищу и не морочь мою уставшую голову».

Вергилий поменял свою почти человеческую конфигурацию и превратился в ворчливое облачко:

«Корица, видите ли, тебе понадобилась. Может еще и шафран потребуется? Ишь, фря какая, — не скрывая своего презрения, пробормотало облачко и добавило: Я исключаю тебя из союза поэтов».

Козлик тихонько засмеялся, потому как знал, что ни в каком союзе поэтов он не состоит.

По прошествии двух часов Алексей Петрович открыл глаза. Посещение того света оставило в душе Козлика маленькую, но болезненную царапину.

ЧИППЕНДЕЙЛ

С помощью Исаака Марковича Козлик продал Чиппендейл за три тысячи долларов, чем значительно улучшил свое материальное положение. Вместо благодарности Алексей Петрович начал петь свою стародавнюю песню:

«Послушайте, Исаак Маркович, у вас, нужно думать, множество сундуков со золотом-серебром, а вы сидите Гобсек Гобсеком в этом мерзком городе, где невозможно найти пристойную чашку кофе. Тогда как мы с вами могли бы сейчас фланировать по *Via дель Корсо* и разглядывать прелестных итальянских дев». Исаак Маркович замотал головой:

«Нет, на девиц я уже посмотрелся — надолго хватит».

«А если вдруг случится, что вы и десятой доли своих полновесных золотых слитков не сумеете потратить? Тогда что? Слитки отправятся в форт *Нокс. Мелиха* все, что у вас есть, пустит на постройку линкора или тому подобной гадости. По дороге к этому миноносцу или бронетранспортеру половину золота разворуют. Исаак Маркович, не поворачивая головы:

«Никаких слитков у меня не было и нет, я понимаю, что это *фигуральная идиома*. С какой стати я должен на-

правиться с вами в Рим и гулять на старости лет по совершенно мне не интересной *Via дель Корсо*? И почему, черт бы брал, я должен тратить на вас крупные купюры, которые я с трудом сколотил, работая всю жизнь, как подгоняемый вол? Тем более что у меня есть наследник — библиотека Вельского университета».

«Исаак Маркович, ваш университет — шайка воров и осиное гнездо антисемитов».

Исаак Маркович закрыл глаза и впал в прострацию:

«Дай *охнарик*, два часа не *курумши*. Уши пухнут. Ну, ты и лапоть».

В то время как Исаак Маркович вытаскивал из глубин подсознания какие-то ошметки русского языка, Козлик достал из кухонного шкафчика (других мест хранения у него не было) пачку писем. Открыв первый конверт, Алексей Петрович начал, шевеля губами, перечитывать Любино письмо № 1.

Дорогой Козлик!

Жить в этой Голландии совершенно невозможно. Как в этой стране мог родиться Ван Гог, непонятно. И этот еще, Рембрандт, с его «Ночной стражей». Я, как «Три сестры», хочу в Москву или на худой конец в Рим. Целую. Твоя Люба.

Алексей Петрович утер слезы и принялся читать второе письмо. Эпистолярные таланты у Любы были ниже среднего уровня. Да к тому же Козлик помнил все восемь писем наизусть:

«Извините, Исаак Маркович, я отвлекся, письмо любимой девушки из Амстердама».

«Оказывается, у вас любимые девушки в *разных столицах мировой политической географии*, — с некоторой иронией заметил Исаак Маркович. — Почему бы вам не отправиться в Амстердам на свидание с одной из них? Вы после продажи секретера вполне можете это себе позволить».

Козлик вытащил из кармана ветхую розовую бумажку, выданную советчиками вместо паспорта, чтобы «знали эмигрантские кошки, чье мясо съели».

«Я могу себе это позволить, но боюсь, что с этим документом, не годным даже для гигиенических целей, мне никто не даст визу».

«Не огорчайтесь, дражайший Козлик, я вам урегулирую нечто вроде паспорта. Называется это *риентер пермит*, то есть разрешение на возвращение. На это уйдет месяц или немного меньше».

Козлик пустился благодарить Исаака Марковича, но, как всегда в таких случаях, перелил через край:

«Исаак Маркович, отец родной и благодетель, я вам премного *гранд мерси* плюс *данке шойн* на всех скопившихся в моей голове семитских и индоевропейских языках. Я ваш вечный раб».

«Козлик, перестаньте валять дурня. Это русская манера все преувеличивать и *дотаскивать* до абсурда. Вы есть чистый Достоевский с еврейской хитрецей. Дайте мне ваш паршивый *документик*. У меня в Бюро эмиграции и натурализации приятель работает. Мы его по завершении дел накормим в хорошем ресторане».

Козлик решил настроичить Любе письмо *предварительной* радости, имея все-таки в виду «не говори гоп, пока не перескочишь». Алексей Петрович начал было насвистывать «Оду к радости», но остановился от возмутительного употребления предлога «К». И спел вместо Оды «Когда святые маршируют», слегка переврав несколько начальных нот. После чего сел писать письмо Любе.

ФИЛЬМ «ПОД КРЫШАМИ ПАРИЖА»

Козлик и его друзья Толя Ваксель и Боря Старцев отправились смотреть в клубе «Ленэнерго» французский фильм «Под крышами Парижа», взятый в качестве тро-

фея. По окончании фильма друзья безмолвно покинули полупустой зал. Залететь при помощи целлулоида под крыши Парижа одновременно оказалось приятным и раздражительным. Фильм разбередил юные души:

«Там мансарды, а у нас только чердаки», — с грустью констатировал Козлик.

«Марсово поле, да не то», — добавил Боря Старцев.

«Нам Франции не видать как своих ушей», — заключил Ваксель и от злобы пихнул ни в чем не повинную урну ногой.

Ни Козлик, ни его товарищи в тот момент не знали, что желания часто исполняются самым неожиданным и не всегда лучшим образом.

ЧИТАЯ ХЕМИНГУЭЯ

Алексей Петрович выбрал себе в путеводители по Парижу: «Праздник, который всегда с тобой» Эрнста Хемингуэя.

Автор, он же герой, мужественно переживает трудности жизни: квартира над лесопилкой. Денег не всегда хватало ни на ловлю форели в Испании, ни на корриду там же. Иногда Париж пах облетевшими листьями каштанов, а иногда нечистотами. Бочки с дерьмом напоминают великому писателю картины Брака.

На первых же страницах Х. поведал читателю, что им был выпит ром «Сент Джеймс» и запит ромом из Мартиники. Далее в тексте заблистали кирши, виски с содовой, различные виды белых вин, аперитивы. Затем начался великий *полив*: Фицджеральду оказалось не хватает пяти сантиметров для нормальной длины ног. Жена автора «Великого Гетсби» Зельда была алкоголичкой и сумасшедшей. Писатель Форд Медокс Форд выведен снобом и дураком (и по делу — невозможно понять, где имя, этого Медокса, а где фамилия).

С точки зрения Х., в городе Париже был один порядочный человек, нет, не прокурор, который свинья в ермолке, а Эзра Паунд, знаменитый американский поэт, обвиненный в 1945 году американскими властями в предательстве. Эзра схлопотал бы вышку за болтовню по фашистскому радио, если бы врачи не признали его сумасшедшим. Он просидел в комфортабельной американской психушке тринадцать лет. Его часто посещали молодые американские поэты, в том числе Алек Гинсберг. Ему-то, еврею, этого делать не стоило.

Печально, но путеводитель из «Праздника» не выклеывался. Не ходить же по местам покойного Хемингуэя, попивая винцо и вкушая устрицы, как плоские португальские, очень хорошие, так и неплоские, неизвестного происхождения, хорошие, но не очень. *И иго-го и бутылки рома, рома, рома...*

ВОСПОМИНАНИЯ

Тут Алексей Петрович вспомнил ром бакарди, распитый не в Париже, а в Ленинграде. Бог знает, в каком году. Козлик вместе с неким Балакеревым, вруном и прощелыгой, позарились на экзотику, за что Козлик был жестоко наказан — все выпитое и съеденное оказалось на полу балакеревской комнаты, а почему, а потому, что надо было пить любезную сердцу белую головку, а не выебываться. Из-за этого проклятого кубинского рома Козлик потерял способность выпивать более тридцати трех граммов крепких алкогольных напитков за сутки.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ БЕНИЛЮКС

Алексей Петрович в уме проверил свои знания о Нидерландах. Их оказалось куцый хвост.

Разудало размахивая топором, Петр, царь-плотник, строил корабли в Амстердаме. В искусстве топора он по-

наторел, рубя головы стрельцам на лобном месте. Были ли эти экзекуции явлением прогрессивным или наоборот, *мракобесным*, осталось Козлику совершенно неясным. Алексей Петрович хорошо знал одно: в данный момент он живет в бывшем Новом Амстердаме, в котором ничего амстердамского нет. Кроме этого, в голове Козлика промелькнуло имя Вильгейма Оранского, но кто был этот пресловутый Оранский, Козлик при всем старании вспомнить не мог. И тут, как это случалось довольно часто, Алексей Петрович мысленно вернулся к родным Пенатам, и ему привиделась любезная его сердцу, Новая Голландия в Ленинграде. На глазах у него навернулись две скупые мужские слезы. (Чем отличаются женские слезы от мужских, Козлику никто толком объяснить не мог.)

В предельно короткое время с помощью Исаака Марковича Алексей Петрович получил американскую *ксиву* и необходимые для вояжа визы. В консульстве одного из Бенилюксов произошла заминка — Козлик был спрошен, очевидно, в шутку, не собирается ли он шпионить в Брюсселе возле важных зданий Атлантического пакта. Через переводчика, т.е. Исаака Марковича, Козлик понес срывающимся от напряжения голосом патристическую хуйню:

«Я, сбежавший из коммунистического рая, и в благодарность за сердечный прием, оказанный мне США, никогда не буду служить лазутчиком ГПУ, хотя рука Москвы дотянулась до самых вершин, но не до меня. Ишачить шпионом для Москвы, *коммунистического парадиза* и примкнувших к нему Варшавского пакта странсателлитов, особенно Польши, я не намерен. Ржечь Польшита должна быть наравне с Тевтонским орденом расчленена на мелкие уезды.

Исаак Маркович ничего подобного переводить не стал, а обошелся несколькими нужными для получения

визы словами. Секретарша спросила, почему в русском языке имеют быть необычайные длинноты. Исаак Маркович нашел для этого какое-то истолкование. После чего одна из Бенилюкса лихо прихлопнула печать на документ.

«Теперь только билеты, — сказал Исаак Маркович и, желая блеснуть своим русским, добавил: — Дело в шляпе». И помолчав несколько минут:

«Вы, Козлик, *есть клиника*, вам надобно лечиться. Почему вы мешали мне получить визу для вас же? *Вы есть* совершеннейший кипящий чайник и не ведаете, что творите».

Козлик, однако, хорошо знал, что творил — он развлекал собственную персону. Все эти посольские дамы и господа, ставившие визы, набили оскомину ему однообразием физиономий, на которых было написано глубокое презрение как к Алексею Петровичу, так и к его собачьему паспорту. Билеты в Амстердам были куплены без особых трудностей, и Козлик начал нервно готовиться к предстоящему полету, т.е. по сто раз на дню переключал свои немногочисленные *бебехи*.

ПРЕДПОЛЕТНАЯ НОЧЬ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

За день до полета появилась Лидия. Открывая дверь, Козлик не сразу вспомнил, *кто есть* она.

«Вы кто такая будете? Не из госстраха ли? Чем вы торгуете? В этой стране все что-то продают, каждый день по телефону мне текут предложения, но я почти ничего не понимаю. Почему вы не отвечаете на мои вопросы?»

«Я Лидия из Ливерпуля».

«Интересно, прямо из Англии. Легок ли был перелет?»

«Алексей Петрович, я из другого Ливерпуля».

«Ах да, да, вспомнил: вы ученая дама из университета. Не скажете ли мне, за каким хером в мире существует два Ливерпуля. Нешто одного было мало? Но вы заходите, заходите. Позвольте вашу сумку. Сколько дней вы собираетесь провести в столице золотого тельца?»

«Два дня».

«А я завтра улетаю». Тут Козлик совершенно забыл, где его билеты.

«Мне срочно надо найти билеты. Как вас зовут?»

«Меня зовут Лидия. Я *близко* познакомилась с вами две недели тому назад. Неужели вы не помните меня, мы же с вами занимались любовью».

«Любовь — любовью, но лучше помогите мне, я куда-то засунул эти проклятые билеты. Ах, вот они. Все прячется. Найдешь одно, другое обязательно испарится. Билеты легко можно посеять. Я очень взвинчен. Да вот что, у меня новые правила: гость занимает не более трети этого чертова дивана, повторяю: никак не более трети. Запомнили. Никаких сексуальных потех. На завтрак имеются только хлопья. Обед ровно в пять в корчме на Литовской границе». И тут совершенно не в ту степь:

«А вдруг у меня в этом чертовом Бенилюксе на пропитание и крышу над головой не хватит денег? Спать под мостом прикажете? Вы знаете, кто такие клошары, по-нашему, бомжи? Так вот, в их компанию я попасть не намерен. Я еду к любимой девушке в Бенилюкс, то бишь в Голландию, в Амстердам, Вы посещали этот ебанный Бенилюкс?»

«Я ничего не посещала, для посещений у меня нет денег. А откуда у вас на все это: квартира, заграничные поездки и шотландский твид? На это все нужно немало денег».

«Кое-что нашел на улице, кое-что заработал в Риме тяжелым трудом *подписывания* картин. И так далее, но это все не ваше дело. Не забудьте: переодеться сле-

дует в ванной, спать в халате. Если я, по забывчивости ночью буду к вам приставать с нескромными предложениями, дайте мне пару оплеух, это приведет меня в чувство».

В восемь часов вечера Алексей Петрович залез на свою треть дивана, а Лидия на свою. Близость женщины не давала Козлику сомкнуть глаза. Борьба с самим собой кончилась как всегда полным поражением: Козлик не выдержал пытки и, получив пару заказанных оплеух, с удовольствием занялся делом.

Кроме этого Козлик был поцелован сухими, горячими губами почти так же, как много лет назад в день несостоявшегося празднования двухсотпятидесятилетия Северной Пальмиры.

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ

Пальмира Пальмирой, а жрать было нечего. В кармане Козлика *звенела* пустота. Бутылки были сданы. Козлик направился на Литейный, дабы стрельнуть у близкого друга Володи Соколова немного денег.

«Сам сижу на картошке, но и она уже кончается. Что делать, не знаю, не поехать ли нам в лагерь, который будь готов всегда готов! На эту чертову работу всегда нужны люди».

Через два дня друзья оказались воспитателями в старшем отряде. Пионеры были, как и следовало ожидать, шумными и противными подростками. Надо было применять самые срочные меры. Козлик подозвал заводилу с кретинским лицом:

«Тебе, бля, оба глаза нужны или одним обойдешься? Как тебя зовут?»

«Гоша».

«Ну вот что, милейший, ты, конечно, знаешь, что такое «милейший». Не знаешь,

не надо. Я тебя назначаю атаманом отряда. Все должны ходить по струнке. После отбоя тишина. Будешь заходить к нам вечерами покурить и чаю попить. *Кочумай* (что значило на давнопрошедшем арго: держи язык за зубами). Понял, шкет? Завтра после отбоя приходи к нам, поговорим о жизни. А теперь топай, и чтобы мы ни звука не слышали от подчиненных тебе олухов».

Не успел прыщавый отбыть, как раздался стук в дверь, и на пороге появилась Жердочка. И заговорила Жердочка человеческим голосом:

«К вам можно?»

«Заходи, мелюзга».

«Я не мелюзга, а девочка, или скорее девушка. Меня зовут Нина».

Володя строгим голосом:

«А ты почему не в кровати?»

«В чьей кровати? В вашей, моей или вообще абстрактной? Я живу с мамой в доме напротив. Она медсестра, а я при ней иждивенец. В настоящий момент маманя с директором лагеря и поваром попивают казенный спирт и закусывают чем Бог послал и повар украл. А я выучила тридцать английских слов и почувствовала легкую усталость. А почему вы пьете чай, а мне не предлагаете?»

Володя поставил чайник на плитку. Мелюзга между тем голосом сварливой учительницы:

«Мне всего шестнадцать лет. Не смотрите на меня, как два кота на сметану. Меня еще нельзя соблазнять, я для этого слишком юна. Я заметила, что вы оба относитесь к одной и той же категории мужчин: вы любите девочек, но чтобы они были похожи на мальчиков. Я об этом читала где-то, может быть, у Фрейда».

«Аж у Фрейда», — с искренним восхищением возгласил Козлик. Это тот, который из *псевдонаук и все про секс*. Но мы на тебя никак особенно не смотрели. Мы не *безбожные развратители* малолетних детей. А теперь по-

зволь нам представиться: меня зовут Алексей, а моего друга Владимир, я учусь в гуманитарной богадельне, а он в технической. А вообще-то мы *с песней по жизни шагаем* в надежде на то, что *кто был ничем, тот станет всем*.

Нина:

«Я сразу заметила, что вы дурачки. На такую работу умный за миллион не пойдет, но вы мне все равно нравитесь, если разрешите, я буду вас изредка навещать».

«Но почему же изредка? Мы и наш чайник всегда к твоим услугам». Нина подошла к Козлику и поцеловала его в щеку. Поцелуй был также дарован Володе. После чего Жердочка удалилась. Володя начал бегать вокруг стола:

«Девчонка совершенно сумасшедшая, а что, если завтра утром она решит поцеловать нас во время утренней линейки? Аморалка, телега в институт, комсомольское собрание. Выметем из своих рядов *развратителей* пионеров и школьников. Суд, свидетели, общественный обвинитель, срок в лагере, где блатные нас сначала употребят, а потом зарежут. Давай собирать манатки и на электричку. С другой стороны... — тут Володя остановился. — С другой стороны, я никогда не видел такой красивой девчонки. Через два года я кончу институт, а ей к тому времени стукнет восемнадцать. Я на ней женюсь. Ей богу женюсь, если, конечно, меня не засунут до этого в каталажку. Слушай, Козлик, что нам делать?»

«Нам следует выпить еще по чашке чая, выкурить по две сигареты и лечь спать, а завтра утром ты отловишь Жердочку и предложишь ей руку и сердце. И вы будете женихом и невестой, конечно, тайно, как в *позапрошлых романах времен Очакова и покоренья Крыма*». Володя опять принялся бегать вокруг стола и что-то нервно бубнить, но Козлик при помощи проигрывания в голове известного шлягера «Очи черные» отключил сознание.

К утру следующего дня пыл жениха поутих. Надобно было изображать видимость работы, на что уходило мно-

го сил. После отбоя Козлик пообещал сводить атамана с помощником на давно запланированное незаконное вечернее купанье. Обессиленный всей этой ерундой, Козлик, вздыхая и охая, ввалился в восемь вечера в свою комнату, где застал идиллическую картину: за столом сидел улыбающийся Володя, Жердочка и какая-то малопривлекательная особа женского пола.

«Меня зовут Мария Ивановна. Я мать Ниночки. Что она вам тут наговорила? Она у меня образованная, даже слишком, и все благодаря тому, что у нас в квартире живет недобитый профессор кислых щей со своей библиотекой и кошкой. Профессор-то и полощет мозги бедной девочке при помощи вредных книг, хоть в милицию жалуйся».

«В милицию, непременно в милицию с жалобой на мелкое книжное хулиганство», — забормотал Козлик. А мы в свидетели. Она при нас имела нахальство читать «Войну и мир». Но это все исправимо: мы ей вместо этого графа подсунем пролетария *Забубенного* с его «Белой березой» в стиле кристально чистого соцреализма. А этим так называемым классикам русской литературы покажем фигу».

На сём литературная часть закончилась, маманя, сославшись на усталость, отбыла.

Н.Й. ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Проспав никак не более двух часов, Алексей Петрович открыл глаза, включил свет и с удивлением обнаружил, что на кровати лежит нечто привлекательное женского пола. Подумав немного, кто это мог быть, Козлик, вспомнил, что в позе Махи лежит Лидия во всей своей обнаженной красе.

«Послушайте, шер мадам, мне нужно ваше ухо».

Шер мадам, почти плача:

«Вы дадите, наконец, мне спокойно поспать?»

Алексей Петрович пропустил за ненадобностью малоинтересные стенания:

«Мне нужен слушатель, какой ни на есть. Где, по-вашему, я должен ночью изловить русское ухо. Вы тут лежите в тепле и уюте, совершенно ничем не заняты, а что касается сна, то вы отоспитесь после моего отъезда в далекие края. Я в ужасном раздвоении. У меня просто шизофрения. Моя первая любимая девушка (хронологически) в настоящее время живет в Финляндии, т.е. по Шкловскому в Третьем Парголово, но билет и виза у меня в Нидерланды, где живет моя вторая любимая девушка. Сегодня ночью я подумал, что мне лучше было бы съездить в Хельсинки повидаться с любимой девушкой № 1. Ее зовут Нина. Я познакомился с ней в лагере. В то время ей было шестнадцать лет. Нет, я никакой не педофил. Вы сами, наверно, лесбиянка, но мне это до лампочки. Второй любимой девушке сейчас шестнадцать лет, а мне тридцать семь. Меня может изловить голландская полиция, если узнает, что у меня с Любой слишком близкие отношения. Кстати говоря, вы очень напоминаете мне Нину, мою первую любимую девушку. Может, мне сдать билет и счесть вас Ниной, что очень упростило бы мне жизнь: я на дух не выношу длительные перелеты. *Как это вам?»*

Ответа на вопрос Алексей Петрович не получил и с камнем на сердце отправился спать, но сон не шел. Козлик опять зажег свет. На сей раз, полиглотка приняла побудку без жалоб и стенаний:

«Давайте Алексей Петрович, травите, мне уже все равно не заснуть».

КОЗЛИКА НОЧНОЕ КУПАНЬЕ

«Сегодня я хочу пригласить тебя на ночное купание», — поднявшись на цыпочки, прямо в ухо прошепта-

ла Жердочка. Кошки и мышки заскребли у меня на сердце. Я не знал, что ответить: я не мог отказать Жердочке ни в чем, и уж конечно, в ночном купанье. На берегу реки Нина скинула с себя все, что можно было скинуть, и бросилась в воду. Вам, дражайшая Лидия, следует прочесть замечательный рассказ Бунина с ночным купанием, название я запомнил. Умри, лучше не напишешь. Лидия, вы что-то то сказали о Бунине. Он чем-то вам нехорош? Старомоден, говорите? Вы, конечно, читаете исключительно Джойса и Пруста, что в высшей степени похвально. По-русски ничего не читаете. Вы их, этих Достоевских с присными переросли. Проснулись однажды, открыли Ходасевича и поняли, что это Доктор Айболит для взрослых. Ну ладно, читайте, что хотите. Вернемся, однако к Жердочке. После того как она сиганула в воду, меня охватил вселенский страх. Лидия, не перебивайте меня. Я совершенно не боялся, что она утонет, там тонуть было негде. Когда она выскочила на берег, я понял, что *втюрился* раз и навсегда. Собрав *остатние* силы, я дрожащими руками, по ее просьбе, застегнул никчемушный лифчик.

«Ты меня даже не поцеловал», — с обидой в голосе пропищала девчонка.

Я поцеловал ее во влажную щеку.

О каком благородстве, Лидия, вы соблаговолили прокудахтать? Ну конечно, я не воспользовался ее молодостью и невинностью. Благородства в этом было ноль с хвостиком, или того меньше. Был страх, желание бежать с поля боя, и нескончаемый вопрос: что делать? что делать? что делать?

«Когда мне будет восемнадцать лет, я выйду за тебя замуж».

После ночного купанья, я постарался идти как можно дальше от Нины, чтобы избежать возможных проявлений Жердочкиных нежностей, совершенно неуместных и даже опасных в пионерском лагере.

Вернувшись к себе, я узрел на шербатом столе колбасы, *свинокопчености*, банки с персиковым компотом и другие почти снайдеровские разносолы. За столом сидела маманя и с понятным интересом смотрела, как из Володиного рюкзака на стол вываливаются деликатесы.

«Всю месячную зарплату истратил», — с гордостью объявил Володя и, вытаскивая напоследок бутылку, дурно пропел:

наш паровоз вперед лети
в могиле остановка
другого нет у нас пути
в руках у нас «зубровка».

Маманя с трудом оторвала взгляд от бутылки:

«Вы это бросьте. С такими переделанными песнями вас может справедливо схватить карающая рука правосудия. У меня папочка был *комсомольцем двадцатых годов*».

В разговор вмешалась Нина:

«Сначала был комсомольцем, а потом его того, пифпаф».

Маманя пустила слезу и к слезе добавила:

«Лес рубят — летят. Вы бутылочку-то откройте. «Московская» была бы получше, но и «Зубровка» сойдет». Выпив рюмку водки, Маманя подозрительно уставилась на влажные волосы дочери:

«А почему у тебя мокрые волосы?»

«Голову мыла», — не моргнув глазом, соврала Жердочка.

«Врет и не краснеет», — подумал я.

СОМНЕНИЕ

Пробудился Алексей Петрович поздно. Вспомнил, что сегодня вечером летит в Амстердам. От этой мысли никакой радости Козлик не испытал, а совсем наоборот, впал в уныние:

«Залечу на день в Амстердам», — решил он. А там в Париж. Париж-то Париж, а на какой черт он мне сдался? — продолжал размышлять Козлик. — Мне надобна Суоми, в которой жительствоует Жердочка. Она, возможно, теперь и не Жердочка вовсе, а *три толстяка*».

ЖЕРДОЧКА

Нина получила золотую медаль и поступила в университет. Козлик, удачно продав украденный в библиотеке «Садок судей», пригласил Володю и Нину отпраздновать это событие в «Метрополе». К тому же Нине в этот день исполнялось восемнадцать лет. Ресторан был почти пуст. Разговор как-то не клеился. Козлик ждал с некоторым страхом, что Нина немедленно пожелает выйти за него замуж. А Володя все никак не мог набраться мужества предложить Жердочке руку, сердце и другие части тела.

Вид у Нины несмотря на стечение приятных событий был кислый:

«Мне тут как-то не нравится: Эти малоприятные люди делают вид, что сильно веселятся, а на самом деле грустно глотают разбавленную водку. И солянка слишком жирная. Пойдем лучше ко мне, маманя за городом. Обещаю крепкий чай. У меня есть печенье и конфеты. Надо как-то отбить вкус этой помойной солянки».

СТРИПТИЗ

Володя принялся было защищать солянку, но быстро сник. Нина сморщила нос:

«Итак, вечер начинается с известного в буржуазных странах раздевания по имени стриптиз. Упомянутое *действие* будет происходить по всем законам этого популярного за рубежом жанра. По условию игры, *стриптизи-*

рующую трогать руками нельзя. Перед тем как все это начать мы должны договориться, каким уровнем языка мы станем пользоваться. У нас неширокий выбор: язык подзаборный, романтический и медицинский. Проголосуем!» Выбрали романтический, правда, в русском языке такого почти не существует, ну как-нибудь справимся. Продолжайте попивать чай, а я в это время приготавлиюсь». Во время Нининого предисловия лицо Володи наливалось кровью.

Жердочка покинула комнату. Вернулась она минут через пять одетая в бикини, которую купальную одежду начала мало-помалу не очень ловко снимать. Совершенно неожиданно тихий человек Володя стукнул кулаком по столу:

«Немедленно прекратить безобразие! Надеть халат или *подобие* его!»

На лице Жердочки было написано искреннее удивление:

«Если тебе не нравится, можешь не смотреть, а еще лучше того, покинь помещение».

Володя продолжал пускать пену:

«Я не хочу, чтобы Козлик, рассматривал мою будущую жену в голом виде, да еще с разными ужимками и подскоками. Уходить я никуда не собираюсь, пусть этот бывший Козлик, а ныне распущенный старый козел идет ко всем чертям».

Нина надела халат:

«Кто тебе сказал, что я буду твоей или чьей бы то ни было женой. Посмотри на себя в зеркало: росту в тебе два вершка от горшка. Да и ум у тебя мясо-молочного свойства. Козлик, помоги ему открыть дверь, у него руки трясутся».

Козлик схватил бывшего друга за шиворот и вытолкнул его на лестничную площадку.

«Что будем делать?» — в растерянности осведомился Козлик.

«Мы будем делать, детей, но так чтобы их у нас отныне, присно и во веки веков не было. Я хотела предложить вам обоим сегодня заняться любовью, и для этого приготовила небольшое научное сообщение, базирующееся на трудах доктора Фрейда, но дурак Володя начал нести матримониально-жениховскую собачину и мне не удалось получить двойную порцию сексуального интереса к моей персоне, а жаль».

Козлик хорошо понимал, что в ближайшем будущем эта Жердочкина утрата будет сторицей ею восполнена.

ОТЪЕЗД ЖЕРДОЧКИ ЗА ГРАНИЦУ

Где-то в конце пятьдесят шестого Нина позвонила и высвистала Козлика на свидание в кафе:

«Я сваливаю. Мне тут все страшно надоело. Выхожу замуж за чуждую белоглазую и отправлюсь на вечное поселение в славный город Хельсинки. Ты бы хоть для порядка пустил слезу от горя расставания. Я уж было хотела напроситься к тебе в жены, но тут появился этот Суоми. Я перепробовала вас, мужиков, штук эдак, пятьдесят. Всем им было надо чего-то особенного. Одному страстный оргазм, а где его прикажете взять, другому всяких ненужных позиций и так далее и тому подобное. Я тебя, Козлик, буду век помнить, зря ты меня не развратил, когда мне было шестнадцать лет, но теперь поздно об этом жалеть. Завтра мы отметим эти события последним для нас коитусом, звучит, как геометрия: *равнобедренный, прямоугольный и гипотенузный коитус*. Жди меня завтра около шести, конечно же, около грифонов».

Козлик простоял на Банковском мосту до восьми, но Нина так и не появилась. Жердочка укатила, не простившись. Каждый новый год Алексей Петрович получал открытку с поздравлением, но без обратного адреса. Мама-ня, встретив Козлика на Невском, сообщила, что Жердоч-

ка защитила докторскую диссертацию и что ни разу после отъезда из Ленинград домой не возвращалась. Всякий раз, проходя мимо дома, где некогда жила Жердочка, Алексей Петрович скукоживался и у него начинал подергиваться левый глаз.

НЬЮ-ЙОРК — АМСТЕРДАМ

Козлик долго блуждал по аэродрому. Купил «Нью-Йорк Таймс». На развороте красовалась уродливая физиономия президента. Козлик попытался понять заглавие статьи, но его усилия были тщетны. Он знал на зубок семьдесят пять английских слов, но, видимо, не тех, что нужно. Самолет с явной неохотой поднялся в воздух. В окошке было видно сильно вибрирующее крыло. Козлик хотел сообщить об этом катастрофическом факте стюардессе, но из его речевых органов вырвались тихие нечленораздельные пiski, и он почему-то раз десять повторил про себя ни к кому не адресуемое нехорошее словечко *жона* как в единственном, так и во множественном числе. Нужно думать, худое слово имело снотворное качество, потому как Козлик, пробубнив нестандартную мантру, кое-как приткнул свою голову и заснул.

По прибытии в Амстердам Алексей Петрович сразу узрел в зале ожидания Любу. Рядом с любимой девушкой номер два стоял непривлекательный господин в потертой кожаной куртке.

«Хахаль», — подумал Козлик с некоторым облегчением. Ему совершенно не хотелось после тяжелого перелета предаваться блуду даже с симпатичной выше всякой меры Любой.

Девушка крепко пожала руку и всем своим видом дала понять, что приветственного и всякого другого поцелуя не будет.

Тип в кожаной тужурке сообщил, что его партийная кличка *Ванья*. И что он *русист*, но никак не *советоло-*

жист. «Вы великоросс или *перекати-поле* ягодка? У нас маленькая страна, мы не можем набивать ее евреями и другими черными *ориенталами*, у нас и без них тесно. Всяк вновь прибывший думает, что он Спиноза Борух, а на самом деле он заноза и боль в народной заднице. Как писал любимый в вашей стране поэт Маршак: «Малайцев, китайцев и прочего сброда». Помните мистера Твистера и его любимую дочь? Так вот, вы к нам навеки, или туристом повидать друзей на два-три дня? *На пока* мы *водворим* вас к любезной Вере, она с мужем *шлендрают* по Австралии, но к их *ожидаемому* приезду вам должно будет *выметываться, куда Бог пошлет*. У нас в королевстве есть гостиницы. Так что через три дня ты сможешь (тут обладатель кожаной куртки по неизвестной причине перешел на амикошонское ты), ты сможешь переехать в гостиницу, которая *есть* на старой барже. *Эта гостиница очень дешевое удовольствие для бедных*. Там утром дают кофе *задаром*, а также и булочку совершенно *за просто так*. *Гуляй, не хочу*. Булочки не совсем свежие, но это полезно для желудка. *Вы чистый на руку*, или нет? А то у Веры и ее мужа международного свойства коллекция русских художественной работы коробочек и матрешек. Вы на них рот не разевайте. Вскорости мы на автобусе доедем до центра нашей столицы. Там мы подзаправимся гамбургерами, а уж вслед за тем отправимся на Верину квартиру и *расположим* вас там».

Троица доехала на автобусе до центра Амстердама и отправилась в ненавистный Козлику Мак Дональд. Проходя мимо канала, *Ванья* указал грязным перстом на мутные воды:

«А тут ваш Петр строил корабли, но *только часть времени*, в *другую порцию часов* заливал за воротник *безмерно*».

«Интересно, — подумал Алексей Петрович, — а если этого *Ванью* отправить на купанье в канал, чем он заболет и как скоро сыграет в ящик?»

Люба во время *Ваньиного* словесного поноса молчала, но было видно, что она на последнем издыхании и в любой момент может сойти с рельс и начать выделять смертельные фортеля.

А ползучий голландец продолжал жевать свою полурусскую мякину.

Внутри у Козлика все клокотало и бурлило, он не мог больше терпеть издевательства над родным языком:

«Ты, *Ванья*, помолчи чуток. *Кое-когда* один *имярек* болтал без *передыху*, и с ним случился оттого инсульт. До больницы его довезли, но уже в *жмуриковском* состоянии. Сечешь?»

Ванья замолчал, но не надолго:

«*Я* понял *суть*, но *насколько совместимы эти слов*, не *внял*».

Козлик впадал во все большее и большее раздражение:

«Не *внял*, и не надо, с течением времени *внешь*. Главное, *Ванья*, мне срочно нужно *пронырнуть* в ближайший сортир. Говоря твоим дурацким русским, у *меня плохое удержание мочи*. Врубился?»

«Вы можете получить *удовлетворение* в моих *апартаментах*, которые в *легко достижимой близости*», — любезно предложил *Ванья*.

Квартира *русолога* мало чем отличалась от советских новостроек, кроме, пожалуй, того, что на стенах висело пять новеньких с иголки работ *Кисса Ван Донгина*, подписанных *Любакисс*. Козлик извлек из кармана двадцатник и повернувшись к *Ванье*:

«Послушай, *Вань*, не можешь ли ты сбегать в лавку и купить нам пива и что-нибудь пожрать, а то у меня в желудке и на сердце необычайное беспокойство после *Мак Дональда*».

Ванья стремительно бросился за покупками.

Козлик тяжело опустился в кресло:

«Люба, на какой помойке ты раздобыла этого гнусного мудака?»

«На Нидерландской, где еще?».

«Неужели ничего лучшего невозможно было сыскать?»

«Я никого не искала. *Ванья* сам с неба свалился. Ты видишь картины на стене? Это Кисс Ван Донген моей работы. Портреты мелкой и крупной буржуазии. Я этих голландских уродов исправляю: нос короче, пальцы длиннее, но самое главное — это шеи. У них башка сидит *бесшейно* на плечах. *Ванья* находит мне клиентов. Он мой менеджер: пятьдесят процентов — мне, пятьдесят — ему. А что касается секса, *Ванек* голубой, а я сублимирую сексуальную энергию в искусство. Послушай, Козлик, тебе нужны деньги? У меня их куры не клюют».

Алексей Петрович от денег отказался.

Вскорости *Ванья* принес харч. Он с ракетной быстротой сожрал свою долю корейки, после чего облизал, причмокивая, все десять пальцев и возвестил:

«У нас на сегодня *нижетекущие события*: сначала мы пристроим гостя на отдых к Вере. В семь часов у нас обед у Надежды. Потом мы все идем смотреть на блядей».

Козлик был изрядно удивлен и даже возмущен:

«Что значит смотреть? Вы еще их обнюхивать прикажите. Нешто не ясно, что следует делать с упомянутыми работниками панели?»

«В нашем королевстве работники панели *не находятся на тротуаре*, а сидят в витринах, где иногда читают очень серьезные книги, а иногда *просто так*, если, конечно, в это время *на них нет клиентуры*», — старательно разъяснил *Ванья*.

Алексей Петрович удержался от осуждения странных правил туземцев. В чужой монастырь со своим уставом Козлик решил не лезть и вместо того, чтобы слушать ис-

кривление русского языка, включил в левой височной доле мозга кофейную кантату И.С.Баха. По каким-то совершенно не ясным причинам в Иоганна Себастьяна настойчиво вклинивался скверный мотивчик с дурными словами: «...много в ней лесов, полей и рек».

Козлик страшно устал и посему с трудом дотащился до Веринной квартиры. *Ванья* выдал множество предписаний о том, как вести себя, что позволено трогать, как спускать воду в уборной и прочие никому не нужные наставления. Козлик плюхнулся на кровать и, не раздеваясь, заснул.

Алексей Петрович почувствовал, что кто-то трясет его. С превеликим трудом, продрав глаза, Козлик увидел хорошо выбритого, туманно знакомого джентльмена в элегантном костюме:

«А ты кто такой будешь? Я тебя где-то видел. Ты это почему трясешь меня, как грушу? Из меня вытрясти ничего невозможно. Я тряскоустойчивый. Я сам сейчас тебя начну трясти. Тогда увидим, кто кого перетрясет. Ах, это ты, нидерландский Ванек. Прикид у тебя первоклассный, сколько выложил за мануфту?»

Хороший костюм слегка скрашивал *Ваньину* безобразную особу, но только слегка.

Нидерландский Иван поправил галстук:

«Мы сейчас двинемся в сторону Нади и ее мужа, который есть по Марксу компрадорский буржуй».

Козлик не стал выяснять, что это длинное слово значит, а *Ванек* тем временем продолжал что-то бубнить. Козликовой гипоталамус отлавливал только необходимую информацию. Из речений *Ваньи* стало ясно, что в честь прибытия Козелкова *Надя* готовит русский обед.

Квартира Надежды с супругом была велика и обильна многочисленными статуэтками, чашечками и скверной работы деревянными скульптурами. Кроме этого, на стене висел один лже-Ван Донген и множество фотографий.

Хозяин крепко пожал руку Козлика:

«Жакен».

Добросовестный Ванек *перетолмачил*:

«Он говорит, что он Жакен».

«Нет никаких резонов ему не верить именно потому, что более дурацкого имени я нигде не встречал. Вань, скажи этому нильскому крокодилу, что в моей родословной числится Вильгельм Оранский», — неизвестно зачем соврал Козлик. Жакен пропустил это оповещение мимо ушей.

«Я кое-что тут увидел», — сообщил Козлик, ткнув указательным пальцем в фотографию, на которой во всей красе был изображен некто весьма похожий на хозяина дома.

«Вас ис дас?» — блеснул Алексей Петрович своим двадцатисловным немецким.

РАЗГОВОР КОЗЛИКА С ЖАКЕНОМ В ПЕРЕВОДЕ ВАНЬКА

Ж. «Это мой любезный папаша. Вы заметили, что на его грудной клетке висит железный крест за его неустрашимое поведение во время войны с большевиками в дивизии СС «Нидерланды»? В боях с комиссарами приняло горячее участие восемьдесят тысяч наших семижильных голландцев.

А.П. «Я уверен, ваш папаша спасал от верной гибели с риском для своей персоны множество евреев, цыган и других нежелательных недочеловеков. Я правильно убежден?»

Ж. «Им в СС было не до того-сего. Незаконные партизаны, плюя на все Женевские законы и положения, мешали вести честную войну. А зачем вы задаете эти вопросы? Что вам до нашей исторической судьбы? Что было, то ушло. Если вам мой папаша не нравится, то мне избреш-

ти другого невозможно. Вы мне определенно противны. Топайте домой немедленно, чтобы остаться целым и невредимыми. На сегодня никаких борщей и холодных закусок не будет иметь места».

Козлик было открыл рот, но понял, что, если сейчас произойдет минимальная задержка, он будет сильно бит, чего ему, естественно, не хотелось. Выйдя из фашистской квартиры, Ванья понес какую-то антикапиталистическую дребедень и настойчиво просил Козлика по возвращении в Штаты сообщить тамошнему населению, что *призрак бродит по Европе, призрак коммунизма*.

Алексею Петровичу было не до призраков. Он определенно почувствовал, совершенную никчемность своего пребывания среди красивых, но чуждых его сердцу каналов. Ему страшно захотелось домой к мосту с грифонами. Он начал строить планы нелегального перехода границы, но понял, что легче верблюду проникнуть через игольное ушко, чем *всякому Якову пролезть* через советский кордон. В предельно мрачном состоянии Козлик последовал с Иваном и Любой в район красных фонарей, где в витринах сидели проститутки в ожидании клиентов. Ничего для себя интересного Алексей Петрович во всем этом блядстве не нашел. Козлик попросил проводить его в Верину квартиру. Спать Козлику совершенно не хотелось, и чтобы как-то скоротать вечер, Алексей Петрович опустил содержимое холодильника. *Наевшись досыта, до отвала*, Козлик позвонил всем знакомым в Н.Й.

На следующее утро в квартире появилась Люба совместно с Иваном. Оный Ванья продолжил свое издевательство над русским языком:

«Мы сейчас отправимся *разглядывать* Рембрандта Ван Рейна в музее, как культурные люди с высшим образованием, исключая несовершеннолетнюю Любу, которая еще молода для университетских регалий, она будет в музее, как художница».

«Вашего Рембрандта я видел много раз, он мне в глотку не лезет», — простонал Козлик, у которого от вчерашнего обжорства сильно болел живот. Я вообще в музеи и на балеты не хожу. Отведите меня в консульство Финляндии. Мне нужна их виза. Я попытаюсь сегодня же вылететь в Великое Княжество Финляндское, дабы подышать балтийским воздухом, а то у меня от ваших каналов *отсырела* голова. Я, правда, собирался отправиться в Париж, где намеревался снять мансарду, о *котором местожительстве я предавался грезам всю жизнь*, но туда попозже. Впрочем, вам этого не понять, *да и не надо*».

Чиновник в консульском отделе финского посольства *продолжительно* с кислой улыбкой рассматривал неприглядный документ, заменяющий паспорт, и после неторопливого перелистывания третьесортной *ксивы* поставил печать, затем, казенно улыбнувшись, пожелал Козлику *бон вояж*.

ФИНЛЯНДИЯ

Самолет трясло невыносимо. Пассажиры по случаю *дешевизны* спиртных напитков пили без передыху, вследствие чего громко разговаривали, рыгали и хлопали стюардесс по задницам. Наконец самолет, дрожа всеми частями сложной механики, приземлился.

Алексей Петрович доехал на автобусе до центра города, который слегка напоминал Петроградский район Ленинграда. Козлик побродил туда-сюда без всякого смысла. *Протопа* минут двадцать по совершенно неинтересной улице, Козлик решил начать поиски Жердочки.

С большим трудом ему удалось втолковать одному из проходящих мимо чухонцев, что он, Козлик, ищет высшее учебное заведение. Чудь белоглазая объяснила, как попасть в университет. Нелегко было найти в чертовых коридорах храма науки нужную кафедру. Козлик остановился перед закрытой дверью:

«Лингвистика, видите ли вы, — с неприязнью ко всем и всяческим наукам подумал Алексей Петрович, — кибернетика, астрономия. А мне в данный момент нужна на самом деле гастрономия. Не могу же я с бурлящим от голода животом обнять любимую девушку № 1. Лингвистика лингвистикой, но вначале буфет».

Козлик был приятно удивлен развитием цивилизацией в *Гельсингфорсе*: на самом видном месте в буфете сияла чистотой импозантная кофеварка итальянского производства. Алексей Петрович ткнул пальцем в бурлящую машину, проблеял что-то неудобоваримое на *англо-итальянском* языке и несмотря на свою *нечленораздельность* получил две чашки замечательного эспрессо и две превосходные булочки. Набравшись сил, Козлик постучал в дверь кафедры лингвистики и, не дождавшись ответа, вошел в накуренную комнату. Трое белобрысых ученых жарко спорили о «звательном» падеже в русском языке. Козлик взял быка за рога:

«Привет мужики!»

Мужики, явно не привыкшие к такому обращению, как-то странно вздернулись, а Козлик продолжал играть свою нехитрую роль:

«А как мне найти Нинку, т.е. профессора Кусикен Нину Евгеньевну? *Ихде* вы *эфту* ученую даму *прячете?*»

Блондины оставили в покое *звательную ерунду*:

«А вы кто будете?»

«Извините, забыл отрекомендоваться: профессор Хохленко, Опонас Михайлович, университет Новой Англии. Наверно, вы читали мою статью в последнем «Славик квотерли» о глагольных формах в «Слове о полку».

Белобрысые поспешили пожать руку известному и влиятельному американскому ученому.

«Нина Евгеньевна сегодня работает дома, но в данный момент, она, наверно, гуляет в садике с псом Лехой», — хлопая безостановочно ресницами, поведал, видимо, самый главный знаток исчезнувших русских падежей.

«Как, вы сказали, величают собачку?»

«Леха. А вы ей позвоните через часок-другой».

«Нет, нет, звонить Нине я не стану, поскольку хочу быть приятным сюрпризом со своей стороны и таким образом обрадовать ее безмерно. Напишите на бумажке адресок, а то кто-то в самолете стащил мою записную книжку ручной эстонской работы. Благодарствую бесконечно, приятно вам звать надежда и другой исторической грамматики».

Козлик выбежал на улицу и, держа бумажку с адресом в одной руке, а сумку в другой, помчался сторону Жердочки. От волнения он проскочил дом № 124, и ему пришлось гнать два длинных унылых квартала в обратную сторону. Забежав в сад, Козлик никаких дам с собачкой не увидел.

Алексей Петрович почему-то презрел лифт и взбежал, или даже можно сказать, взлетел на пятый этаж. Не успел он нажать кнопку звонка, как за дверью раздался лай, а затем:

«Входи, профессор Хохленко, или как там тебя. Дверь не на замке. Собака Леха названа в твою честь и посему обладает всеми твоими чертами характера к примеру Леха не кусается а только лает и, как правило, не на то дерево».

«Откуда ты узнала, что это я?»

«При посредстве телефона, как ты понимаешь. Иди в ванную. Приведи себя в порядок».

Выйдя из ванной, Козлик был премного удивлен: Жердочка успела переодеться в белый с черным поясом костюм для карате. Алексей Петрович и *охнуть не успел*, как оказался лежащим на полу с подвернутой рукой. Козлик хотел было вырваться из капкана, но почувствовал острую боль в плече.

«Лежи, не двигайся, всякое движение может причинить тебе серьезную боль». Козлик внял совету и замер в неудобной позе.

«Послушай, Жердочка, в чем дело? Я прилетел сюда не для того, чтобы ты меня уродовала. Что тебе надобно, если ты не хочешь меня видеть, отпусти меня, и я тихо исчезну. Что за странная манера выкручивать гостям руки».

«Ты все сказал? А теперь мой черед. Ты нанес мне незаживающую душевную рану. Помнишь лагерь, ночное купанье, я поцеловала тебя, а ты шарахнулся от меня, как от прокаженной».

Козлик совершенно запомнил, кто кого целовал после купания и кто от кого шарахался.

«Прошу прощения за все беды, которые я тебе причинил, но я не могу исправить прошлого. Что было, то было, я ничего не могу изменить».

«Покайся, признай, что ты мерзавец».

Боль в руке усилилась, и Алексей Петрович готов был признаться в любых злодеяниях:

«Да, да, я еще Кеннеди убил, Моцарта отравил, и все в том же духе».

Капкан неожиданно раскрылся и Алексей Петрович почувствовал, что рука освободилась. Он не сразу встал с пола, а поднявшись, увидел Жердочку мирно похрапывающую на диване. Козлик впал в страшное беспокойство: а вдруг на Жердочку напал летаргический сон. Алексей Петрович слегка потряс любимую девушку номер один, и получил в ответ:

«Иди вон, дурак, не тряси меня».

Вслед за этим Нина повернулась на другой бок и захрапела еще более явственно.

«Я был использован как снотворное, — простонал громко, ни к кому не обращаясь, Козлик. — Теперь я лечебный препарат для садистов. Надо отсель немедленно сваливать в сторону Парижа».

Козлик с тяжелым сердцем отправился в аэропорт. Любимые девушки покинули его. В первый раз за все время европейского турне Алексей Петрович начал испытывать желание вернуться в Квинс.

ИЗ ХЕЛЬСИНКИ ЧЕРЕЗ АМСТЕРДАМ В ПАРИЖ

По каким-то неведомым самолетным правилам Козлик был отправлен в Париж через Амстердам. Самолет, очевидно, страдал болезнью Паркинсона. Некоторые попутчики бесстыдно блевали в приготовленные для этой цели мешочки. В конце концов самолет вылез из своей нервной болезни и благополучно приземлился в Амстердаме. Козлик провел час в ожидании парижского самолета, попил пиво и размышлял над своей горестной судьбой. Парижский самолет взлетел точно по расписанию. Рядом с Козликом разместился тип с крысиной физиономией. Алексей Петрович достал синюю книжку и начал проверять, не забыл ли он какое-нибудь стихотворение.

«У вас в руках книжка на русском языке, — противным голосом пропищала крыса, — вы русский?»

«Я *есмь да*, и как вы помните, русские прусских всегда бивали, а вы на немца похожи, хотя и говорите по-русски».

«Вы пьяны, — спросил визгливым голосом крысopodobный, — или с иглы слезли, а может, играете в странные игры?»

«Естественно играю в бисерную игру имени Германа Гессе. Вы должны его помнить, он ваш соотечественник. Лицо грызуна покрылось красными пятнами:

«Я не немец, я всемирно почитаемый русский поэт, известный даже в Индонезии. Уверен, что вы читали мои стихи. Все русские читали мои стихи. Мое имя знает любой культурный человек на пяти континентах».

Козлик не унимался:

«Будьте любезны проартикулируйте ваше известное всем кроме меня имя. Очень медленно».

Напыжившись, крыса сообщила:

«Меня зовут, к вашему сведенью, Аркадий Львович Ерохин».

Козлик после небольшой паузы:

«А у меня же имени нет, отчество давно утеряно. Есть в наличии фамилия Нечаев, да и то не моя. После чего Козлик смачно плюнул на пол:

«Летает тут всякая немчура».

«Что это все значит? Я пожалуюсь на ваше поведение *руководству* самолета, — пропищала крыса. — Мне нужно сконцентрироваться. У меня завтра выступление в Сорбонне».

«Ебал я ваше самолетное руководство вместе с Сорбонной. Я претерпел за последнее время множество злостных неприятностей и могу в ярости выкинуть вас из самолета. Вы, кажется, недовольны нашим американским поведением в Юго-Восточной Азии. Вам любезны враждебные нам азиаты, не так ли? У вас сердце к ним прикипело. Вы интернациональный страдалец за все угнетенные народы мира, кроме своего. Я прав? Не противоречьте мне, я страшен *во гневе*».

Лицо Ерохина выражало полное непонимание происходящего. Он начал вертеть головой в поисках свободного места, но самолет был набит под завязку. *Руководство* самолета в лице стюардесс разносило в это время спиртные и прохладительные напитки. Козлик при помощи своего собственного языка для глухонемых, попросил мерзавчик водки. То же самое сделал и поэт Ерохин, но по-английски. «Грамотная сволочь», — подумал Алексей Петрович и проникся еще большей неприязнью к известному поэту.

«Я должен вам объяснить кое-что очень важное о себе: *Во Францию два гренадера из русского плена брели*. Это обо мне в двойственном числе. Усек, немец?»

После чего с сознанием выполненного долга Алексей Петрович заснул и проснулся только, когда самолет пошел на посадку. В кармане Козлика лежала визитная карточка с адресом дешевой гостиницы, подарок Юрия Ани-

симовича. Козлик с трудом добрался до постоянного двора. Выяснилось, что свободных номеров нет, и будут они только завтра после двенадцати дня. А пока Козлик может за половинную цену проспать эту ночь в комнате, через которую ходит лифт. Козлик страшно устал, было двенадцать часов ночи, и искать более приличное прибежище у Алексея Петровича не было сил. Лифт шастал туда-сюда почти без перерыва, что не помешало Козлику заснуть богатырским сном.

Первая ночь под крышами Парижа прошла сюрреалистически. Поутру Алексей Петрович выпал на площадь Республики, где шла *суета сует и всяческая торговля*.

Поначалу Алексей Петрович отправился куда глаза глядят, но потом решил посетить места, связанные с синей книжкой. По этой причине Козлик купил карту Парижа, нашел на ней упомянутый в одном из стихов сад и направил туда свои стопы. В саду росли в основном не ахти какой работы мраморные изваяния. Козлик постоял перед портретом казненной в далекие времена королевы, и отправился далее в поисках упомянутой в стихах любимившегося ему поэта одной из самых красивых площадей Европы, построенной во времена Генриха Четвертого. В центре площади торчал конный памятник неизвестно кому. Козлик расположился на скамейке спиной к монументу. Выкурил две сигареты и решил завтра непременно вернуться, чтобы оставить навсегда в зрачке эту замечательную площадь.

Без руля и без ветрил Козлик отправился бродить по городу.

Шириной Сена проигрывала *Неве державному теченью* с большим счетом. Но в остальном Париж, несомненно, *стоил мессы* или любой другой церковной церемонии.

После трехчасового кружения по городу Козлик решил вернуться в гостиницу и в память клуба Ленэнгеро и

фильма «Под крышами Парижа», путем подскоков и разнообразных жестов попроситься у портье перевести его в мансарду. Что и было исполнено.

Самолет Козлика отлетал через шесть дней и все эти дни Козлик выходил из комнаты только для того чтобы купить себе еду в соседнем магазине. Вояж начался скверно и кончился совершенно нелепо. Перед отъездом в почти родной Квинс Козлик привел себя в относительный порядок. Самолет Париж — Нью-Йорк был почти пуст. Алексей Петрович занял своим телом четыре места и заснул. Проснулся он только тогда, когда самолет начал подруливать к выходу. Таможенник не стал копаться в Козликовой сумке.

«Велком хом», — зычно проорал он и хлопнул Козлика по плечу.

СОДЕРЖАНИЕ

Рим. Конец весны. 1973 год	5
Рассказ Козлика о себе	7
Женитьба Козлика	13
Козлик покупает джинсы	15
Знакомство с Василисой.....	26
Рассказ о том, как Василиса Петрова стала гражданкой Италии	28
Визит к князю	30
Где мадам Баттерфляй?.....	32
Венеция.....	35
Новый бизнес	39
Коперник.....	43
Бизнес набирает силу	44
Неприятности.....	47
Остия	48
Преступный план	54
Вечер перед отлетом	55
Рейс Рим—Нью-Йорк	56
Первый день в Нью-Йорке	58
Третий день пребывания.....	69
Четвертый день пребывания	78
Пятый день пребывания	87
Шестой день пребывания.....	89
Седьмой день пребывания.....	90
Восьмой день пребывания	97
Поздняя осень Н. Й.	100

Первая работа в Н.Й.	105
Перевод разговора Исаака Марковича и Джо	113
Сорок вторая улица Н.Й.	114
В консульстве	115
Филиал	118
Пупкин первый.....	118
Ленинград	124
Пупкин номер два	127
Схождение с рельс.....	132
Антикварный предмет	133
Котик Коган и другие	135
Интервью с корреспондентом газеты «Вашингтон Кроникл»	139
Поэтическое суаре	143
Посещение ливерпульского университета на севере штата Н.Й.	153
Девушка Лидия.....	163
Визит Трифонова	167
Журнал «Луч».....	169
Посещение редактора журнала «Луч»	170
Сошествие в чистилище	171
Чиппендейл	172
Фильм «Под крышами Парижа».....	174
Читая Хемингуэя.....	175
Воспоминания.....	176
Предварительный Бенилюкс	176
Предполетная ночь. Часть первая	178
Пионерский лагерь.....	180
Н.Й. Предпоследняя ночь. Часть вторая	183
Козлика ночное купанье	184
Сомнение.....	186
Жердочка.....	187

Стриптиз	187
Отъезд Жердочки за границу.....	189
Нью-Йорк — Амстердам.....	190
Разговор Козлика с Жакеном в переводе Ванька.....	195
Финляндия.....	197
Из Хельсинки через Амстердам в Париж	201

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»

Заснована у 2023 році

Генрих Элинсон

КОВЫЛЯЯ

ВО ТЪМЕ

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка

Друкарський двір Олега Федорова

Формат 60x84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 5787

Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 13

Гарнітура «Cambria».

Підписано до друку 12.05.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,

«Друкарський двір Олега Федорова»

Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,

e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»

Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Генрих Элинсон (1935–2010) родился в Ленинграде. В 1954–1957 годах учился в Педагогическом институте им. А.И. Герцена в Ленинграде, в 1958 году перевёлся в Новгородский педагогический институт и его окончил.

В 1956 году начал профессионально заниматься изобразительным искусством. Сначала рисовал сангиной, затем пастелью. В 1973 году под воздействием властей эмигрировал в США, где преподавал русский язык, параллельно много работал как художник и выставлялся в галереях и музеях США, Европы, Японии. В 2000 году прошла его первая персональная выставка, результатом которой стало поступление его работ в собрание музея.

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ОВДОРОВА**

